

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»
Институт философии и социально-политических наук
Кафедра теории культуры, этики и эстетики

На правах рукописи

Коршунова Дарья Андреевна



«Локусы медиации» в культуре современного города

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
д.ф.н., проф. Л. А. Штомпель

Ростов-на-Дону – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.....	21
1.1 Теоретико-методологические основы исследования культурного пространства современного города	21
1.2 Понятие «локус медиации» в контексте пространственного поворота.....	49
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛОКУСОВ МЕДИАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ	83
2.1 Генезис и развитие локусов медиации в истории культуры.....	83
2.2 Публичное пространство музея как локус медиации.....	102
2.3 Городской парк как локус медиации	120
Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ЛОКУС МЕДИАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА	135
3.1 Локусы медиации городских сообществ	135
3.2 Потенциал влияния виртуальных локусов медиации на культуру современного города	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	189
Приложение А. Перечень вопросов глубинного интервью	223
Приложение Б_Фотографии МУП ГКДЦ им. М. Горького города Ростова-на-Дону.....	224

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Процессы урбанизации в современном мире, связанные со стремительным увеличением количества городов, численности городского населения и распространением городского образа жизни, интенсифицируются с каждым годом. Рост городов за счет прироста городского населения и увеличения числа участников миграционных процессов сопровождается усилением социального и культурного разнообразия, а вместе с ним – появлением новых форм коммуникации между людьми и новых средств адаптации к окружающей среде. Города всегда были центром концентрации возможностей и местом встречи представителей разных этносов, социальных групп и общностей и сегодня эта сторона жизни города становится всё более значимой. Высокая степень плотности городского населения и интенсивность контактов между разными субъектами городской жизни, различающихся по уровню образования и экономическому статусу, кругу общения, районам проживания в городе, по ценностям и религиозным установкам, по цифровой компетентности, актуализируют проблему коммуникации в пространстве современного города.

Современные города являются не просто местами компактного расселения большого количества людей на определённой территории, но и формирования новой городской культуры, новых городских идентичностей, нового и динамично изменяющегося типа личности. Города издревле были центрами притяжения наиболее способных, предприимчивых индивидов, которые в стремлении к улучшению условий своей жизни одновременно совершенствовали жизнь окружающих, приносили что-то новое в культуру, создавая предпосылки для усовершенствования среды своего обитания. Возможно, именно поэтому большинство социальных движений, культурные и промышленные революции зарождались в городах. Городская культура является своеобразным зеркалом, отражающим основные тенденции развития общества, чутко реагирующим на социальные и политические изменения. Увеличение численности населения

городов сопровождается усилением тенденций дифференциации. Коммуникация между индивидами, обладающими разным менталитетом, этнической принадлежностью, социальным статусом и культурными ориентациями – один из импульсов, приводящих к динамике и обновлению культурного пространства города.

Культурное пространство современного города не является гомогенным: в нём выделяются «места» наиболее продуктивного взаимодействия и на личностном, и на групповом уровнях. В этих «местах», «точках», «зонах» направления развития информационных потоков и их качество отследить на порядок легче, чем в иных городских локациях. Особенно интересно проследить процесс поиска альтернативных и качественно новых вариантов примирения противоположных взглядов, ориентиров, ценностных установок, нахождения взаимоприемлемых моделей поведения, которые реализуются в разных «точках» городского пространства. Другими словами, процессы медиации могут быть пространственно детерминированы: в разных «точках» и «местах» городского пространства интенсивность коммуникации и результативность медиации между представителями разных культур может быть различной, что приводит к разным формам и степени воспроизводства городской культуры. Конечно, возможен вариант коммуникации неэффективной, при которой противоречия ещё более усугубляются. В этом случае происходят процессы антимедиации.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена следующим:

1. Город является одним из наиболее важных объектов междисциплинарной научной рефлексии в связи с его доминирующим положением в ряду форм организации культурной среды человека. Данная работа продолжает традиции урбанистических исследований, направленных на рационализацию процессов в городской культуре, общую гуманизацию городской среды, приведение её в соответствие с существующими культурными идеалами.

2. Выделение в гетерогенном пространстве городской культуры локусов, в которых протекают процессы медиации – эвристически значимый шаг для изучения широкого спектра феноменов городской культуры.

3. Мониторинг и качественная оценка городских локусов медиации являются важнейшим основанием для последующей разработки эффективных стратегий профилактики антимедиации.

Степень разработанности проблемы. Исследование проблем медиации имеет солидную научную традицию в зарубежном и отечественном социогуманитарном знании, нацеленном на изучение путей разрешения социокультурных противоречий. Сам термин «медиация» в трактовке Клода Леви-Стросса обозначал альтернативу сформированным в рамках той или иной культуры смысловым структурам¹. Понятие «медиация» является одним из центральных в герменевтической философии Поля Рикёра. П. Рикёр отмечает: «Благодаря произведениям искусства, благодаря **посредничеству** (*выделено нами*) памятников культуры конституируется достоинство человека и его самоуважение»².

Медиация рассматривалась не только как форма социальных отношений, но и как деятельность, разворачивающаяся в конкретном социокультурном пространстве. В отечественной науке такой взгляд представлен в работе А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)»³. Этот подход хорошо согласуется с пространственным поворотом, широкое распространение которого началось с 80-х годов XX столетия⁴. Основой пространственной парадигмы городской социологии стали идеи философа, теоретика неомарксизма А. Лефевра, выраженные в работе

¹ См.: Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. – М.: «Академический проект», 2008. – 512 с.

² Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ: Религия и вера [Текст] / П. Рикёр. – М.: Искусство, 1996. – С. 18.

³ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) [Текст]: в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Т. 1: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.

⁴ См.: Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре [Текст] / Д. Бахманн-Медик / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.

«Производство пространства»⁵, конструктивистские представления социолога П. Бурдьё «Различение: социальная критика суждения»⁶, а также теория Э. Сойи⁷, дополненная Д. Харви в работе «Право на город»⁸. Т. Бергер и П. Лукман в труде «Социальное конструирование реальности»⁹ выдвигают гипотезу о том, что субъективная повседневная реальность становится главным наполнением социально-пространственных отношений. Пространственный поворот позволил рассматривать влияние пространства города и местного сообщества на социальные отношения, значение городского пространства для развития социума. Пространственный поворот в гуманитарных науках предполагает повышенный интерес к специфической локализации культурных практик, понимание пространства не просто как вместилища определенных событий, а как многослойного и противоречивого общественного процесса. "Поворот к пространству" был инициирован прежде всего урбанистами, что обусловлено той ролью, которую играют города в развитии цивилизации, поэтому для нас важны исследования города в целом и городского пространства, в частности.

Тема города и проблемы городской культуры занимают важное место в теории культуры. Данную проблематику в различных её аспектах рассматривали как российские, так и зарубежные учёные: Г. П. Анциферов¹⁰, В. Л. Глазычев¹¹, С. С. Касаткина¹², Э. В. Сайко¹³, А. А. Сванидзе¹⁴,

⁵ Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр / Пер. с франц. И. Стаф. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

⁶ Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2005. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 09.03.2018).

⁷ Сойя, Э. У. Как писать о городе с точки зрения пространства? [Текст] / Э. У. Сойя // Логос. – 2008. – № 3. – С. 130–140.

⁸ David Harvey, 'The Right to the City,' in: Richard Scholar (ed.), *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford: Oxford University Press, 2006. p. 83–103.

⁹ Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

¹⁰ Анциферов, Н. П. Книга о городе [Текст]: в 3 т. / Н. П. Анциферов. – Т. 1: Город, как выразитель сменяющихся культур. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. – 224 с.

¹¹ Глазычев, В. Л. Город без границ [Текст] / В. Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.

¹² См.: Касаткина, С. С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства [Текст] / С. С. Касаткина. – Череповец: Череп. гос. ун-т, 2018. – 160 с.

¹³ Сайко, Э. В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития [Текст]: сб. статей / Э. В. Сайко // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 9–21.

¹⁴ Сванидзе, А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения [Текст]: сб. статей / А. А. Сванидзе // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 29–31.

Л. А. Штомпель¹⁵, И. Г. Яковенко¹⁶. Проблему социальной и культурной разобщённости современного мегаполиса рассматривали Г. Зиммель¹⁷, Г. Канклини¹⁸, М. Вебер¹⁹. Ж. Бодрийар²⁰, А. Тойнби²¹, О. Шпенглер²², они не только обратились к проблемам города, но и показали его значение в развитии и кризисе современной цивилизации. Концептуализация современных урбанистических теорий в понятийно-категориальном аппарате современного социо-гуманитарного знания предпринята И.А. Вершининой²³.

По мнению представителей Чикагской социологической школы, таких как Р. Парк²⁴, Э. Берджесс²⁵, Л. Вирт²⁶, У. Уорнер²⁷, города – это «точки сборки» для качественно новых социальных общностей. Луис Вирт писал: «Город все больше становится не просто местом, где современный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый космос разные территории, народы и виды деятельности»²⁸.

Проблематика воспроизводства культурного пространства современного города посредством коммуникации в реальных и виртуальных публичных

¹⁵ Штомпель, Л. А. Культура южно-российского города: путешествие во времени и пространстве (на примере Ростова-на-Дону) [Текст] / Л. А. Штомпель, О. В. Баева. – Ростов-н/Д.: Ин-т архитектуры и искусств ЮФУ, 2012. – 231 с.

¹⁶ Яковенко, И. Г. Город в пространстве диалога культур и диалог города [Текст]: сб. ст. / И. Г. Яковенко // Социокультурное пространство диалога. – М.: Наука, 1999. – С. 90–101.

¹⁷ Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3. – С. 1–12.

¹⁸ Canclini, G. N. The Imagined Globalization [Text] / Canclini, G. N. – Duke: Duke University Press, 2014. – 242 p.

¹⁹ Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

²⁰ Бодрийар, Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийар // Философско-литературный журнал: Логос. – 1997. – № 9. – С. 107–116. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

²¹ Тойнби, А. Постыжение истории [Текст]: сб. / А. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

²² Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст]: сб. / Шпенглер, О.; пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – 620 с.

²³Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Изд-во «Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. – 240 с.

²⁴ Парк, Р. Город как социальная лаборатория [Текст] / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – № 3. – С. 3–12.

²⁵ Бёрджесс, Э. Рост города: Введение в исследовательский проект [Текст] / Бёрджесс Э. // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. – 2000. – № 4. – С. 122–136.

²⁶ Вирт, Л. Избранные работы по социологии [Текст] / Л. Вирт. – М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.

²⁷ Warner, W. L. Социальный класс и социальная структура [Текст] / Warner, W. L. //Рубеж (альманах социальных исследований). – 1997. – № 10-11. – С. 42–57.

²⁸ Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни [Текст] / Л. Вирт // Избранные работы по социологии. – М., 2005. – С. 93–94.

пространствах – относительно новая область исследований в рамках социально-гуманитарного знания. Для понимания процессов, происходящих в культурном пространстве города, мы опирались на деятельностный подход к культуре, который в отечественной гуманитаристике активно развивался и широко распространился благодаря работам Э. С. Маркаряна, В. Е. Давидовича, Ю. А. Жданова, М. С. Кагана, Г. В. Драча.

Вопросам культурного пространства города и культурного пространства в целом посвящено значительное количество исследований. Неразрывную связь пространства с культурой народа описывали как культурологи, так и философы. Так, Ф. Бродель, изучая пространство Франции, пишет: «Итак, вот мой совет: ищите расхождения, контрасты, сломы, границы. Ибо если нам «понятие границы между мелкими „краями" кажется устаревшим и искусственным... то деревенские жители считают его само собой разумеющимся»²⁹. В работе «Что такое Франция? Пространство и история» Ф. Бродель утверждает, что культура является ограниченным пространством, в котором протекают процессы жизнедеятельности общества во всей их полноте. Автор приходит к мысли, что географические объекты, ориентиры, их уникальные отличия формируют менталитет. И любой географический объект, может быть рассмотрен в качестве локального культурного пространства, в границах которого осуществляется культурная идентификация.

Приверженцы семиотического подхода, такие как Х. Г. Гадамер³⁰ и П. Рикёр³¹, рассматривали культурное пространство города как символически-знаковую систему. Сторонники системного подхода к изучению культуры города – М. С. Каган³², Н. П. Анциферов³³, Н. К. Васютина³⁴ понимали культурное пространство современных городов как сложный культурно-исторический

²⁹ Бродель, Ф. Что такое Франция: в 2 т. / Ф. Бродель. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. – Т. 1: Пространство и история. – С. 34.

³⁰ Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г. Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.

³¹ Рикёр, П. Человек как предмет философии [Текст] / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 41–46.

³² Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.

³³ Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина [Текст] / Н. П. Анциферов. – Л.: Лениздат, 1991. – 265 с.

³⁴ Васютина, Н. К. Город будущего в романе Питера Акройда «Повесть о Платоне» [Текст] / Н. К. Васютина // Известия Уральского ун-та. Екатеринбург. – 2004. – № 33. – С. 122–128.

и социальный феномен, где все элементы находятся во взаимодействии. О культурном ландшафте писали Ю. М. Лотман³⁵, Г. Д. Гачев³⁶, Д. С. Берестовская³⁷. М. Вебер³⁸, Л. Мамфорд³⁹, К. Линч⁴⁰ рассматривали объединение пространства и культуры города как объединение свободных городских жителей, имеющих равные права, собственность, а также городской центр, их объединяющий.

Социокультурный подход в изучении особенностей культурного пространства современных городов распространён в отечественной науке. Городская культура как важнейшая составляющая всей городской среды рассматривается в работах А. С. Ахиезера⁴¹, Т. М. Дридзе⁴², В. Л. Глазычева⁴³, И. В. Тулигановой⁴⁴. По их мнению, социальное и культурное находятся в тесной взаимосвязи, где один компонент несёт в себе отношение, а второй смысл. Первым данную связь выявил П. А. Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика». Данный подход направлен на поиск некоторых «точек», обеспечивающих бесперебойную работу культурных механизмов, которые связывают общество и культуру.

В коммуникативном аспекте культурное пространство рассматривается В. Дильтеем⁴⁵, А. Шюцем⁴⁶, Э. Гуссерлем⁴⁷. В социально-философском аспекте

³⁵ Лотман, Ю. М. Город и время [Текст] / Ю. М. Лотман // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – 1993. – Вып. 1. – С. 84–92.

³⁶ Гачев, Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек, картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, Б. А. Кругликов. – М.: Наука, 1987. – С. 198–227.

³⁷ Берестовская, Д. С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 380 с.

³⁸ Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

³⁹ Mumford, L. The culture of cities [Text] / L. Mumford. – N.Y., 1938. – 294 p.

⁴⁰ Lynch, K. The Image of the City. Cambridge [Text] / K. Lynch. – Massachusetts: MIT Press, Harvard University Press. 1960. – 252 p.

⁴¹ Ахиезер А. С. Воплощение свободы или сосредоточие зла? Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса [Текст] / А. Ахиезер // Земство. – 1994. – № 2. – С. 21.

⁴² Дридзе, Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании [Текст] / Т. М. Дридзе // ОНС. – 1994. – №1. – С. 131–138.

⁴³ Глазычев, В. Л. Город без границ [Текст] / В. Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.

⁴⁴ Тулиганова, И. В. Город как культурный ландшафт [Текст] / И. В. Тулиганова // Вестник ПАГС. – 2007. – № 13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-kulturnyy-landshaft> (дата обращения: 09.03.2018).

⁴⁵ Дильтей, В. Категории жизни [Текст] / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 129–143.

⁴⁶ Шютц, А. Некоторые структуры жизненного мира [Текст] / А. Шютц // Философия языка и семиотика. – Иваново: ИВГУ, 1995. – С. 213–229.

⁴⁷ Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст]: Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.

культурное пространство исследовали философы, культурологи, социологи П. Бергер и Т. Лукман⁴⁸, Ж. Бодрийяр⁴⁹, Т. Парсонс⁵⁰, Ю. Хабермас⁵¹, К. Ясперс⁵², раскрывшие культурное пространство как локацию, полную возможностей к пониманию иных ценностей и выстраиванию диалогов.

Значительный массив литературы описывает место и роль социокультурной динамики публичных пространств в формировании городского сообщества и культуры города. Э. Амин⁵³, Х. Ардент⁵⁴, Ж. Бодрийяр, С. Веселова, В. А. Глазычев⁵⁵, Т. М. Дридзе⁵⁶, Б. В. Марков⁵⁷ полагают, что социокультурная динамика публичных пространств занимает центральное место в формировании культуры города. Открытость публичных пространств, их демократичность и доступность отмечали такие авторы, как Р. Сеннет⁵⁸, Дж. Джекобс⁵⁹, Л. Лофлэнд⁶⁰.

Для понимания механизмов работы локусов медиации необходимо обратиться к экоантропоцентрической парадигме. В основе данной парадигмы лежит идея о том, что «...социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания. Соответственно, работающий в этой парадигме исследователь акцентирует своё

⁴⁸ Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

⁴⁹ Бодрийяр, Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр // Философско-литературный журнал: Логос. – 1997. – № 9. – С. 107–116. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

⁵⁰ Парсонс, Т. О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

⁵¹ Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2002. – 144 с.

⁵² Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

⁵³ Amin, A. Collective culture and urban public space [Text] / A. Amin // City/ – 2008. – vol. 12. – № 1. – P. 5–24.

⁵⁴ Ардент, Х. Vita activa, или О деятельной жизни Ханна Ардент [Текст] / Х. Ардент; пер. с нем. и англ. В. В. Библина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

⁵⁵ Глазычев, В. Л. Малый город: технология выживания и развития [Текст] / В. Л. Глазычев // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 9–18.

⁵⁶ Дридзе, Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании [Текст] / Т. М. Дридзе // ОНС. – 1994. – №1. – С. 131–138.

⁵⁷ Марков, Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры [Текст] / Б. В. Марков. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.

⁵⁸ Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет; пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, В. Софронов – М.: Логос, 2002. – 424 с.

⁵⁹ Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов [Текст] / Дж. Джекобс. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

⁶⁰ Lofland, L. H. A World of strangers. Order and action in urban public space [Text] / L. H. Lofland. – N.Y.: BasicBooks, 1973. – 223 p.

внимание не столько на человеке и/или среде в их обособленности, сколько на тех обменных (метаболических) процессах, которые происходят между ними»⁶¹.

Важными для нас являются труды В. С. Библера и М. Фуко⁶², которые в своих работах касаются проблематики культурного пограничья и утверждают, что культура наиболее репрезентативна для изучения на границе с другими культурами⁶³.

Публичное пространство рассматривали в своих работах многие учёные. Как пространство борьбы оно описывалось в работах Ю. Хабермаса и Х. Арндт. Понимание публичного пространства как сцены демонстрировали И. Гоффман⁶⁴, Ш. Зукин⁶⁵, Д. Джекобс, Л. Лофлэнд, Р. Сеннет⁶⁶, Р. Ольденбург⁶⁷. Сцена понимается в этом контексте как место, в котором развивается публичная жизнь и протекает коммуникация.

Концепт культурной сцены стал плодотворно использоваться как инструмент анализа городских молодежных сообществ. Так, Е. Омельченко и С. Поляков описывают культурную сцену как «...локально организованный социальный мир – неформальную сеть людей, сообществ и организаций, совместно производящих и репрезентирующих некий жизненный стиль»⁶⁸. «Переформатирование» крупных европейских городов под запросы молодёжи, концентрирующейся в «своих» местах и приписывающей им новые культурные коды и смыслы, появление субкультурных кварталов оказалось адекватно означено с помощью понятия "культурная сцена". Однако это понятие не

⁶¹ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 21–22.

⁶² Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

⁶³ Библер, В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков [Текст] / В. С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.

⁶⁴ Гофман, Э. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / Э. Гофман; пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: Кучково поле, 2000. – 304 с.

⁶⁵ Зукин, Ш. Культуры городов [Текст] / Ш. Зукин; пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.

⁶⁶ Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет; пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, В. Софронов – М.: Логос, 2002. – 424 с.

⁶⁷ Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества [Текст] / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.

⁶⁸ Омельченко, Е. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ [Текст] / Е. Омельченко, С. Поляков // Социологическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 111–132.

охватывает те места городского пространства, в котором осуществляется диалог между представителями разных городских субкультур и идентичностей, диалог, в результате которого утверждается и распространяется городская культура.

Гетерогенность пространства межкультурных взаимодействий, осуществляемых в современных городах, обусловила обращение к понятию "буферно-синергичная зона". Термин был введён Е. И. Булдаковой в диссертационной работе «Буферно-синергичные зоны в пространстве межкультурной коммуникации»⁶⁹. Автор выделяет особый тип пространства коммуникации – буферно-синергичную зону – пространство особого напряжения, возникающие в процессе актуальной связи, контакта, соприкосновения культур. Подобно буферно-синергичным зонам, локусы медиации возникают в процессе интенсивной коммуникации представителей различных культур, социальных слоёв, поколений. Но при этом в локусах медиации акцент ставится на медиативной функции данного типа публичных пространств.

Развитие новых медиа привели к существенной трансформации городов, на что обратил внимание С. Маккуайр, рассматривая современный город как «медийно-архитектурный комплекс, возникающий в результате распространения пространственных медийных платформ и создания гибридных пространственных ансамблей»⁷⁰.

Теория, обосновывающая влияние медиа на общество, была выдвинута М. Маклюэном ещё во 2-ой половине XX века⁷¹. Он полагал, что при помощи медиа, и в особенности электронных СМИ, социум трансформируется и возвращается к своему первобытному состоянию. Этой же точки зрения придерживается В. Эрнст⁷². Д. Болтер и Р. Грусин развивали теорию

⁶⁹ Булдакова, Е. И. «Буферно-синергичные зоны» в пространстве межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ...канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 139 с.

⁷⁰ См.: Маккуайр, С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство [Текст] / С. Маккуайр / Пер. с англ. – М.: Strelka-Press, 2014. – 392 с. – С.10.

⁷¹ Маклюэн, М. Понимание медиа, внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2003. – 462 с.

⁷² Эрнст, В. Время медиа: понятия, археология, наука [Текст] / В. Эрнст // Медиа между магией и технологией / Под ред. Н. Сосны, К. Федоровой. – М.; Екатеринбург, 2014. – 150 с.

«ремедиации»⁷³. С. Маккуайр, опираясь на Киттлера⁷⁴, развил эти идеи применительно к современному городу. Он предложил исследовать сам город как посредника коммуникации: «...я считаю целесообразным воспринимать медиа как среду, как это понимает Маклюэн, и рассматривать город как "посредника" в духе Киттлера»⁷⁵.

Достаточно новым, но весьма перспективным объектом изучения выступают виртуальные сообщества. Они рассматриваются в работах М. Кастельса⁷⁶, Я. Ван Дейка⁷⁷, А. В. Павлова⁷⁸, Д. Уокера⁷⁹, С. С. Хоружего⁸⁰. Феномен «диджитализации» рассматривают М. Джодж и Р. Китчин⁸¹, Ш. Фрэнч и Н. Трифт⁸², Л. Манович⁸³, Д. Мэсси⁸⁴, Дж. Урри⁸⁵, М. Оже⁸⁶, Андиана де Соуза Сильва⁸⁷, Э. Гордон⁸⁸, Л. Райни и Б. Веллман⁸⁹, У. Митчел⁹⁰.

Проблемы социальных отношений в Интернете освещают А. Ганжа⁹¹, Г. Л. Тульчинский⁹², Ю. Меламед⁹³, И. Кушнарёва⁹⁴; аудиторию сетевых

⁷³ Bolter J. D., Grusin R. Remediation: Understanding New Media. Cambridge [Text] / J. D. Bolter, R. Grusin – MA: MIT Press, 2000. – 260 p.

⁷⁴ См.: Kittler, F. The city is a medium [Text] / F. Kittler // New Literary History. – 1996. – Vol. 27. – № 4. – P.717–729.

⁷⁵ Маккуайр, С. Цит. соч. С.11.

⁷⁶ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

⁷⁷ Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

⁷⁸ Павлов, А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А. В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

⁷⁹ Walker D. M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D., University of Michigan, 2011. – 380 p.

⁸⁰ Хоружий, С. С. О старом и новом [Текст] / С. С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – 480 с.

⁸¹ Kitchin, R. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge [Text] / R. Kitchin, M. Dodge. – MA: MIT Press, 2011. – 350 p.

⁸² Thrift, N. The automatic production of space [Text] / N. Thrift, S. French // Transactions of the Institute of British Geographers. – 2002. – vol. 27. – P. – 309–335.

⁸³ Manovich, L. Software Takes Command [Text] / L. Manovich. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 307 p.

⁸⁴ Massey, D. For Space [Text] / D. Massey. – London: Sage Publications, 2005. – 222 p.

⁸⁵ Urry, J. Sotsiologiya za predelami obshchestva: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletia [Text] / J. Urry. – Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 336 p.

⁸⁶ Augé, M. Non-Places: An Introduction to Anthropology of Super modernity [Text] / M. Augé // London: Verso. – 1995. – P. 77–96.

⁸⁷ De Souza e Silva, A. Mobile Interfaces in Public Spaces: Locational Privacy, Control, and Urban Sociability [Text] / A. De Souza e Silva, J. Frith. – New York: Routledge, 2012. – 224 p.

⁸⁸ Gordon, E. Net Locality: Why Location Matters in a Networked World [Text] / E. Gordon, A. de Souza e Silva. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – 187 с.

⁸⁹ Rainie, L. Networked: The New Social Operating System [Text] / L. Rainie, B. Wellman. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 357 p.

⁹⁰ Митчел, У. Дж. Я ++: Человек, город, сети [Текст] / У. Дж. Митчел. – М.: Strelka Press, 2012. – 328 с.

⁹¹ Ганжа, А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве [Текст] / А. Ганжа // Логос. – 2012. – № 1. – С. 289–310.

сообществ исследуют Г. Рейнгольд и К. Фигалло⁹⁵. Концепцию «виртуального общества» подробно описывал отечественный социолог Д. В. Иванов⁹⁶. Проблемам влияния СМИ на культуру города посвящены работы Ю. Н. Солонина⁹⁷, Л. В. Петрова⁹⁸. Взаимодействие СМИ и массовой культуры исследуют К. Э. Разлогов и А. В. Костина⁹⁹. А. В. Павлов в статье «Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией» выдвигает следующую гипотезу: «...коммуникация локальных сетевых сообществ в социальных сетях происходит не просто в форме “публичных сетевых разговоров”, а балансирует между двумя режимами, которые можно условно назвать “соседским” и “гражданским” и которым соответствуют разные типы сетевых публик»¹⁰⁰. Этот взгляд позволяет создать платформу устойчивого, долгосрочного и продуктивного взаимодействия.

Таким образом, современной отечественной и зарубежной наукой накоплен большой опыт изучения отдельных аспектов функционирования городской культуры, городских публичных пространств, разработан инструментарий исследования проблем коммуникации в современном городе. Однако, проблема воспроизводства культурного пространства города под воздействием процессов медиации, протекающих в публичных пространствах с высоким уровнем коммуникации, ещё не ставилась. Данная диссертация позволит в определенной степени восполнить этот пробел.

⁹² Тульчинский, Г.Л. Личность как успешный автопроект. От события к бытию [Текст] / Г.Л. Тульчинский. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 49–63.

⁹³ Меламед, Ю. Перепостили – следовательно, существуют [Текст] / Ю. Меламед // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

⁹⁴ Кушнарева, И. Ко всему приделать «лайки» [Текст] / И. Кушнарева // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

⁹⁵ Figallo, C. Hosting Web communities: building relationships, increasing customer loyalty, and maintaining a competitive edge. – New York: Wiley, 1998. – 448 p.

⁹⁶ Иванов, Д. В. Виртуализация общества. Virtualization of society [Текст] / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 95 с.

⁹⁷ Солонин, Ю.Н. Культура и духовный мир человека. Основы современной философии [Текст] / Ю. Н. Солонин: учеб. для вузов. – 2-е изд., доп. – СПб.: Лань, 1999. – С. 315–332.

⁹⁸ Петров, Л.В. Массовая коммуникация и культура: введ. в теорию и историю : учеб. пособие [Текст] / Петров Л. В.; М-во культуры Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. ун-т культуры. – СПб.: СПбГУКИ, 1999. – 211 с.

⁹⁹ Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания [Текст] / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 72–76.

¹⁰⁰ Павлов, А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А. В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

Объект исследования – пространство городской культуры высокоурбанизированного общества.

Предмет исследования – публичные пространства городской культуры, в которых осуществляется интенсивное социально-медиативное взаимодействие.

Цель исследования – выявление особого типа публичных пространств – локусов медиации, способных выступать фактором активизации социокультурных процессов коммуникации между горожанами.

Задачи исследования:

– на основе концептуализации теоретико-методологических основ исследования культурного пространства современного города выявить качественные характеристики пространства интенсивной коммуникации и сформировать понятие «локус медиации»;

– определить основные функции локусов медиации и проследить их влияние на культуру современного города;

– рассмотреть роль и функции локусов медиации в культуре современного города на примере музея;

– определить значение локусов медиации в культуре современного города на примере парка МУП ГКДЦ им. М.Горького города Ростова-на-Дону;

– выявить потенциал влияния виртуальных локусов медиации на культуру современного города (на примере города Ростова-на-Дону).

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий в себе деятельностную концепцию культуры (Г. С. Батищев, Э. С. Маркарян, В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов и др.); социокультурный подход (П. А. Сорокин, А. С. Ахиезер, Т. М. Дридзе и др.); информационно-коммуникативный подход (А. Ю. Бахтин, Н. Луман, Ю. Хабермас и др.). Диссертант опирался также на ценностный подход к пониманию культуры П.А.Сорокина, который определял культуру как единство в многообразии, выражающее основную, главную ценность; на идеи А. С. Ахиезера о том, что медиация появляется вместе с культурой, существуя на

заднем плане инверсии и «...ищет решение между крайностями, между полюсами дуальной оппозиции, через поиск меры, нового содержания культуры, осмысливаемого через эти полюса. На основе медиации медленно строится прогресс культуры, социальных отношений, всего общества, повышая его способность отвечать на вызов истории, накапливая организованный результат творчества»¹⁰¹; на понимание культуры города как «...реально существующий в данном конкретном городе симбиоз культур всех субъектов городской жизни»¹⁰² (предложенное Л. А. Штомпель). Диссертант опирался также на исследования виртуальной культуры и медиаисследования, рассматривающие различные аспекты функционирования виртуальных сообществ в социальных сетях.

В диссертационном исследовании широко использовались методы сравнительного, социокультурного и исторического анализа. В работе также применялись философские (герменевтический, диалектический и др.) и общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.) методы исследования.

Научная новизна диссертационного исследования раскрывается в следующих положениях:

- введено понятие «локус медиации», выявлена специфика этого элемента социокультурного пространства города;
- определены основные функции локусов медиации в культуре современного города;
- показано, что в ходе исторического процесса формы локусов медиации изменялись, при этом основные функции оставались прежними;
- рассмотрены роль и основные функции музея как локуса медиации;

¹⁰¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) [Текст]: в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.

¹⁰² Штомпель, Л. А. Культура южно-российского города: путешествие во времени и пространстве (на примере Ростова-на-Дону) [Текст] / Л. А. Штомпель, О. В. Баева. – Ростов-н/Д.: Ин-т архитектуры и искусств ЮФУ, 2012. – 231 с.

– на материале современного состояния парка МУП ГКДЦ им. М. Горького города Ростова-на-Дону прослежено значение парков как локусов медиации в культуре современного города;

– описаны виртуальные локусы медиации, обосновано их существование в пространстве социальных сетей.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Локус медиации» – это значимое для горожан публичное пространство, в котором аккумулировано историческое и культурное наследие города. Это пространство, где с наибольшей интенсивностью происходит обмен информацией: сообщениями, знаками, образами. Локусы медиации вмещают в себя определённые, значимые для горожан эпизоды коллективной истории и элементы исторической памяти, служат трансляторами культурно-исторического наследия, являясь при этом, одновременно, значимыми элементами социокультурной динамики, оказывающими активное влияние на процесс и результат коммуникации между горожанами.

2. Основные функции локуса медиации состоят в актуализации исторической памяти горожан, в трансляции культурного и исторического наследия города, в формировании новых элементов и смыслов культуры, в создании среды, нивелирующей моменты напряжённости в процессах взаимодействия горожан, в отражении актуальных процессов в культурном пространстве города.

3. В ходе исторического развития формы локусов медиации изменялись, тогда как основные функции и потенциал сохранялись. Самыми древними локусами медиации являлись площадь, храм и рынок. Они выполняли функции объединения, информирования и создания устойчивых платформ для общения горожан. Там горожане могли поддерживать свою культурную идентичность, участвовать в политических событиях, совместно находить способы решения социальных проблем.

4. Современный музей является локусом медиации, поскольку, выполняя функцию хранителя и транслятора культурного наследия, является местом диалога горожан со своим прошлым, настоящим и будущим. Этим обусловлено появление активно развивающегося в последние годы направления «музейная медиация», результатом которой является сокращение разрыва между традиционными и нарождающимися смыслами культуры.

5. Парк им. М.Горького города Ростова-на-Дону – публичное пространство с богатой историей, в котором выросло много поколений ростовчан. Материалы, полученные в ходе исследования, в частности, интервью с горожанами – посетителями парка разных возрастов – указали на возникновение процессов антимедиации, снижающих интерес горожан к нему. В результате из «места пребывания» парк превратился в «место транзита», а процессы коммуникации, когда-то активно происходившие в нём, угасают. Спорадическое проведение праздников на территории парка не утоляет потребности горожан в коммуникации. Парк теряет статус значимого для горожан места, достопримечательности, хранящей и транслирующей культурное наследие города.

6. К локусам медиации следует отнести те «части» виртуального пространства, где формируются группы в социальных сетях, обсуждающие проблемы жизни города и построенные по принципу «сообществ онлайн». Коммуникация в виртуальных локусах медиации, осуществляемая по внутренним (официальным и неофициальным) правилам, сплачивает участников сообщества, даёт возможность для организации совместной деятельности уже в реальном социокультурном пространстве города. Для таких коммуникационных площадок важна не только принадлежность к общности горожан с целью сплочения, но и причастность к деятельности определённого виртуального сообщества.

Обсуждение городских проблем в виртуальных локусах медиации посредством комментариев к постам реализуют возможность нарративной

медиации. Множество различных, не тождественных друг другу мнений непохожих друг на друга людей аккумулируются и выражаются каждый раз в новом результате, отличном от всех предыдущих. Так в виртуальном городском сообществе формируется срединная культура как итог медиации. Эта культура транслируется в реальное социокультурное пространство современного города.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты, полученные в ходе диссертационной работы, дают возможность расширить и углубить теоретические представления в области теории и истории культуры, теории коммуникации, социальной психологии, культурной антропологии, урбанистики, связанные с проблемами культурной коммуникации в публичных пространствах особого типа – «локусах медиации». Полученные результаты можно использовать в преподавании общих и специальных курсов по культурологии и философии. Они имеют значения для специалистов по городскому планированию, отделов архитектуры и городского планирования, государственных чиновников разного уровня.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 6-ти публикациях общим объёмом 2,58 п.л. (в том числе в 3-х статьях в журналах из списка ВАК) и выносились на обсуждение на следующих конференциях: Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Гражданско-патриотические ценности в контексте диалога культур» (г. Ростов-на-Дону, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 13 апреля 2016 г.); Международной междисциплинарной научно-практической конференции обучающихся «Экономика и общество: человеческое измерение и развитие» (г. Ростов-на-Дону, Ростовский Международный Институт Экономики и Управления, 21 апреля 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Репрезентация городской культуры: история и современность» (г. Ростов-на-Дону, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 16 ноября 2016 г.); Всероссийской научно-

практической конференции «Культура "до" и "после" революции 1917 г. в России» (г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет 20 октября 2017г.); Первом научно-просветительском форуме «Природа. Человек. Культура» (г. Кисловодск, Кисловодский гуманитарно-технический институт, 3-5 октября 2018 г.). Диссертантка участвовала в составе творческого коллектива в реализации гранта РФФИ № 18-011-00841 «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры».

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

1.1 Теоретико-методологические основы исследования культурного пространства современного города

Актуализация изучения культурного пространства современных городов напрямую связана с бурными процессами урбанизации, протекавшими в течение первой половины XX века. Культура города в последнее десятилетие становится предметом исследования значительного количества специалистов, активно обсуждается на уровне публичного дискурса. Поиск наиболее эффективных подходов и методов развития культуры города актуализирует потребность в изучении феномена культурного пространства современных городов.

Горожанин с момента рождения становится неотъемлемой частью культурного пространства своего города – носителем ценностей урбанистической культуры и, одновременно, главным её потребителем. Образ жизни среднестатистического горожанина и городская культура в целом являются своеобразным ориентиром, определяющим важнейшие тенденции развития общества.

Н. П. Анциферов в «Книге о городе» пишет, что города являются местами встречи, в которые ведут все дороги, и центрами объединения различных сил, которые формируют общество¹⁰³. В связи с этим актуализируется задача исследования культурного пространства именно на уровне современного города, а также мест, где коммуникация между горожанами наиболее интенсивна. Решению данных задач должно предшествовать изучение основных теоретико-методологических принципов исследования культурного пространства, которые дают возможность его полноценного осмысления.

Категория «пространство» изучалась в разные исторические периоды многими философами. История осмысления данного понятия восходит

¹⁰³ См.: Анциферов, Н. П. Книга о городе [Текст]: в 3 т. / Н. П. Анциферов. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. – Т. 1: Город, как выразитель сменяющихся культур. – С. 7.

к античной философии, в которой постепенно выделились два основных подхода к изучению пространства – субстанциональный и реляционный. Субстанциональный подход описывал пространство как отдельную реальность,местилище тел. Для субстанционального подхода характерно утверждение о независимости пространства от материальных процессов, протекающих в нём. Реляционный подход полагает пространство как отношение между материальными объектами, порядок вещей. Субстанциональный подход Демокрита и реляционный Аристотеля – это два принципиально разных взгляда на проблему. В первом случае пространство бесконечно и по сути является пустотой, а во втором оно конечно и наполнено. Вторым подход допускает зависимость свойств пространства от характера материальных процессов, проходящих в них.

Во второй половине XIX – начале XX века в понимании пространства появляется тенденция к дифференциации. Г. Зиммель пишет о том, что «...пространство – это также некий “кусочек почвы”, заселённый людьми, что он может быть для них и пустым “Ничто”, и неким “Между” (наполненным их взаимодействием и практической, востребующей его деятельностью), и уникальным, исключительным местом размещения тех или иных социальных образований»¹⁰⁴. Г. Зиммель в своих работах выделяет ряд существенных качеств пространства: «Есть некие “качества пространства”, которые позволяют, так сказать, покрепче связать себя с той или иной его “частью”, но при этом они должны иметь границы»¹⁰⁵, а именно: пространство уникально, оно имеет границы: «...есть лишь одно-единственное пространство, частями которого являются все отдельные пространства, так и каждая часть пространства имеет некоторого рода уникальность, которой нет аналогий»¹⁰⁶; пространство обладает закреплённостью, возможной в двух видах: обязательное присутствие членов

¹⁰⁴ Зиммель, Г. Философия денег. Теория общества: сборник / пер. с нем., англ. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – С.334.

¹⁰⁵ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т [Текст] / Г. Зиммель // Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С.15.

¹⁰⁶ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т [Текст] / Г. Зиммель // Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С.17.

группы и наличие точки «вращения». Также Г. Зиммель выделял качества близости – дистанции и движения.

В феноменологии Э. Гуссерля возникает парадигма телесности в изучении пространства, которую впоследствии поддерживает М. Мерло-Понти. Примерно в это же время М. Хайдеггер выделяет парадигму значимости в анализе пространства: «Высвобождающее допущение-имения-дела происходит способом усматривающего самоотсылания, основанного на предваряющем понимании значимости. Отныне показано: усматривающее бытие-в-мире пространственно. И лишь поскольку присутствие способом от-даления и направления пространственно, мироокружно наличное может встретить в своей пространственности. Высвобождение целостности имения-дела есть равноисходно от-даляюще-направляющее допущение-имения-дела в какой-то области, т. е. высвобождение пространственной местопринадлежности подручного. В значимости, с которой присутствие как озаботившееся бытие-в всегда уже освоилось, заложена сущностная разомкнутость и пространства тоже»¹⁰⁷. Хайдеггер полагал, что феномен значимости содержит в себе не только изначальный смысл пространства, но и «первичную» телесность – дотеоретический опыт тела.

XX век принёс в философию новые представления о пространстве. Можно выделить О.Шпенглера, полагавшего пространство способом протяжённости, И.Пригожина и Ж.Бодрийяра. Шпенглер определяет пространство как прасимвол культуры: «Способ протяженности должен отныне быть назван прасимволом культуры. Из него можно вывести весь язык форм её действительности, её физиогномию, в отличие от всякой другой культуры, и прежде всего от почти лишённого физиогномии окружающего мира первобытного человека; ибо истолкование глубины возводится здесь на уровень поступка, пластического выражения в произведениях, преобразования действительности, уже не служащего как у животных жизненной нужде, а водружающего символ жизни, который

¹⁰⁷ Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. – С.60 – 61.

пользуется всеми элементами протяжённости, материалом, линиями, красками, тонами, движениями, и даже спустя столетия обнаруживаясь в картине мира более поздних существ во всём своём волшебстве, часто свидетельствует о том, как понимали мир его творцы»¹⁰⁸, отмечая, что «...сам прасимвол неосуществим»¹⁰⁹.

И. Пригожин пишет о пространстве как о самоорганизующейся системе¹¹⁰, а по мнению Ж. Бодрийера пространство представляет собой распределительную структуру: «Нам ясно теперь, какой новый тип обитателя дома выдвигается в качестве модели: «человек расстановки» – это уже не собственник и даже не просто пользователь жилища, но активный устроитель его среды. Пространство дано ему как распределительная структура, и через контроль над пространством он держит в своих руках все варианты взаимоотношений между вещами, а тем самым и всё множество их возможных ролей»¹¹¹.

Понятие «хронотоп», введённое в науку М. М. Бахтиным, открыло новую область гуманитарных исследований, объединяющих понятия пространства и времени¹¹². Это спровоцировало рост интереса к пространству как в отечественной, так и в зарубежной науке и отразилось на исследованиях тартуско-московской семиотической школы¹¹³. Так, например, В. Н. Топоров проводил сравнительный анализ бытового, научного и мифопоэтического понимания пространства, а также изучал «текст пространства». Помимо этого, В. Н. Топоров рассматривал культурные и природные пространства в «макроконтексте»¹¹⁴. В рамках изучения пространства учёные разрабатывали тесно связанную с ним категорию границы¹¹⁵.

¹⁰⁸ Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер – М.: Мысль, 1998. Т. 1. – С.337.

¹⁰⁹ Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер – М.: Мысль, 1998. Т. 1. – С.338.

¹¹⁰ См.: Николис, Г. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации [Текст] / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

¹¹¹ Бодрийар, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийар. – М.: Рудомино, 2001. – С. 31.

¹¹² См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 424 с.

¹¹³ См.: Семиотика пространства – пространство семиотики // Ученые труды Тартуского университета. Тарту, 1986. – С. 7.

¹¹⁴ См.: Топоров В. Н. Эней – человек судьбы [Текст] / В. Н. Топоров. – М., 2000.

¹¹⁵ См.: Проблемы культурного пограничья ("круглый стол"). Славяноведение. 1991. №1 ; Софронова Л. А. Три мира Григория Сковороды. – М., 2002 ; Злыднева Н. В. Художественная традиция в пространстве балканской культуры. М., 1991. – С. 10.

А. Ф. Филиппов указывает, что «Пространство есть феномен, который может восприниматься по-разному, в разных модусах. При чисто теоретическом, наиболее сублимированном модусе восприятия оно, оказывается, бездейственной чистой формой. При практическом, наиболее конкретном модусе восприятия оно оказывается оборотной стороной вожеления. А между этими двумя модусами находится бесчисленное количество других, в которых то обстоятельство, что пространство есть нечто “душевное”, не означает его зависимости от сознательного произвола или эмоционально окрашенных предпочтений, но вполне позволяет, напротив, фиксировать некоторого рода необходимое...»¹¹⁶.

Г. Д. Гачев рассматривал природное пространство и отношение человека к нему как почву для формирования основ самоидентификации национальных культур: «В самом деле: если Пространство и Время не объективно живут, а суть наши представления, то это ж не снимает следующего вопроса о том, какие это представления, какой их состав и что они разны у различных “нас” и рас, проистекая из разности Психей, – а только расчищает к нему путь. Берутся-то эти представления не из вещей, а из нас и не из рассудка, а из чувственности, а чувственность – это материальность, природность, плотскость, и, значит, она сама имеет способ самомыслия, само-по-нятия, способ представлять себя и самовливается своим составом и окраской в представляемый рассудком объект.»¹¹⁷.

В рамках рассмотрения заявленной проблематики обратимся к понятию «культура». М. С. Каган пишет о том, что понятие «культура» распространяется на большое количество явлений и описывается множеством различных определений. По мнению Кагана, данные концепции культуры можно разделить на следующие группы: предметно-ценностная, деятельностная, личностно-атрибутивная, общественно-атрибутивная, информационно-знаковая и концепция культуры как системообразующей подсистемы общества¹¹⁸.

¹¹⁶ Филиппов, А. Ф. Социология пространства // Логос. – 2000. – № 2 (23). – С. 113–151.

¹¹⁷ Гачев, Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек, картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, Б. А. Кругликов. – М.: Наука, 1987 – С. 198–227.

¹¹⁸ См.: Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – С. 416.

Ещё в конце XIX века не существовало многозначности в понимании культуры. Большинство учёных склонялись к позиции Э. Б. Тайлора, который в «Первобытной культуре» предлагает определение культуры как слагаемого в своем общем целом из знаний, искусства, верований, законов и нравственности, а также обычаев и отдельных привычек, и способностей, которые усвоены человеком в качестве члена общества¹¹⁹.

Тайлор определяет культуру как предметы и явления окружающего мира, которые свойственны человеку. Подход Тайлора – реалистический, он рассматривает культуру как свойство социального поведения. Нельзя сказать, что определение великого английского антрополога представляет культуру единым целым, в котором все элементы связаны между собой.

Лесли Уайтом культура характеризуется как то, что определяет поведение человека, группы людей. Он противопоставляет человека животному, для которого детерминантной является именно группа. Культура для Уайта – это динамично развивающиеся и взаимодействующие между собой элементы¹²⁰. Это самостоятельный процесс, где части культуры взаимодействуют между собой и образуют новые формы. Он полагает, что культурой называется определенный класс или же порядок феноменов, а именно различных предметов и явлений, которые связаны с проявлением людьми их особых ментальных способностей, свойственных только нашему виду, его способностью к символизации.

Точнее сказать, культура, по мнению исследователя, состоит из совокупности материальных предметов – таких как орудия труда, утварь, орнаменты, амулеты и т.д., а также верований, действий и отношений, функционирующих в определённом символическом контексте. Культура – это сложный экстрасоматический механизм, используемый человеком как определённым видом животных в его борьбе за существование и за выживание.

¹¹⁹ См.: Тайлор, Э. Первобытная культура [Текст] / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

¹²⁰ См.: Уайт, Л. Избранное [Текст] / Л. Уайт // Наука о культуре. – М.: РОССПЭП, 2004. – 960 с.

Л. Уайтом приводится определение понятия «культура» в качестве класса определённых предметов либо явлений, зависящих от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте¹²¹.

Г. Зиммель связывает в своих трудах понятие «культура» с понятием «жизни», которое является центральным для его философии. Зиммель сравнивает культуру с особой формой жизни, которая тесно связана с активностью человека, стремлению к достижению идеала, духовному поиску. Культура для Г. Зиммеля динамична и конфликтна – в ней изначально есть противоречие между взглядом на форму и творчество. По его мнению, интенсивные темпы развития современных технологий и техники втягивают людей в процессы взаимодействия с целью получения средств, отдаляющих нас от наших конечных подлинных целей.

Именно в этом, по мнению автора, и состоит внутренняя огромная опасность всех современных высокоразвитых культур, всю сферу жизни в которых окружает максимум надстроенных одно над другим средств. Возможность возвышения ряда таких используемых средств до уровня конечных целей делает это положение как будто психологически выносимым, однако в действительности оно придает ему еще большую степень бессмысленности¹²². Культура под влиянием жизни, являясь её порождением, создаёт новое и разрушает его в стремлении к трансформации. Процессы этой трансформации происходят непрерывно.

Немецкий социолог Макс Вебер определяет понятие культуры, базируясь на принципах рациональности, которую он понимал как взаимосвязь образа жизни индивидов, их веры с властью. Важнейшим для него являлась связь взаимного влияния религии и экономики. Вебер полагал, что изучение культуры должно быть свободно от субъективных оценок того или иного учёного. М. Вебер трактует «ценности» как выражение парадигмы, которая господствует в обществе в тот или иной период исторического развития.

¹²¹ См.: Уайт, Л. Избранное [Текст] / Л. Уайт // Наука о культуре. – М.: РОССПЭП, 2004. – 960 с.

¹²² См.: Зиммель, Г. Конфликт современной культуры. Избранное. В 2 т. / Л. Уайт. – М.: 1996. Т. 1. – С. 490.

Человек, являющийся частью общества, толпы, не может совершать подлинно социальное действие, оно может быть лишь подражанием основной массе. Он пишет о том, что «различные ценностные порядки мира находятся в непримиримой борьбе»¹²³. Этот конфликт приводит к тому, что, согласно М. Веберу, духовная жизнь превращается в производство «духовности». И каждое духовное производство имеет свои цели, регламент и идеалы, к которым стремится, вследствие чего разрушается единое пространство ценностей. Невозможность выбора одной ценностной системы приводит к тому, что каждый выбирает для себя свою систему из многих и согласно ей строит свои представления о смысле жизни и реальности. Политическая система должна быть такой, чтобы позволить человеку сделать этот выбор. И нельзя противопоставить свои ценности другим, объективно обосновав их как наиболее жизнеспособные.

Особое внимание хотелось бы уделить деятельностному и ценностному подходам к изучению понятия «культура» в работах отечественных исследователей.

В деятельностном подходе культура рассматривается в качестве деятельности человека, направленной на освоение, познание и преобразование материального мира. Это отражается в идеях, индивидуальном и общественном сознании. В аксиологическом подходе культура – это совокупность материальных и духовных ценностей. В гуманистическом аспекте культура понимается как важнейший способ духовного развития человека и раскрытия его творческого потенциала. Все эти подходы тесно связаны между собой.

Одними из первых проблему деятельности в своих трудах затронули представители немецкой классической философии. В работах Гегеля тема деятельности освещается довольно широко. Он понимает под ней движение, которое трансформирует движение в предмет, при этом предмет есть то, что является сочетанием приведённых в жизнь условий. Условия же существуют самостоятельно: «Когда все условия имеются налицо, предмет необходимо

¹²³ См.: Вебер, М. Наука как призвание и профессия. М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

должен стать действительным, и сам предмет есть одно из условий, ибо, будучи вначале лишь внутренним, сам он есть лишь некое предположенное»¹²⁴.

В отечественной культурологической науке деятельностный подход активно развивался и широко распространился благодаря Э. С. Маркаряну, В. Е. Давидовичу, Ю. А. Жданову, М. С. Кагану и Г. В. Драчу. В основе данного подхода лежит идея о том, что человеческое бытие – направленная активность, осуществляемая с помощью неких орудий и являющаяся продуктивной. При этом непереносимое условие человеческой деятельности – её сознательность. В основе деятельности лежат разум и потребности. Формы и способы деятельности определяются культурой, которая позиционируется как способ модерации, сохранения и постоянного воспроизводства общественной жизни.

В социально-гуманитарном знании исследование человеческой деятельности является одной из главных задач. Развитие общества осуществляется при необходимом участии человека, его сознательной активности, вследствие чего преобразовательную деятельность зачастую ассоциируют с движением социальной формы материи. Так, А. С. Ахиезер пишет: «...культура как важнейший момент производства и воспроизводства общества регулирует человеческую деятельность на основе концентрированного исторического опыта человечества»¹²⁵.

Э. С. Маркарян рассматривал культуру как способ деятельности, который задаёт направление, поддерживает и позволяет реализовать активность индивидов в обществе. Культура – это внебиологический механизм; это и средство адаптации, и средство человеческой деятельности: это «...специфический способ человеческой деятельности, способ существования людей, имеющий конечную адаптивную и когэнтропийную природу...»¹²⁶. Культуру следует понимать как самоорганизующуюся систему. Эта система поступательно идёт к результату,

¹²⁴ Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, Пер. с нем. Б. Столпнера, В 3-х т. Т.1. – М., Мысль, 1974. – С. 321.

¹²⁵ Ахиезер, А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. / А. С. Ахиезер. – М.: Наука, 1974. – С. 100.

¹²⁶ Маркарян, Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур [Текст] / Э. С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. – Ереван: АН Арм. ССР, 1978. – С. 89.

который задан рядом информационных программ. Эти программы, действующие по принципу «опережающего отражения», направлены на то, чтобы успеть приспособиться к будущему, тем его особенностям, которые можно предвидеть. Предвидение различных аспектов будущего базируется на том, что вероятности наступления определённых событий прогнозируются, ведётся их «учёт»¹²⁷.

Обратимся к ценностному подходу в понимании культуры. П. А. Сорокин применял ценностный подход к изучению культуры. По мнению Сорокина, культура представляется создающей в динамичном развитии множество систем: этическую, эстетическую, религиозную и правовую. Объединившись в единое целое, эти системы создают объединенную систему с уникальным типом мышления. Культура для него – это единство в многообразии, выражающее основную, главную ценность. «Всякая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, существующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность», – пишет П. А. Сорокин¹²⁸.

Таким образом культура рассматривалась многими учёными различных направлений, объединённых общим пониманием культуры в качестве некоего жизненного опыта, передаваемого поколениями и включающего моральные, нравственные, образовательные и коммуникационные ценности. Культура разворачивается во времени и пространстве, что позволяет говорить о культурном пространстве.

Появлением термина «культурное пространство» мы обязаны Ф. Броделю, одним из первых использовавшему его в своём труде «Грамматика цивилизаций»: «На языке антропологов культурное пространство есть то пространство, в котором господствует совокупность определённых культурных черт. Когда речь идёт о первобытных народах, то помимо языка внимание уделяют на их продовольственные культуры, форму брака, верования, гонимые

¹²⁷ См.: Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – С. 95.

¹²⁸ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – С. 82.

или оружейные ремёсла, технологию ткачества...»¹²⁹. По мнению Броделя, культурное пространство является пространством, где помещаются и существуют определённые феномены культурного характера. Культурное пространство представляется многим учёным «вместилищем», неким внутренним объёмом культурных и общественных процессов.

Острая необходимость в выработке новых подходов и новых направлений при изучении города как динамично развивающейся системы закономерно повлекла за собой изучение многими исследователями культурного пространства современных городов как пространства смыслообразующего.

В современной советской и российской науке пространство с этой точки зрения рассматривали Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачев, С. Н. Иконникова. С. Н. Иконникова пишет: «Но было бы неверным не замечать новых позитивных тенденций в культурном пространстве России. К ним следует отнести развитие социальной и экономической инициативы, свободу печати и массовых коммуникаций, расширение международных культурных контактов, возможность свободного посещения разных стран, знакомство с памятниками культуры, получение образования во всемирно известных университетах. Эти контакты изменили ментальность современника, показали доступность благополучной жизни, из сознания постепенно исчезает «образ врага», возникло стремление к пониманию и толерантности других культур и народов. И это немалые сдвиги в общественном и индивидуальном сознании и поведении людей»¹³⁰.

Приверженцы семиотического подхода: Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров – исследовали пространство мифов, эпосов, художественных произведений, искусства в целом. По мнению В. А. Тишкова, работы этих авторов «...оказали влияние на большое число этнографов, которые стали заниматься так называемым "этническим пространством культуры»¹³¹. М. Ю. Лотман полагал, что пространство тесно связано с культурой:

¹²⁹ Бродель, Ф. М. Грамматика цивилизаций [Текст] / Ф.М. Бродель. – М.: Весь Мир, 2008. – С. 42.

¹³⁰ Иконникова, С. Н. История культурологических теорий / С. Н. Иконникова. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – СПб.: Питер, 2005. – С. 36.

¹³¹ Тишков, В.А. Культурный смысл пространства / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. – С. 16.

«...своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство»¹³². В книге «Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история» Лотман отмечает: «Знаки образуют тексты, тексты – культуру, культуры – семиосферу. Подобно тому как пространство культуры образуется всеми текстами, созданными, создаваемыми и могущими быть созданными в данной культуре, так и семиосфера – это культура всех культур и среда, обеспечивающая возможность их появления и существования»¹³³. Культурное пространство исследуется в работах ряда российских и зарубежных учёных различных направлений.

М. М. Бахтин поднимает тему важности поиска границ культурных пространств и точек их соприкосновения, в которых происходят встречи разных культур: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет. Она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её <...> Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»¹³⁴.

Социолог Э. Дюркгейм одним из первых указал на изменчивость свойств пространства при истолковании структуры первобытных обществ: «...пространство, подобно времени, не могло бы быть тем, что оно есть, если бы оно не было делимо и, если бы оно не дифференцировалось»¹³⁵. П. Сорокин в труде «Социальная и культурная динамика» развивает мысль о том, что пространственная парадигма в социокультурном измерении даёт возможность

¹³² Лотман, Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. – С. 21.

¹³³ Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров.: Человек-текст-семиосфера-история / Ю. М. Лотман. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 135.

¹³⁴ Бахтин, М. Н. Эстетика слова [Текст] / М.Н. Бахтин // Контекст. – М.: Наука, 1974. – С. 266.

¹³⁵ История психологии. XX век [Текст] : [хрестоматия] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – 5-е изд. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С.76.

поставить понятие «общество» рядом с «культурой», а «социальное» рядом с «культурным», для создания единства – «социокультурного».¹³⁶

К. Леви-Стросс в книге «Структурная антропология» пишет: «Одно и то же объединение индивидов, если оно объективно существует во времени и пространстве, всегда имеет отношение к различным культурным системам: всеобщей, континентальной, национальной, провинциальной, местной и т. д.; семейной, профессиональной, конфессиональной, политической и т. д.»¹³⁷. При этом автор отмечает, что термин «культура», употребляемый для определения множества значимых различий, границы которых приблизительно совпадают, не гарантирует абсолютного совпадения и существования на всех уровнях одновременно, что не должно мешать использованию данного термина.

Настолько же интересную рефлексию по разным проблемам пространственности представляют труды постмодернистов: Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, В. А. Подороги. М. Фуко развивал теорию гетеротопий – пространств, которые находятся с другими пространствами в особого образа взаимосвязи: «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются»¹³⁸. Эти пространства находятся в связи со всеми остальными и при этом противоречат им, роль гетеротопий в том, чтобы «создать иллюзорное пространство, которое изобличает все реальное пространство, все местоположения, по которым разгораживается человеческая жизнь, как еще более иллюзорные»¹³⁹.

В. А. Тишков в статье «Культурный смысл пространства» пишет, что культурное пространство – это уровень значений, смыслов, а также «сама пространственная среда и ее изменения под воздействием человека: культурные ландшафты, поселения, здания и комнаты, организация интерьера и множество

¹³⁶ См.: Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

¹³⁷ Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 308.

¹³⁸ Фуко, М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 195.

¹³⁹ Фуко, М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 202.

других визуальных проявлений пространственной организации. Однако в поле зрения социально-культурной антропологии находятся не только визуальные, но и воображаемые пространства»¹⁴⁰. По мнению автора, культурное пространство содержит в себе взаимодействие четырёх субстанций или элементов: пространства, времени, смысла и коммуникации¹⁴¹.

Тишков выделяет такие категории культурного пространства, как: геопро пространство, «...организованное по разному в разных культурных традициях: от абстрактного геометрического пространства в современных западных поселениях до организованного на принципе религиозной оппозиции профанного и сакрального в организации пространства во многих так называемых традиционных культурах»¹⁴²; социальное пространство, где «...порядок обусловлен характером социальных отношений, групповой иерархией, формальными и неформальными связями, ролевыми факторами¹⁴³»; поведенческое пространство, определяемое «...разными диспозициями индивидуального и группового характера»¹⁴⁴. Наряду с вышеуказанными категориями автор выделяет также психологическое, информационное, электронное и воображаемое пространства.

Так, культурным пространством современного города считают территорию, где индивид-горожанин реализует свои цели, интересы, способности. В этом пространстве он проверяет на прочность свои жизненные ценности, приобщается к культуре, языку, традициям и вере. Он бросает вызов окружающему пространству и получает на него ответ. Посредством изучения культурного пространства можно понять особенности культуры, её сущность. Культура с точки зрения её пространственных характеристик воспринимается как целостная система, представленная во всём многообразии её элементов и их взаимодействий. Индивид-горожанин постоянно находится в процессе сотворения им культурного пространства своего города. Вовлечённый в этот

¹⁴⁰ Тишков, В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. – 21.

¹⁴¹ Тишков, В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. – 22.

¹⁴² Тишков, В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. – 22.

¹⁴³ Тишков, В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. – 22.

¹⁴⁴ Тишков, В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. – 22.

процесс, он формирует не только себя, но и всю окружающую его действительность, преобразовывая её и создавая культуру. Город – это относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально-гетерогенных индивидов¹⁴⁵.

Плоды преобразовательной деятельности человека постепенно складываются в определённую систему, формирующую ценности и ориентиры поведения. Культурное пространство современных городов – это система с определёнными культурными ценностями и нормами, транслирующая стереотипы поведения и мышления. И. Г. Четверов и А. Ю. Ивлева замечают, что «...именно из культурного пространства современным человечеством черпаются готовые варианты решений множества различных жизненных проблем. Так, приспособление к меняющейся действительности создаёт на основе уже готовых существующих вариантов решений новые»¹⁴⁶.

В работах зарубежных и отечественных исследователей выделяется ряд существенных характеристик культурного пространства современного города, а именно: многофункциональность, культурная ресурсность, возможность для межкультурной коммуникации¹⁴⁷.

Культурное пространство сохраняет и аккумулирует память обо всех происходящих событиях и пополняется под влиянием культурной деятельности граждан страны, людей, населяющих каждый конкретный город. В. С. Библер пишет: «...типологически различные культуры человечества могут втягиваться не только в одновременно существующее, но и в общее духовное «пространство», мучительно и странно сопрягаются они друг с другом, «дополняя» почти поборовски, то есть, исключая и предполагая друг друга»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни [Текст] / Л. Вирт // Избранные работы по социологии. – М., 2005. – С. 98.

¹⁴⁶ Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». – Саранск, 26.09.-31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г.). И. Г. Четверов, А. Ю. Ивлева. Феномен культурного пространства. URL: <http://yazik.info/2011-30.php> (дата обращения: 11.11.2017).

¹⁴⁷ Балдандоржиев, Ж.Б. Город как объект культурологического исследования [Электронный ресурс] / Ж. Б. Балдандоржиев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-obekt-kulturologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.08.2018).

¹⁴⁸ Библер, В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) [Текст] / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 32.

Культурное пространство каждого современного города содержит в себе огромный потенциал, позволяющий развиваться индивидам-горожанам. Можно сказать, что понятия «город» и «культура» тесно связаны друг с другом. Они образуют целостный объект: «Изучение города – путь познания нашей культуры»¹⁴⁹. Город понимается как квинтэссенция культуры: «Город – сгусток культуры, её материальное выражение»¹⁵⁰, а также вместилище всей культуры человечества: «Город – аккумулятор многовековой материальной и духовной культуры»¹⁵¹.

А. Н. Губанков в своей диссертации, посвящённой современным СМИ, в частности, пишет о том, что развитому, освоенному культурному пространству современных городов принадлежит неограниченный потенциал для творческого роста каждого человека, который обладает не только рефлексивным сознанием, но также и стремлением реализовать свой потенциал, знает и уважает традиции народов в своей стране; что является также основанием для развития национального самоуважения и признания данной культуры мировым сообществом¹⁵².

С. В. Пресняков понимает культурное пространство как совокупность культурных процессов, рассматриваемых в рамках определенных исторических традиций и географических границ¹⁵³. Автор пишет о том, что культурное пространство включает в себя наследие культуры народов и составные части культуры, находящиеся в социально-экономическом обороте и потребляющиеся населением в форме благ культуры.

¹⁴⁹ Анциферов, Н.П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина [Текст] / Н.П. Анциферов. – Л: Лениздат, 1991. – 265 с.

¹⁵⁰ Акройд, П. Лондон: Биография. [Электронный ресурс]: Пер. С англ. Бабкова В., Мотылева Л. URL: http://royallib.ru/read/akroyd_piter/london_biografiya.html . (дата обращения: 25. 11. 2017).

¹⁵¹ Иконникова, С.Н. Архитектоника и динамизм культурного пространства России [Текст] / С. Н. Иконникова // Гуманитарные науки. – 1997. – № 2. – С. 93–97.

¹⁵² См.: Губанков, А. Н. Сетевые СМИ в культурном пространстве города: коммуникация, интерпретация, диалог: Автореф. дисс. канд. культ. наук: 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2011. – 151 с.

¹⁵³ См.: Пресняков, С. В. Экономика социокультурной деятельности. [Электронный ресурс] / С. В. Пресняков. – URL: https://abc.vvsu.ru/books/ekonom_soz_dejatel/page0001.asp (дата обращения: 24.11.2017).

А. С. Кармин понимает культурное пространство через термины сфер культуры: духовной, социальной, технической¹⁵⁴. В. П. Большаков рассматривает культурное пространство как то, что порождено и изменено культурой¹⁵⁵.

Пространственный подход в изучении культурного пространства современных городов позволяет в полной мере связать воедино территорию, на которой проживают индивиды, с их воздействием на среду своего пребывания: «С самого начала ясно, что жизнь человечества на земле подчинена пространственно-территориальной необходимости...»¹⁵⁶.

Культурное пространство современных городов поистине многогранно. Культура реализуется в деятельности человека и регулирует эту деятельность, выступает в качестве способа регуляции, воспроизведения, сохранения и последующего развития всей протекающей общественной жизни. Горожанин имеет возможность осваивать пространственные формы восприятия и преобразовывать пространство. Представители различных культур существуют в отдельных целостных культурных системах. Культурное пространство изменяется с изменением культурной эпохи: «...механическое перенесение пространственных культурных норм с одной культурной модели на другую ведет к разрушительным последствиям»¹⁵⁷.

Отношение индивида и пространства, его окружающего, продолжают на протяжении всей его жизни. Практически все взаимодействия человека и предметов, окружающих его, происходят непосредственно или опосредованно при участии пространства. Это взаимодействие отражается в пространственных образах, которые аккумулируют и хранят в себе базовые категории культуры, которые служат формированию человеческой деятельности. Именно культурное пространство конструирует человека. Это происходит по причине

¹⁵⁴ См.: Кармин, А. С. Культурология [Текст] / А. С. Кармин. – М.: Питер, 2010. – 240 с.

¹⁵⁵ Большаков, В.П. Провинциальность культурных пространство нынешней России [Текст] / В. П. Большаков // Культура русской провинции: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола. – СПб.: Искусство России, 2005. – С. 6–8.

¹⁵⁶ Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Иван Ильин. – Москва: АСТ, 2003. – С. 109.

¹⁵⁷ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 251.

его вовлечённости в это пространство: «... с самого начала человек имеет единое пространство... Человеческое созерцание пространства и времени предшествует всем внешним ощущениям»¹⁵⁸.

Х. Г. Гадамер, П. Рикёр, интерпретируя пространство города как систему, рассматривали город через призму герменевтики, представляя его своего рода текстом. Гадамер и Рикёр понимали город одновременно как фрагмент текста и как законченное произведение. Х. Г. Гадамер большое значение придавал городской архитектуре, организующей пространство, отводящей в нём значительную роль культуре: «только она давала место представлению поэтического творчества, музыки, мимики и танца»¹⁵⁹. Также философ считал основным признаком современного общества демократизацию средств передвижения и исчезновение понятия «даль»¹⁶⁰. Для Гадамера основой урбанизационных процессов являлась миграция и человеческое движение, вытеснение всего стабильного. П. Рикёр понимал город как сконструированное пространство, пространство, в котором фиксируется место проживания и где возможно передвижение: «в любом случае представляет собой систему местоположений для важнейших жизненных интеракций»¹⁶¹.

Применение данного подхода к изучению особенностей культурного пространства современных городов разумно только в том случае, если весь фокус исследования направлен на изучение человека. Семиотический подход рассматривает культурное пространство на материале современных городов как символически-знаковую систему.

При изучении такой сложной и динамично развивающейся системы, какой является культурное пространство современных городов, по нашему мнению, необходимо обратиться также к системному подходу. Сторонниками системного подхода к изучению культуры города являются И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, М. С. Каган. Системный подход понимает культурное пространство современных

¹⁵⁸ Шелер, М. Избранные произведения. – М., 1994. – С. 157–158.

¹⁵⁹ Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 189.

¹⁶⁰ Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – С. 156.

¹⁶¹ Рикёр, П. Память, история, забвение: пер. с фр. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – С. 209.

городов как сложный культурно-исторический и социальный феномен, где все элементы находятся во взаимодействии. М. С. Каган в рассмотрении культурного пространства города значительное внимание уделял ему как пространству самореализации¹⁶². Он также подчёркивал, что это пространство является искусственно созданным.

Рассмотрение культурного пространства современных городов как живого организма мы можем увидеть в работах И. М. Гревса и его ученика Н. П. Анциферова. Н. К. Васютина рассматривает культурное пространство города как «...подвижный, зыбкий в контурах образ, возникающий в результате преломления универсальных культурных процессов в конкретно-индивидуальной городской среде»¹⁶³. Эти учёные считали невозможным изучение культурного пространства города в отрыве от рассмотрения механизмов взаимодействия всех его элементов и связей между ними. Представляя себе город как самостоятельную и живую единицу, они отводили культурному пространству роль души.

К представителям культурологического подхода в изучении культурного пространства современных городов можно отнести Л. Мамфорда, К. Линча. Они понимали объединение пространства и культуры города как объединение свободных городских жителей, имеющих равные права, собственность, а также городской центр, их объединяющий: «Каждый формирует и несет в себе самостоятельный образ окружения, но между членами одной группы возникает некоторое принципиальное согласие. Именно такими групповыми образами, которыми выявляется единодушие в рамках значительных коллективов, интересуются градостроители, стремящиеся моделировать окружение для множества людей»¹⁶⁴.

Культурное пространство современных городов представляет собой некий живой организм. Он наполнен реальными памятниками истории, культуры

¹⁶² См.: Каган, М. С. Культура города и пути её изучения // Город и культура / [науч. редакторы С. Н. Иконникова, Г. В. Скотникова]. – Санкт-Петербург: СПбГИК, 1992. – С. 19–21.

¹⁶³ Васютина, Н.К. Город будущего в романе Питера Акройда «Повесть о Платоне» [Текст] / Н. К. Васютина // Известия Уральского ун-та. Екатеринбург. – 2004. – № 33. – С. 122–128.

¹⁶⁴ Линч, К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. – С. 19–20.

и живыми воспоминаниями. Культурное пространство современных городов – это также уникальный ландшафт, который формируется под влиянием региональной специфики, культурных, экономических особенностей, политической доктрины, ценностей горожан. В нём происходят процессы самовосстановления, и периоды деградации городской культуры сменяются периодами расцвета. Цикличность перемен не подвержена строгим закономерностям, и их можно отследить только посредством внешних изменений. Городской ландшафт является достаточно точным отображением культурного пространства: «Здесь культура и человек вместе создают прочное единое поле, поддерживающее взаимосвязи окружающего мира, смысл которого позволяет его условно определять в качестве культурного пространства каждого отдельного города»¹⁶⁵.

Социокультурный подход в изучении особенностей культурного пространства современных городов распространён в отечественной науке. Городская культура как важнейшая составляющая всей городской среды рассматривается в работах А. С. Ахиезера, Т. М. Дридзе, В. Л. Глазычева, И. В. Тулигановой. По их мнению, социальное и культурное находятся в тесной взаимосвязи, где один компонент несёт в себе отношение, а второй – смысл. Данный подход направлен на поиск некоторых «точек», обеспечивающих бесперебойную работу культурных механизмов, которые связывают общество и культуру.

Культурное пространство современных городов представляет собой метод и форму существования и коммуникации представителей различных культур и одновременно способ взаимодействия этих культур. В процессе диалога происходит взаимная трансформация, синтез ряда их элементов. Культурное пространство современного города представляет собой синтез различных, зачастую не связанных между собой по смыслу элементов. Очень важно такое определение культурного пространства городов, как «современные». Эта

¹⁶⁵ Мастеница, Е.Н. Культурное пространство города, пути постижения и интерпретации [Текст] / Е. Н. Мастеница // Труды СПбГИК. – 2015. – Т. 212. – С. 223–227.

характеристика указывает на существующие в данный момент особенности структурной организации культурного пространства города и его пригодность для жизни общества, ныне живущего.

Таким образом, можно сделать вывод, что культурное пространство современных городов – это вместилище всех составляющих повседневной жизни индивидов-горожан, формируемое их отношением к своему городу, историей, географическим положением и культурой региона, в котором он находится. Культурным пространством города можно назвать продукт уникального понимания горожанами своего города, построенный на взаимоотношениях человека и окружающего его пространства.

По мере развития постиндустриального общества интенсивный рост городов не ослабевает, продолжают формироваться антагонистические городские агломерации.

Особенности формирования городского пространства, отдельных культурных тенденций в урбанизированном пространстве Европы отражают стремление городов удовлетворить интересы их жителей по удобству, полезности и красоте урбанизированной среды: «Три четверти населения Европы живет в урбанистических районах, большая часть которых страдает – не только на словах, но и на деле – от бедности, болезней, некачественного жилья, преступности и ухудшающегося состояния окружающей среды. Потребность городов в новой креативности интуитивно понятна: многие из них – устаревшие гиганты, пытающиеся реструктурироваться, опираясь на свое промышленное прошлое, а построение новой урбанистической экономики в этих условиях требует срочных мер. Новая экономика большей частью основывается на банальном сопряжении “обучающегося общества” и “экономики знаний”, а также на убеждении в том, что культурная и символическая индустрия играет в этой трансформации роль, более весомую, чем промышленность»¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Чэттертон, П. Чем вымощена дорога в креативный город [Текст] / П. Чэттертон // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С.255–264.

Новая социокультурная реальность города становится объектом отечественных исследований, в частности тех, которые направлены на разработку стратегий развития городов.

Итак, культурное пространство современного города приобретает характерную идентичность, становясь «собирателем человеческих ресурсов», местом реализации человеческих возможностей. Высокий уровень интегрированности человека в городское пространство проявляется через имеющиеся в нем возможности воспроизводить «качественный образ жизни». Так, культурное пространство города, где созданы благоприятные условия (упор сделан на состояние среды, качество жизни – ключевой фактор, определяющий потенциал города) становится средой для подлинного раскрытия человеческого потенциала, способностей, которые в свою очередь будут способствовать развитию культурного пространства города.

Одним из первых отметил, что городской образ жизни снижает вероятность личностных контактов, но при этом увеличивает частоту контактов поверхностных, М. Вебер: «С социологической точки зрения этот признак города характеризует его как населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом»¹⁶⁷. Наряду с этим ученым выделены экономические признаки современного города и его принципиальные функции, дан анализ социокультурных предпосылок становления города¹⁶⁸.

Те же идеи развивает в своих работах Г. Зиммель, указывающий, что именно увеличение контактов способно изменить их качество. Г. Зиммель отмечает повышение нервозности при быстрой непрерывной смене впечатлений, что ведёт к обесцениванию объективного мира и собственной личности¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 9.

¹⁶⁸ См.: Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

¹⁶⁹ См.: Добреньков, В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/12.php (дата обращения: 10. 11.2017).

Д. Джейкобс утверждает новый подход: город она считает средой, которую именно люди способны сделать лучше¹⁷⁰.

Ф. Тённис отмечает, что городам свойственны общественные отношения, построенные на приоритете договорного рационального начала, низкой степени социального контроля и значительной отчуждённости горожан друг от друга: «Все движение в целом, в его первичном (и проходящем также сквозь все последующие) проявлениях, может быть понято как движение от изначального (простого, семейного) коммунизма и от происходящего из него и на него опирающегося (деревенско-городского) индивидуализма – к независимому (крупногородскому и универсальному) индивидуализму»¹⁷¹. Тённис также пишет о снижении в городах роли семьи как объединяющего начала: «Таким образом, в крупном, в столичном и тем более в мировом городе семья приходит в упадок. Чем более сильное и, тем самым более длительное воздействие он оказывает, тем более случайными должны выглядеть ее пережитки. Ведь лишь немногие готовы здесь по своей собственной воле раствориться в столь узком кругу. Собственные дела, интересы и удовольствия влекут всех вовне и рассредоточивают во внешнем пространстве»¹⁷².

«Производство пространства социума», по А. Лефевру, предполагает не только возможность для жителя получить жилье, работу, образование, но и в более широком смысле – существовать в нем и его превращать («любое творение занимает пространство, порождает его»)¹⁷³.

Города, как и раньше, остаются важными для социальных контактов. В современном мегаполисе личность имеет возможность сохранить свою культурную идентичность, обеспечить себе и своим близким «дом души».

¹⁷⁰ См.: Социология вещей: сб. ст. под ред. Вахштайна В. – М., 2006. // Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. – М., 2011.

¹⁷¹ Тённис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Фердинанд Тённис ; Пер. с нем. Д. В. Складнева. – М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – С.383.

¹⁷² Тённис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Фердинанд Тённис; Пер. с нем. Д. В. Складнева. – М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – С.374.

¹⁷³ См.: Лефевр, А. Социальное пространство [Текст] / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С. 3–14.

Культурное пространство города предстает как освоенный человеком, в тех или иных параметрах значимый для него ценностно-смысловой мир.

Методика измерения качества жизни в городе, выявления умных «устойчивых» городов, рекомендованная ООН, выделяет такие «культурные индикаторы развития»¹⁷⁴:

- 1) «Умные» библиотеки;
- 2) Культурная инфраструктура;
- 3) Охраняемые объекты культурного наследия;

В итоге культурные индикаторы развития являются отражением попытки измерить роль культуры в социально-экономическом развитии города.

Необходимым условием для проектирования городского пространства, способного воспроизводить «качественный образ жизни», становится культура творчества. Историческая трансформация города – от индустриального к постиндустриальному – привела к развитию «креативного класса», к которому К. Лэндри относит не только художников и тех, кто занимается художественным бизнесом непосредственно, но и всех тех, кто связан с творческой деятельностью, пусть и не на ключевых уровнях: социальных работников, бизнесменов, ученых, госслужащих: «Объекты культуры и происходящие в них события – существенный фактор, стимулирующий вдохновение, уверенность в себе, полемику и обмен идеями, а также формирование образа города. Интенсивная культурная жизнь способствует привлечению квалифицированных и талантливых специалистов, создает возможности для местных жителей. При этом "потребление" художественных и культурных продуктов высокого уровня воздействует на зрителей меньше, чем их прямое и активное творческое участие в художественных событиях, которое имеет более сильный личностный и развивающий эффект»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ См.: Организация Объединённых Наций. Экономический и социальный совет. Европейская экономическая комиссия. Комитет по жилищному хозяйству и землепользованию. Показатели умных «устойчивых» городов, разработанные ЕСК-ООН-МСЭ.[Электронный ресурс]. URL:http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2015/ECE_HBP_2015_4.ru.pdf (дата обращения: 04.12.2018).

¹⁷⁵ Лэндри, Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика–XXI», 2011. – С. 185.

Создается новая топография города, проявляется через креативные коммуникации, генерирование новых идей (инновационные бизнес-модели, изобретения, новые услуги, художественные произведения).

Актуализация креативной составляющей культурного ландшафта города должна происходить в двух измерениях: во-первых, личностном (формирование «креативного класса»¹⁷⁶), во-вторых, социальном (наличии своеобразных культурных форм совместной жизни – публичного пространства – жителей городов, возможностей для коммуникации, разностороннего досуга и творчества). Глобальные города развивают высокоспециализированные «креативные» услуги¹⁷⁷, разработчиками которых являются «креативные люди эпохи новой экономики» (по Ч. Лэндри)¹⁷⁸.

Экономический рост за счет креативной индустрии, который выигрывает, скорее всего, в городах с инфраструктурой, способствует обмену и коммерциализации творческих идей.

Выделяют следующие креативные услуги: «финансовые и деловые» (коммерческие деловые услуги (юриспруденция, бухгалтерия, реклама и связи с общественностью), а также дизайнерские услуги (архитектура, гражданское строительство, индустриальный дизайн и мода); «творческие виды деятельности» (массовые перформансы (фестивали, концерты), музеи, галереи и выставки, печатные и электронные средства массовой информации); «туризм» (деловой, познавательный, а также соответствующая инфраструктура: средства размещения, система общественного питания, объекты индустрии развлечений, транспорт и т.д.).

Все эти различные виды деятельности объединяет, во-первых, то, что для каждого из них чрезвычайно важен высокий уровень скорости в сборе, передаче и потреблении информации. Во-вторых, такие виды деятельности взаимодействуют

¹⁷⁶ Чэттертон, П. Чем вымощена дорога в креативный город [Текст] / П. Чэттертон // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С.255–264.

¹⁷⁷ См.: Лефевр, А. Социальное пространство [Текст] / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С. 3–14.

¹⁷⁸ См.: Лэндри, Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с.

тесно между собой и порождают ряд зон интенсивной коммуникации в городском пространстве. В литературе они упоминаются как пространства для общественных или «общих» видов деятельности.

К примеру, использование таких помещений, как гостиницы, конференц-залы, выставочные центры, относят одновременно как к деловым услугам, так и к туризму; музеев и галерей – неотъемлемая часть культурных отраслей туризма; реклама является и творческой, и деловой услугой и т.д.

Мобильный, зависящий от знаний бизнес и «креативщики», на которых он, собственно, и держится, процветают там, где существует определенный набор культурных активов, и, наряду с ним, высокие стандарты жизни и среды.

Условия жизни в городах оцениваются в соответствии со многими критериями, в том числе с возможностью для человека быть в центре культурной жизни, иметь условия для полноценного досуга и развлечений и тому подобное.

Город, в котором отсутствует такая среда, не способен обеспечить удовлетворение экзистенциальных потребностей, трактуется как населенный пункт низкого уровня со статусом индустриальной застройки.

Важным для формирования творческой среды города является обучение и формирование талантов. Различные культурные практики доказывают, что привлечение к эстетическому воспитанию с детских лет является лучшей предпосылкой будущего участия человека в культурной жизни, а также множество других преимуществ.

Например, в европейских общеобразовательных школах всех детей (от 6 до 16 лет) учат петь, играть на музыкальном инструменте, писать музыку на своем уровне. Творческое образование ученика сказывается на лучшем овладении естественными науками, а также на развитии навыков совместной работы, уверенности в себе. Следует отметить, что в российском обществе роль художественных практик в культурном пространстве горожан остается недооцененной.

В отечественной системе школьного образования предметы эстетической направленности являются второстепенными либо факультативными, а специальные школы эстетического воспитания посещает незначительный процент детей школьного возраста.

Участие в культурной жизни также является полезным и для пожилых людей. Исследования доказывают, что пожилые люди, которые принимают участие в художественных программах, улучшают здоровье, уменьшают количество визитов к врачу, имеют более активную жизненную позицию.

Актуальным направлением устойчивого развития современных городов является включение творческой активности в систему ценностей горожан и формирование у них потребности к творческой самореализации, духовно-культурному развитию. Стратегическим заданием для российских городов может стать, например, охват художественно-эстетическим воспитанием молодежи на уровне 90%. Реализация такого стратегического направления будет способствовать процессу преобразования жителей города из простых потребителей услуг культуры в активных субъектов, носителей потенциала креативного пространства в развитии города.

Кроме того, культура как инструмент текущего социально-экономического развития современных городов будет опираться не только на инициативу профессионалов или органов власти, но и в значительной степени на жителей города и их объединения. В зависимости от того, какой нас интересует «масштаб присутствия» человека, может меняться также и фокус локализации при описании жизни города, очерчивании пространства «культурного сознания», в частности, – из-за причастности к организации городом различных форм культурного бытия.

Таким образом, важным становится «эффект присутствия», поскольку он предусматривает сопричастность к целому. Наиболее актуальной на современном этапе становится метафора культуры города – ее «жизнеспособность».

Итак, культурное пространство города можно измерять как своеобразными отношениями между отдельными субъектами культуры, так и новыми условиями, включая материальные; системой ценностей, культурных потребностей и средств является удовольствие.

Креативный город характеризуется прежде всего не количеством принятых городом туристов, количеством музеев, различных культурных мероприятий, а качественным жизненным пространством. Поэтому в российских городах мы еще не наблюдаем постоянных креативных тенденций, поскольку в их развитии проявляются тенденции к «культурной асимметрии» (положительная динамика в «культуре», «туристской привлекательности» и, вместе с тем, негативная – в показателях «безработица», «деловая активность», «инфраструктура» и т.д.).

В целом развитие инфраструктуры творческой самореализации горожан в сфере культуры предполагает сохранение существующих и создание новых публичных мест для культурно-творческой деятельности, которые дают их посетителям возможность проявления талантов.

Города, по Ч. Лэндри, способны превращаться в лаборатории, разрабатывающие технологические, концептуальные и социальные решения проблем¹⁷⁹. Лэндри полагает, что «искусство взращивания творческих городов включает в себя способность улавливать и использовать проблески инноваций, выстраивая их в правильных сочетаниях и в правильном порядке, чтобы из них складывалась творческая городская среда»¹⁸⁰.

В итоге город должен обладать «искусством роста стоимости и человеческой ценности» от всего, чем он занимается. При помощи культурных индустрий можно сделать город более мощным. С целью создания максимально возможного удобства для жизнедеятельности в городе людей творческих профессий, а также культурных организаций – формировать соответствующее социально-экономическое пространство, благоприятное для реализации и приобщения к культурной продукции.

¹⁷⁹ См.: Лэндри, Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с.

¹⁸⁰ Лэндри, Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – С. 230–231.

Культурное пространство каждого современного города - пространство, в котором происходит самовоспроизводство человека – возникают культурные формы, в которых разворачивается индивидуальность через креативный характер действия. Культурное пространство города понимается нами как рукотворная среда существования и самореализации. Культурное пространство города превращается в сферу возможностей для формирования творческой, насыщенной жизни каждого его обитателя.

1.2 Понятие «локус медиации» в контексте пространственного поворота

Город – это не только особый тип поселения, но и место встречи людей. Встреча предполагает взаимодействие, взаимообмен, коммуникацию – непосредственную и опосредованную. Публичные пространства города – площади, парки, улицы – выполняют функцию катализаторов указанных процессов. Специалисты по изучению культуры города придерживаются мнения, что социокультурная динамика публичных пространств играет центральную роль в формировании городского сообщества и культуры города. Данная проблематика освещается в значительном массиве литературы (Э. Амин, Х. Ардент, А. С. Ахиезер, Ж. Бодрийар, С. Веселова, В. А. Глазычев, Т. М. Дридзе, Б. В. Марков, Ю. Хабермас, Л. А. Штомпель и др.).

Культурная система современного города находится в постоянной динамике и даже после разрушительного воздействия способна сохранять равновесие. По этой причине можно категоризировать город как динамичную социальную систему, способную накапливать и передавать информацию, существовать как самоорганизующийся феномен. По словам Т. Парсонса, «тенденция процесса взаимодействия к самосохранению есть первый закон социальных процессов»¹⁸¹. Необходимо отметить одну закономерность, присущую культурной системе современного города, а именно способность к самовоспроизводству и созданию новых культурных элементов.

¹⁸¹ Парсонс, Т. О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – С. 307.

Публичные пространства несут в себе огромный потенциал. Городские улицы, парки, центральные площади и другие общественные пространства, как часть культуры города, считаются одними из символов коллективного благополучия горожан и их возможностей, показывают уровень их культуры и уровень развития городского сообщества.

Существует определённая связь между уровнем напряжённости, который возникает при коммуникации в публичных пространствах города, и уровнем развития культуры города, уровнем удовлетворенности горожан своим городом. Это отражено в работах Е. Н. Даниловой, Дж. Джекобс, Р. Ольденбурга, Л. Холлиса.

Открытость публичных пространств, их демократичность и доступность отмечали такие авторы как Р. Сеннет, Дж. Джекобс, У. Уайт, Л. Лофлэнд. Лин Лофлэнд определяет публичные пространства как «...открытые, общедоступные пространства, приспособленные для пребывания людей, для «коммуникации незнакомцев», анонимных встреч горожан, социализации жителей»¹⁸². Лофлэнд полагала, что отношение к общественному пространству зависит от социальных отношений, которые и формируют мнение по поводу того или иного общественного пространства. В классификации общественных пространств она выделяет три основных типа мест, или «локусов», а именно: памятные, знакомые места, домашняя территория. Под домашней территорией автор понимает места, где горожане могут позволить себе вести себя как хотят, буквально ощущают себя как дома. Знакомые места – неформальные пространства баров, магазинов шаговой доступности, которые являются постоянным местом встречи со знакомыми или частью привычного маршрута. Последний тип локусов в классификации Л. Лофлэнд – памятные места. Это места, фокусирующие моменты коллективной истории и памяти, под которыми понимаются храмы, городские парки, центральные площади городов. Эти публичные пространства – точки притяжения горожан, отличающиеся интенсивным характером

¹⁸² Lofland, L.H. A World of strangers. Order and action in urban public space [Text] / L.H. Lofland. – N.Y.: BasicBooks, 1973. – P. 48.

коммуникации и аккумулирующие в своём пространстве основные события городской истории, являющиеся важной частью исторической памяти горожан. Они, несомненно, значимы для культуры города.

Точки в культурном пространстве города, значимые для исторической памяти, где наиболее интенсивна коммуникация (обмен информацией, визуальными образами между индивидами-горожанами), на данный момент мало исследованы. Данные пространства в культуре современного города мы предлагаем называть «локусами медиации». Выполняющие такие функции публичные пространства подобны «памятным местам», которые описаны Лин Лофлэнд. Однако «локусы медиации» не только аккумулируют отдельные моменты коллективной истории и памяти, но и в процессе коммуникации включаются в создание новых элементов культуры современного города.

«Локусы медиации» – это обычно места большого скопления людей, пространства, где возможно нахождение значительной массы горожан одновременно. Это городские парки, площади, центральные и пешеходные улицы, рынки, храмы. Это те части коммуникативного пространства современного города, в которых с наибольшей интенсивностью происходит обмен информацией: сообщениями, знаками, образами. И именно состояние психологического комфорта, ощущения «дома вне дома» позволяет поддерживать высокий уровень интенсивности коммуникации. Не каждое общественное пространство города с интенсивным характером коммуникации будет являться локусом медиации. Локус медиации – это публичное пространство, в котором предполагается определённый сценарий поведения, значимое для горожан и транслирующее историческое и культурное наследие города. Это пространство встречи горожанина со своим городом, которая возможна при взаимодействии с «другими». Эффективность коммуникации (вербальной и невербальной) в пространстве локуса медиации обеспечивается постоянно происходящими процессами медиации.

Необходимость введения такого понятия как «локус медиации» обусловлена рядом причин. Культурное пространство современного города не гомогенно. Локусы медиации являются теми точками, коммуникация в которых, непосредственная и опосредованная, наиболее интенсивна. Выполняя функции «культурного пограничья» города, локусы медиации становятся теми пространствами, где встречаются представители разных культурных, социальных, этнических, возрастных групп, и практически неосознанно изменяют одновременно себя и окружающую их, не всегда понятную им, реальность города. Благодаря коммуникации происходит появление новых культурных элементов, которые могут быть инфильтрованы, приняты контактирующими культурами.

Понятие «локус» впервые в гуманитарных науках стал активно употреблять М. Ю. Лотман. В его трудах по семиотике появляется мысль о связи героя с определённым местом, «локусом». Локус понимается учёным как пространство, попадание в которое равно попаданию в ситуацию конфликта: «Границы разбиения пространства на разных уровнях могут не совпадать, эпизодические части текста могут содержать локальные подструктуры с иным, чем в других местах, типом упорядоченности пространства и иными границами его разбиения. Это приводит к тому, что в сложных сюжетных текстах траектория героя может пересекать не только основную границу модели культуры, но и находиться в движении относительно более частных разграничений»¹⁸³. П. З. Гольдин понимает под локусом «...такое пространство, которое субъект (персонаж текста) может лично прочувствовать или представить, «физически» ощутить. Локус – то место, где происходят локальные события, разворачивается «местная» жизнь»¹⁸⁴. Т. В. Субботина отмечает, что локус – это пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы¹⁸⁵. Границами «локуса

¹⁸³ Лотман, М. Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства [Текст] / М. Ю. Лотман // О метаязыке типологических описаний культуры. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 140.

¹⁸⁴ Гольдин, П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики [Текст]: в 2-х ч. / П. З. Гольдин. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 11. – Ч. II. – С. 66–69.

¹⁸⁵ См.: Субботина, Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Текст] / Т. В. Субботина // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 24. – С. 111–113.

медиации» могут быть преграды природного либо искусственного, например строительного происхождения. Границы же «локуса медиации» определяются индивидами, которые его посещают. Например, не вся территория публичного пространства парка будет «локусом медиации». Но только та её часть, которая востребована среди горожан и представляется им относительно безопасной для построения диалогов.

Пограничье как разновидность геокультурного пространства со специфичным, граничным типом культурогенеза определяет формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического. Как результат этого взаимодействия оформляются граничные культурные ландшафты, целостность и устойчивость которых задается тесной взаимосвязью геополей друг с другом и окружающей средой в ходе процессов материально-практического и духовно-интеллектуального освоения территории. Вспомним идеи В. С. Библера о том, что центр культуры находится на ее границе – там, где она встречается с другими культурами¹⁸⁶. В локусах медиации происходит своеобразный выход из «зоны комфорта». Это способствует максимально объективному рассмотрению процессов коммуникации в указанных пространствах. Они являются одним из проявлений той границы, которую описывает Мишель Фуко в работе «Археология знания»: «Высказывания изучаются на границе, которая отделяет их от того, что не сказано, в инстанции, которая заставляет их появиться, в своем отличии от всех остальных»¹⁸⁷. Таким образом, «локусы медиации» – центры, диалог в которых продуцирует создание городской культуры.

Большинство исследователей понимают публичные открытые пространства как наиболее значимые части пространства города, выступающие площадками для процессов коммуникации. Агора или форум в античных городах, рыночная

¹⁸⁶ См.: Библиер, В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков [Текст] / В. С. Библиер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.– С. 440.

¹⁸⁷ Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

площадь в средневековых городах Европы становились площадками для обмена мнениями и даже принятия политических решений.

Понимание городского публичного пространства различными учёными мы можем разделить на две группы: «публичное пространство как агора» и «публичное пространство как сцена»¹⁸⁸. Публичное пространство, выполняющее функции агоры – пространство, в котором принимаются важные решения, но эти решения никак не связаны с интересами большинства горожан. Для такого типа понимания публичного пространства основополагающим является доминирование политических процессов при его оценке. Такое пространство чаще всего понимается через призму политической борьбы или вынесения решений по значимым для города вопросам. Этой концепции придерживались Ю. Хабермас, Х. Арндт. В некоторых случаях взгляды Хабермаса и Арндт трактуются как противоположные. Мнения о публичном пространстве как о сцене высказывали И. Гоффман, Ш. Зукин, Д. Джекобс, Л. Лофлэнд, Р. Сеннет, Р. Ольденбург. Сцена понимается в этом контексте как место, в котором развивается публичная жизнь и протекает коммуникация.

Именно второе направление наиболее близко нашему исследованию, так как публичность понимается тут в качестве способности к коммуникации, социальному взаимодействию и жизни в обществе. Для определения публичного пространства такого типа обратимся к Р. Сеннету, который понимает под ним места, где происходят «множественные незапланированные взаимодействия» при которых «незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга»¹⁸⁹. Эти пространства выполняют функцию регуляции и модерации коммуникации в публичных пространствах культуры современного города.

Рассмотрим понимание публичности в работах Ю. Хабермаса и Х. Арндт. Данные исследователи в своих изысканиях обращались к идеальному опыту публичного диалога прошлых исторических эпох. В их концепциях есть как

¹⁸⁸ Лебедева, Е.В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и кризис «публичности» [Текст] / Е. В. Лебедева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20. – С. 74–92.

¹⁸⁹ Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет; пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, В. Софронов – М.: Логос, 2002. – С. 424.

общие черты, так и некоторые различия. Исследователи сходятся в том, что публичная сфера характеризуется открытостью и равными правами участников взаимодействия.

Одной из первых обратилась к концепту «публичности» немецко-американский философ Ханна Арендт. По её мнению, под публичностью понимается «...два тесно друг с другом связанных, но все же никак не тождественных феномена»¹⁹⁰. С одной стороны, «публичность» автор трактует как открытость для всех, но с другой – отсутствие всякой личной приватности.

Взаимодействия в публичном пространстве приравниваются Арендт к спиритическому сеансу, на котором «...собравшаяся вокруг стола группа людей внезапно видит, что стол силою какой-то магии исчез из их среды, так что теперь два сидящих друг против друга лица ничем больше не разделены, но и ничем осязаемым больше не соединены»¹⁹¹. Мир публичного пространства для неё – это мир, созданный руками самих участников взаимодействия в нём. И действия в этом «мире» затруднены не в силу большого количества участников, а по причине того, что «мир тут утратил свою силу собирания, т. е. разделения и связывания»¹⁹².

Стоит заметить, что Ханной Арендт публичное пространство понимается как «арена действий людей, совершаемых ими перед лицом друг друга»¹⁹³. Таким образом, публичность связана со взаимодействием индивидов со сходными взглядами, убеждениями и ценностями. Это – гарантия того, что публичное пространство будет функционировать успешно. Мы можем отметить театральность действия, продуманного и реализуемого по определённому сценарию. Метафора спиритического сеанса – сакрального действия, также реализуемого в строгих предписанных рамках для получения определённого

¹⁹⁰ Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни Ханна Арендт* [Текст] / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 66.

¹⁹¹ Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни Ханна Арендт* [Текст] / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 69.

¹⁹² Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни Ханна Арендт* [Текст] / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – С.69.

¹⁹³ Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни Ханна Арендт* [Текст] / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 69.

результата, поддерживает значение «публичности», т.е., для таких публичных пространств как локусы медиации важен аспект действия.

При этом важно отметить, что данное «действие» имеет агонистический характер. Участники коммуникации, по Ханне Арендт, не имеют постоянного пространства для её реализации, оно может возникнуть на момент текущего общения, а затем перестать существовать. Такое публичное пространство возникает в момент общения, где все его участники находятся рядом, в конкретный момент времени, а затем по его окончанию прекращает существование. Несмотря на агонистический характер взаимодействия его участники не просто обмениваются мнениями, но и приходят к некоему общему согласованному решению. Для локусов медиации очень важно, несмотря на определённую конфликтность среды и взаимодействий, приводить разрозненные мнения и суждения к единому, среднему варианту, который затем поставляется в культурное пространство города и способствует его развитию.

Ханна Арендт определяет публичное пространство прежде всего как пространство действия. При этом действия, ведущего к принятию решения, важного для политической жизни, и через это представления своей индивидуальности, её раскрытия, подлинной внутренней свободы, которая возможна только в присутствии других.

Юрген Хабермас, напротив, полагает, что публичность тесно связана с коммуникацией. Он мыслит публичное пространство феноменом, в котором «не столько осуществляются действия, сколько происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями»¹⁹⁴. Для него публичное пространство – это в первую очередь территория конструирования общественного мнения, общения, обмена мнениями. При этом участники обмена могут быть разбросаны, находиться в разных точках. По мнению же Арендт коммуникация не может происходить везде, но только в конкретном месте. И если Арендт пишет о принятии решения, которое будет прямо влиять на общество и политическую сферу, то Хабермас

¹⁹⁴ Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society [Text] / J. Habermas. – Boston: MIT press, 1989. – P. 109.

предоставляет публичности влиять на принятие важных решений лишь косвенно, через посредство общественного мнения.

Подход Юргена Хабермаса во многом идеалистичен, так как он пишет о рациональном, взвешенном диалоге, происходящем в классическом публичном пространстве. При этом у Хабермаса отсутствует конфликтная составляющая при понимании им публичного пространства. Однако концепция гражданской публичной сферы, приводимая учёным и предполагающая свободную коммуникацию, находит своё отражение в платформах типа Web 2.0. сети Интернет.

Таким образом, при определении понятия «локус медиации» мы можем равно обратиться как к концепции Юргена Хабермаса, так и к концепции Ханны Арендт в понимании публичности. Для нас важен как агонистический характер публичного пространства, возможность в конфликтогенной атмосфере выбрать оптимальный для всех сторон вариант, так и идеи о свободной коммуникации и общественном взаимодействии, происходящем между участниками, находящимися на отдалении друг от друга.

Обратимся к концепту «культурной сцены», который по своим характеристиками подобен локусу медиации. В статье «Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ» Е. Омельченко и С. Поляков описывают культурную сцену как «...локально организованный социальный мир – неформальную сеть людей, сообществ и организаций, совместно производящих и репрезентирующих некий жизненный стиль. В рамках «сцены» социальные отношения тесно переплетены друг с другом, облегчен переход от одной роли к другой. Режим вовлечения в «сцену» более либеральный (по сравнению с субкультурой). «Сцены» сенситивны к непосредственным географическим и институциональным контекстам, конкретные локальные практики могут быть ориентированы на

транслокальные или виртуальные коллективы»¹⁹⁵. В статье подчёркивается, что сцена – это определённое место. И каждое место коммуникации «...обладает своими материальными характеристиками и наделяется особыми смыслами, а виртуальная «сцена» становится уникальным местом встречи, где географически удаленные региональные участники включаются в сообщество»¹⁹⁶. То есть, культурные сцены, это те части публичных пространств города, где проводят время представители «этнических диаспор или отдельных молодёжных субкультур»¹⁹⁷.

Как и локусы медиации, культурные сцены включены в пространство города, способны влиять на его культуру. Однако «локус медиации» - понятие более широкое. В локусах медиации происходит коммуникация людей различных социальных и культурных слоёв, наций и возрастов. В культурных сценах же коммуникация разворачивается между людьми с одним общим жизненным стилем. Эти люди принадлежат к одной этнической группе, субкультуре. Наполнение и способ коммуникации, разворачивающейся в культурных сценах, подводит нас к мысли о том, что они являются одними из тех медиаторов, которые, наполняя пространство локуса медиации, позволяют поддерживать коммуникацию на стабильно высокоэффективном уровне. Сцена позволяет увидеть, насколько то или иное сообщество гетерогенно внутри, что даёт возможность своевременно отслеживать негативные культурные тенденции, зарождающиеся в локусах медиации. Так, уличный воркаут, расположенный в парке, как одно из проявлений культурной сцены, может стать значимой частью данного локуса медиации, или его сублокусом.

В современной гуманитарной литературе мы встречаем понятие «третье место». Р.Ольденбург в работе «Третье место» описывает его специфику. «Третьи

¹⁹⁵ Омельченко, Е. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодёжных сообществ [Текст] / Е. Омельченко, С. Поляков // Социологическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 111–132.

¹⁹⁶ Омельченко, Е. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодёжных сообществ [Текст] / Е. Омельченко, С. Поляков // Социологическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 111–132.

¹⁹⁷ Омельченко, Е. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодёжных сообществ [Текст] / Е. Омельченко, С. Поляков // Социологическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 111–132.

места» представляют собой «...родовое понятие для большого разнообразия публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок работы и дома»¹⁹⁸.

«Локусы медиации» не тождественны «третьим местам». В отличие от неформальной и дружественной обстановки третьего места, которая обусловлена ожиданием встречи только со «своими», в локусах медиации происходит встреча преимущественно с «Другими». В современном культурном пространстве присутствуют различные, порой противоречивые модели отношения к «Другому». Первая модель подразумевает зачастую отторжение «Другого», враждебное отношение к нему, исходящее из принципов интолерантности. Постепенно указанное отношение может распространяться с одной группы «Других» на иные группы. Вторая модель – это отношение к «Другому», как к интересному чужаку. В этом случае он наделяется положительными качествами «Своего» и может адаптироваться в принимающем сообществе, однако только номинально, являясь объектом интереса и неприязни одновременно. «Другой» жизненно важен нам, он необходим, дабы определить границы собственной идентичности, чтобы испытать нашу систему ценностей и представить их окружающим. Когда «чужого» нет, его необходимо сконструировать.

Отношения «Чужой – Другой – Свой» или «Я – Ты» были предметом интереса философского анализа ряда значительных мыслителей. При анализе проблем взаимодействия индивидов-горожан в публичных пространствах города Л. Лофлэнд оперирует понятием «Чужой» или «Чужак». Термин «Чужак», «Другой» был предложен Г. Зиммелем в работе «Экскурс о чужаке»¹⁹⁹. По мнению Зиммеля, «Чужак» – это не входящий в социальную группу человек, который при этом сложным образом может соотноситься с этой группой. «Чужак»

¹⁹⁸ Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества [Текст] / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 58.

¹⁹⁹ Зиммель, Г. Экскурсы о чужаке. Социологическая теория: история, современность, перспективы [Текст] / Г. Зиммель // Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 7–12.

лишён чёткой самоидентификации, он находится на границе культур и систем. Поэтому он не может занять одну из сторон в конфликтах между социальными и культурными системами. «Чужак» в силу отсутствия вовлеченности в жизнь социальной группы может выполнять роль стороннего наблюдателя и критически рассматривать протекающие в ней процессы. Именно этим он ценен для группы. Тема «Чужака» как представителя другой культуры также поднимается Л. Лофлэнд. В данном контексте она определяет «Чужака» следующим образом: «человек, которого лично не знаешь, но он визуально доступен»²⁰⁰. Публичное пространство включает в себя людей из разных «символических миров», а не просто незнакомцев²⁰¹. Культурный «Чужак» – представитель иного «символического мира», он непредсказуем, непонятны его цели и ценности.

Коммуникация между «Чужаками», «Другими» предполагает ряд особенностей. Реакция членов социальной группы в таком случае находится в диапазоне от страха до интереса. Зачастую, если «Чужак» не опасен для группы, то при коммуникации проявляется интерес, ограниченный настороженностью. Проблему диалога с «Другим» в пространстве культуры разрабатывал философ, сторонник диалогической концепции изучения культуры Мартин Бубер. Он характеризует это отношение следующими словами: «Другой – то, что не есть Я, иное по отношению ко мне, и в то же время подобное мне, равный мне субъект, обладающий свойствами личности. Суть отношения Я–Ты между человеком и человеком есть ощущение непреодолимой потребности в Другом, волевая и моральная концентрация чьего-либо бытия на Другом»²⁰². Автор полагает, что «Я» всю жизнь стремится к взаимодействию с другим, и замечает, что оппозиция «Я–Ты (Другой)» возникает в человеке на уровне инстинкта. Стремление проявиться и отстоять «Я» при встрече с «Ты» наиболее выражено на Границе, где «Я» становится наиболее уязвимо. Описываемый как основной принцип человеческого бытия диалог, согласно М. Буберу, бывает трёх разновидностей:

²⁰⁰ Lofland, L.H. A World of strangers. Order and action in urban public space [Text] / L.H. Lofland. – N.Y.: BasicBooks, 1973. – P.223.

²⁰¹ Lofland, L.H. A World of strangers. Order and action in urban public space [Text] / L.H. Lofland. – N.Y.: BasicBooks, 1973. – P.223.

²⁰² Бубер, М. Я и ты [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 16–92.

технически-инструментальный диалог, т.е. диалог с целью осуществления повседневных забот и смещения фокуса понимания на определённый предмет; монолог, выраженный в форме диалога, направленный не на другого, а вглубь самого себя; подлинный диалог, в котором «актуализируется не просто личное знание, а все бытие человека ... бытие-у-себя совпадает с бытием-в-другом, с бытием партнера по диалогу»²⁰³. В определенной степени сходные мысли высказывались и русским философом С. Франком, который неоднократно подчеркивал, что «Я» возникает впервые лишь озаренное и согретое лучами «Ты», никакого «Я» не существует до встречи с «Ты». Отношение «Я – Ты», формирующее в себе сущее «Я» как некую точку реальности, соотносимую с «Ты», формирует одновременно и единство «Мы»²⁰⁴.

В локусах медиации современного города происходят процессы осознания «Себя» через «Другого». По мнению П. Бурдые, с которым нельзя не согласиться, «ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве...»²⁰⁵. В локусах медиации встреча с «Другими» неизбежна. Каждому из нас нужен «Другой», необходимо конструировать его и взращивать, дабы сохранять личностную и культурную целостность. Мы вынуждены в публичных пространствах локусов медиации сталкиваться с «Другими», такими же, по сути, как мы. Локусы медиации позволяют поставить себя на место «Другого» и до предела визуализировать свою инаковость на фоне инаковости другого.

Мартин Бубер в своей работе «Я и Ты» также раскрывает понятие «между»²⁰⁶. В данном случае «между» характеризует определенную сферу, которая выступает как место и носитель межчеловеческого события, сфера межчеловеческих отношений. «Между» никому не принадлежит, оно находится буквально между «Ты» и «Я». «Между» создаёт определённое измерение. Оно

²⁰³ Бубер, М. Диалог [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 122–161.

²⁰⁴ Франк, С.Л. Сочинения [Текст] / С. Л. Франк. – М.: Правда. 1990. – С. 608.

²⁰⁵ Бурдые, П. Физическое и социальное пространство. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

²⁰⁶ Бубер, М. Диалог [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 122–161.

доступно тем, между кем оно возникает, между человеком и человеком. «Фундаментальным фактом человеческой экзистенции, – утверждает в «Проблеме человека» – будет «человек с человеком». И далее, «по ту сторону субъективного, по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются «Я» и «Ты», лежит область «между».

Локусы медиации являются этой областью «между». «Между», но не между людьми, а между различными культурными и социальными традициями, например, вероисповеданиями. Диалог создает пространство «между», которое наполняется собственными контекстами и начинает жить жизнью, независимой от участников взаимодействия. Для них оно неуловимо и открывается только для стороннего наблюдателя, «наивного» исследователя. Такими «наивными» исследователями являются индивиды-горожане во всём своём разнообразии, которые, изучая культурное пространство города посредством коммуникации в локусах медиации, одновременно формируют его. «Другой», будучи сторонним наблюдателем, имеет возможность наиболее ясно отслеживать процессы, происходящие в локусах медиации, и первым замечает зарождающиеся культурные тенденции. Противопоставляющая себя «Другим» масса горожан наблюдает за ними и, таким образом, также получает информацию об актуальных изменениях в культуре. Локусы медиации, выполняющие функции культурного пограничья, являются пространствами, где посредством медиации реализуется подлинный диалог между индивидами-горожанами и публичным пространством в культуре современного города. «Другие» позволяют поддерживать процессы конструирования идентичности горожан, укрепления их связей с городским сообществом.

А. М. Пятигорский обращается к проблеме «Другого», рассматривая с несколько другой позиции, усложняет её. Он взглянул на данную проблему с феноменологических позиций и высказал следующее утверждение: «Другой» дан тебе в мышлении, только когда-либо он уже стал тобой, перестав быть

«Другим», либо ты уже стал им, перестав быть собой»²⁰⁷. Он утверждает, что феноменологию «Другого» невозможно представить без реакции одного человеческого сознания по отношению к другому. Феноменология «Другого» тесно связана с утверждением о «Другом Другом», «Третьем». Он приводит в пример роман как литературную форму, который не может, по его мнению, существовать без «Третьего»²⁰⁸. Коммуникация, которая подразумевает опыт контакта с «Другим», «Чужаком» влияет на подобное восприятие, провоцирует конфликты.

Индивид-горожанин, имеющий субъективный взгляд на культурное пространство, рассматривающий его через призму повседневности и считающий город «своим», не может в полной мере приобщиться к процессу конструирования его культурного пространства. Он не может стать «чужим» «своему» городу в обыденной жизни. Для того, чтобы почувствовать дискомфорт и выйти из привычных ему схем мышления и поведения, отбросить свой прежний опыт жизни в городе и забыть о привычных схемах, укоренившихся в памяти, он должен стать «другим». И локус медиации – это тот пространственный узел, где сталкивается ставший «другим» горожанин с культурным пространством «своего», как ему казалось, города. Локус медиации – это место, где горожанин в ситуации дискомфорта становится «другим» и может смотреть на свой город объективно. Там он, отбрасывая собственную культурную традицию, видит культурную традицию своего города и страны, перенимает жизненный опыт и делится своим. Он как бы входит в конфликт с культурным пространством города с целью получения новых стратегий поведения и мышления.

Именно в этот момент его Я остаётся один на один с локусом медиации. Индивид, отбросив свою культурную традицию и ещё не приняв культурную традицию своего города, страны испытывает одиночество. То одиночество,

²⁰⁷ Пятигорский, А.М. Избранные труды [Текст] / А.М. Пятигорский // «Другой» и «своё» как понятия литературной философии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 265.

²⁰⁸ Пятигорский, А.М. Избранные труды [Текст] / А.М. Пятигорский // «Другой» и «своё» как понятия литературной философии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 265.

которое описывал Н. Бердяев²⁰⁹, а вслед за ним М. Бубер²¹⁰. Это одиночество, которое способствует возвращению к самому себе, к своему подлинному Я, которое затем преодолевает одиночество, устремляясь к необъективированному взаимодействию с другими, которые услышат его и воспримут во всей целостности. По мнению М. Бубера, ужас одиночества открывал дорогу к самопознанию.

Об одиночестве так же писал Ж.-П.Сартр. Вспомним его идеи об «одиночестве-ответственности»²¹¹. При выборе из множества вариантов, в локусе медиации горожанин сталкивается со своим Я и необходимостью сделать собственный свободный выбор. В этот момент он не может возложить на другого ответственность за свой выбор и от этого испытывает одиночество, которое преодолевается в ситуации принятия наиболее приемлемых для себя схем мышления и поведения.

Так индивид, попадающий в пространство того или иного локуса медиации, вступающий во взаимосвязь с ним, сталкивается не только с пространством города и другими, но также с самим собой, что способствует наиболее точному пониманию своего Я, познанию себя.

Среда «локуса медиации» конфликтногенна. Существует необходимость разрешения противоречий, которые возникают в ней. В локусах медиации современного города важным является поиск промежуточного, оптимального для всех сторон варианта, отказ от биполярности для более свободного процесса осмысления того или иного явления. Для этого необходима медиация. В пространстве локусов медиации разворачивается подлинный диалог, где всё бытие человека, проявляющиеся в его ценностях, целях, убеждениях сталкиваются с бытием «другого». Этот диалог, сопровождаемый медиацией, и позволяет формировать новые смыслы как синтез жизненных концепций. Медиация –

²⁰⁹ Бердяев, Н.А. О назначении человека [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ Хранитель, 2006. – 478 с.

²¹⁰ Бубер, М. Диалог [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 122–161.

²¹¹ См.: Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. – С. 327.

процесс наращивания рефлексии соответствующего субъекта через формирование последовательной системы все более конкретных оппозиций²¹².

Определим диалог как «режим, или условие коммуникации, связанное с направленностью и порядком коммуникативно-познавательных действий»²¹³. При таком режиме коммуникативные процессы возможно отличить от процессов информационно-поточного характера, при которых участники коммуникации находятся на разных полюсах информационного канала. В таком диалоге появляется возможность отличить коммуникацию от псевдо-коммуникации и квазикоммуникации²¹⁴. И псевдо-коммуникация и квазикоммуникация являются непродуктивными по причине того, что в их случае основные интенции, которые закладываются коммуникантами, остаются не понятыми.

Исходя из вышеописанного, интересной представляется мысль, высказанная Т. М. Дридзе по поводу диалога: «В диалоге людей, "проживающих" разные жизненные ситуации и относящихся к разным "группам сознания" (т.е. группам условным, невидимым, но реально существующим в силу общности тех или иных ценностных ориентаций, установок, ожиданий, ментальности и т.п.), и формируется то социокультурное пространство-время, которое становится затем контекстом жизнедеятельности и "питательной средой" для зарождения, воспроизводства, поддержания и развития цивилизованных форм существования общественных организмов»²¹⁵. Именно в диалоге, который способствует пониманию друг друга всеми его сторонами, формируется новое знание, новые элементы, культуры.

А. С. Ахиезер пишет: «Медиация... является формированием ранее не известных в данной культуре альтернатив», «новых смыслов»²¹⁶. Основопологающими в концепции А. С. Ахиезера стали понятия «инверсия»

²¹² Леви-Строс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1999. – С.161.

²¹³ См.: Дридзе, Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 20–28.

²¹⁴ См.: Дридзе, Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 20–28.

²¹⁵ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 27.

²¹⁶ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) [Текст]: в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – С.61.

и «медиация». Оба этих термина понимаются автором как скрытые логические формы деятельности и сознания человека. Основная функция инверсии – нацелить личность, а также конкретное историческое сообщество на продуцирование образцов, сформировавшихся ранее, обращение их к идеалам прошлого. По мнению автора, для идеалов прошлого характерно присутствие полюса дуальной оппозиции и минимума рефлексии, определённого количества заданных вариантов: «Инверсия является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами»²¹⁷. Инверсия в ходе исторического процесса развития культуры перетекает в медиацию. А. С. Ахиезер сравнивает процесс медиации со «сложным сканированием». Данное сравнение показывает, что в ходе медиации поиск вариантов не заканчивается нахождением одного из ранее существовавших в культуре. Происходит поиск некоего промежуточного варианта, отвечающего новым, более сложным условиям. Для медиации, в отличие от инверсии, характерна нацеленность на получение нового результата, отказ от статичности и неизменности, стремление к идеалам будущего, прогрессу. Целью медиации, в отличие от инверсии, является формирование ранее не существовавших в данной культуре альтернатив и увеличение их количества. А.П. Давыдов отмечает, что: «Медиация — это способность субъекта к поиску новых смыслов, которая противостоит инверсии как ориентации субъекта на маятниковое движение в пределах сложившихся смыслов культуры»²¹⁸.

Инверсия позиционирует своим идеалом «старое» и «отжившее», медиация – «новое»²¹⁹. Напряжённость, возникающая между двумя этими полюсами оппозиции, является утверждённой в культуре активной силой воспроизводства нового, подобна пружине, которая развёртывает логические формы мысли и деятельности.

²¹⁷ Кондаков, И.В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) [Текст] / И. В. Кондаков. – М.: Наука, 1994. – С. 60.

²¹⁸ Давыдов, А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад -Россия. Статья первая. Представление о богочеловеке как форма медиации и проблема культуры // *Общественные науки и современность*. № 6, 2000. – С. 82.

²¹⁹ Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) [Текст]: в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – С. 69–70.

Медиация позволяет найти более сложный вариант в условиях взаимопроникновения дуальностей, полюсов. В первую очередь медиация направлена на создание новых смыслов, на получение новых форм культуры, ранее не существовавших. Именно в пространстве локусов медиации происходит самая интенсивная коммуникация между представителями различных культур и, как следствие, обмен информацией, сообщениями, знаками и образами. И именно в этих участках культурного пространства современного города происходит воспроизведение городской культуры, что напрямую связано с характером процессов медиации (постоянно происходящей в локусах медиации), направленной на создание качественно нового опыта. Интенсивный характер коммуникации в локусах медиации и их популярность как одна из значимых характеристик создают большее количество альтернатив, чем в публичном пространстве, не являющемся локусом медиации.

Также необходимо отметить, что в данных сегментах коммуникативного пространства посредством живого либо опосредованного контакта реализуется готовность к сотрудничеству, происходит взаимная идентификация, формируется взаимопонимание, взаимоуважение. Возможен вариант коммуникации неэффективной, при которой противоречия ещё более усугубляются. Происходят процессы антимедиации. Горожанин является одновременно носителем культурного наследия и инициатором коммуникационно-культурных взаимоотношений. Однако коммуникация может быть не только позитивной – привычной, но и негативной – непривычной. Такая коммуникация приводит к дискомфортному состоянию в результате разрыва конструктивной напряжённости личности и сообщества. Дискомфорт происходит вследствие попадания в привычную для индивида культурную среду чужеродных, инокультурных элементов. Для горожанина, попадающего в локус медиации, где реализуется позитивная коммуникация, характерно погружение в состояние синойкизма. Эдвард Сойа понимает под синойкизмом «состояние, которое

складывается в результате совместного проживания в определенном домашнем месте или пространстве»²²⁰.

Состояния комфорта и дискомфорта человека являются полюсами дуальной оппозиции, векторно-направленной к конструктивной напряженности и дающей мощный импульс инверсии. Под инверсией понимается переход от осмысления явления через один полюс к осмыслению через полюс противоположный. Она является формой альтернативного выбора, совершаемого в рамках исторически сложившейся культуры и определённого накопившегося количества альтернатив. Однако для того, чтобы процесс осмысления не останавливался на определённом полюсе оппозиции и отождествлении какого-либо явления с ним, необходима медиация. Внутри процесса медиации не существует запретов на поиск и выбор путей и методов в формировании новых смыслов. Итогом медиации является то, что Н. Бердяев называл средней или серединной культурой – получением нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым, к ее крайним полюсам²²¹. Вся культура конструируется как один из результатов медиации. Серединная культура возникает как следствие ограниченности культуры, которая существовала ранее. Возможность формирования серединной культуры – показатель меры развития медиации и в то же время уровня развития культуры.

В локусах медиации коммуникация может быть как формирующей взаимопонимание и взаимоуважение, так и обостряющей принципиальное несогласие между её участниками. Именно в этих точках происходит конструирование нового типа городского человека, его постепенная трансформация. От массы индивидов зависит общая жизненная стратегия поведения в городском пространстве, поэтому можно сказать, что она так же формируется в локусах медиации.

Пространство локусов медиации неоднородно. Глубина контакта и качество послания зависит от каждого конкретного локуса, от обстановки внутри него,

²²⁰ Сойя, Э.У. Как писать о городе с точки зрения пространства? [Текст] / Э. У. Сойя // Логос. – 2008. – № 3. – С. 130–140.

²²¹ Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 31.

от уровня принятия индивидами друг друга. Это могут быть контакты с конкретными прагматичными целями, а могут быть полноценные взаимодействия индивидов, направленные на репрезентацию своего культурного багажа и обмен ценностями. Очень важен для эффективной коммуникации комфорт каждого её участника, а также наличие некоей общей идеи, которая собирает индивидов в пространстве локусов медиации. Так, коммуникация в художественной галерее будет значительно отличаться от коммуникации на центральной площади в момент городского праздника, хотя оба пространства в той или иной степени можно характеризовать как локусы медиации. К. Линч полагает, что именно встречи горожан, происходящие инкогнито, участвуют в процессе формирования открытого для всех коммуникативного пространства, где появляется чувство причастности к городу, способствующее понижению уровня напряжённости в социуме. Наиболее опасными и некомфортными горожанам кажутся места, неиспользуемые в повседневности или незнакомые²²². Страх перед неизвестным общественным пространством, преступностью приводит людей к желанию ограничиться посещениями только социально гомогенных сообществ²²³. При этом они оказываются внутри замкнутого круга. Сокращение, отсутствие опыта пребывания в общественном пространстве вместе с другими горожанами, посещение только определённых общественных мест усиливает страх перед пребыванием в публичном пространстве. Эта проблема применительно к публичному пространству локуса медиации представляется довольно серьёзной, так как при потере актуальности локус перестаёт быть реальным фактором культурного пространства города и выполнять свои основные функции. Жан Бодрийар, описывая последствия перенасыщения современного общества информацией, высказывает мысль о незащитности пространств взаимодействия индивидов в городе: «...в атмосфере всеобщей коммуникации, пресыщенности информацией, прозрачности бытия и промискуитета защитные

²²² Lynch, K. *The Image of the City*. Cambridge [Text] / K. Lynch. – Massachusetts: MIT Press, Harvard University Press. 1960. – 252 p.

²²³ Low, Setha M. *The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear* [Text] / M. Setha Low // *American Anthropologist, New Series*. – 2001. – № 103. – P. 45–58.

силы человека оказываются под угрозой. Символическое пространство уже более ничем не защищено. Ничем не защищено интеллектуальное пространство собственного мнения. Когда техника делает доступным все, что угодно, я уже не могу решить, что полезно, а что бесполезно; пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет»²²⁴.

Локус медиации в современном городе может возникнуть стихийно, а может быть сформирован сознательно. Примером сознательно сформированного локуса медиации может являться больничный комплекс с парком или зал ожидания на вокзале, а примером стихийно сформированного – митинг на центральной площади. Однако и в первом, и во втором случае происходит создание альтернативных культурных форм, выступающих способом восстановления личностной и социальной идентичности, самовоспроизведения культурного пространства современного города. В локусах медиации, где создаются новые артефакты культуры, формируются личностное мировоззрение, моральные нормы, очень важным является сохранение баланса между участниками коммуникации и поиском компромиссного решения.

В пространстве локусов медиации происходит живой контакт, соединение интересов людей кардинально различных, реализуется связь посредством их готовности к сотрудничеству и обоюдному следованию определённым правилам поведения. Данные правила определяются набором кодов, которые обеспечивают взаимопонимание и помогают снизить риск ошибки при обмене информацией. Ошибки могут возникнуть в результате проблем или «шума». Под шумом понимается «...возникающая в канале связи помеха, способная исказить физические характеристики сигнала»²²⁵. Например, шумом при коммуникации могут являться броская одежда представителя популярной субкультуры или татуировки, которые в нашей стране ассоциируются с причастностью

²²⁴ Бодрийар, Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийар // Философско-литературный журнал: Логос. – 1997. – № 9. – С. 107–116. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

²²⁵ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 432.

к криминальной среде. Такие «помехи связи» могут привести к разрушению сложившихся коммуникационных потоков локуса медиации, что, в свою очередь, приведёт к выключению конкретного локуса из публичного пространства города. В пространстве локусов медиации, где происходит постоянное появление новой информации, создаются возможности для обмена ею, и где существует огромное разнообразие выбора, необходимо нечто, упорядочивающее информационные потоки. Именно для этого существуют коды, которые при коммуникации помогают преодолеть шум и получить сообщение. Код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации. Объясняя понятие «код» в книге «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» У.Эко пишет: «Иными словами, благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым»²²⁶. Бесконечное количество сочетаний кодов, возникающих в результате соприкосновения индивидов и являющихся, по сути, источником информации об окружающей реальности, попадая под влияние динамичной социальной системы города, становятся новой системой внутри культурного пространства современного города – локусом медиации.

Стоит отметить, что в локусе медиации мы можем наблюдать явление, отмеченное Мишелем Фуко, а именно: «Два человека могут одновременно сказать одно и то же, но, поскольку их двое, будет два разных акта высказывания»²²⁷. То есть каждый человек воспринимается другими через призму не только вербальной коммуникации, но, в первую очередь, коммуникации невербальной, а также своего внешнего облика и стереотипов, которые бытуют в обществе по отношению к его социальной или религиозной группе, например. А так как общение в пространстве локусов медиации не предполагает длительности, и его участники не могут узнать каждого индивида

²²⁶ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 432.

²²⁷ Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – С. 448.

как личность, то происходит автоматическая стигматизация некоторых членов социума и отказ от взаимообмена с ними.

В ходе рассмотрения коммуникационных процессов, происходящих в локусах медиации, обратимся также к визуальной коммуникации. Визуальный язык является для культуры современного города важным, так как именно посредством внешних визуальных проявлений мы можем узнать и понять отдельные проявления культуры того или иного города. Ричард Сеннет упоминает о качественных изменениях публичной культуры, постепенно трансформирующейся из вербальной в визуальную. Но изменение формы и наполнения оставляет неизменным основные функции публичных пространств. Публичное пространство остаётся площадкой не просто «смотрения», но и столкновения с другими горожанами. Сами локусы медиации посредством визуального языка передают наиболее актуальные моменты культуры того или иного города. Это является одним из самых ярких отличий локуса медиации от любого другого публичного пространства. Локус медиации подобно зеркалу отражает культурные ценности, особенности, тенденции той местности, где он находится. Мы можем сравнить два городских парка, находящихся в центре города. И тот, который окажется наиболее современным, работающим как транслятор культурно-исторического наследия, притягивающим людей разных возрастов и, что также важно, не только горожан, но и гостей города, и будет локусом медиации.

По той же схеме можно рассматривать площади, рынки, торговые центры. Вокзал также может быть локусом медиации, если он не только выполняет функцию «перевалочного пункта», но и привлекает жителей как пространство, где можно встретиться для неформальной беседы, посидеть на площади перед зданием, где, например, оборудованы рекреационные зоны. С момента появления железных дорог вокзалы являлись местами притяжения горожан, там обменивались новостями, оценивали друг друга, там организовывались концерты (знаменитые курзалы). Курзал города Кисловодска находится рядом с городским

вокзалом: «Курзал (т. е. курортный зал, использовавшийся для увеселения и развлечения публики) считался центром театральной и музыкальной жизни. По задумке правления ВЖД, каждый приезжавший в Кисловодск, спустившись с вокзала в город, оказывался перед величественным и бесподобным зданием Курзала. Парадный фасад с двумя строгими башнями, увенчанными чешуйчатými, белоснежными куполами, производил неизгладимое впечатление на людей»²²⁸. Курзал был посещаем и популярен среди отдыхающих, так что Ф. И. Шаляпин: «...явно придавал значение критическим откликам на выступления в Курзале и даже посчитал их достойными того, чтобы ознакомить с ними «музыкального критика всея Руси», коим и явился в ту пору Стасов»²²⁹.

Многие современные вокзалы и аэропорты уже не просто места, где можно дождаться своего поезда или самолёта. Безусловно, это транспортные узлы, обладающие высокой проходимостью, но также это и пространства, в которых можно провести большое количество времени, при этом пребывая в комфорте, узнать что-то новое и даже жить. Так называемые хабы²³⁰ занимают значительные территории, на которых помимо технических сооружений, взлётно-посадочных полос и залов ожидания существуют развитые сети инфраструктуры и даже жилые комплексы. Так, например Терминал 3 Пекинского аэропорта представляет собой «крупнейшее на настоящий момент здание мире (около 1,3 млн кв.м), состоящее из четырёх частей, протянувшихся по одной оси: трёх корпусов собственно терминала и примыкающего к ним Центра наземного транспорта»²³¹. Такой город в городе обладает «...пропускной способностью 50 млн. пассажиров в год...»²³². Хабы пространства – не только комфортные, дающие возможность реализовать свои потребности, чувствовать себя в безопасности, но также

²²⁸Культура.РФ. Кисловодский курзал [Электронный ресурс].URL: <https://www.culture.ru/institutes/2352/kislovodskii-kurzal> (дата обращения: 08.11.2018).

²²⁹ Мещерякова, Н.А. Ф. И. Шаляпин. Забытые страницы творческой биографии: «...для сцены Кавказом рождён» // Южно-Российский музыкальный альманах. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-i-shalyapin-zabytye-stranitsy-tvorcheskoy-biografii-dlya-stseny-kavkazom-rozhdyon> (дата обращения: 11.10.2018).

²³⁰ Википедия. Узловой аэропорт. [Электронный ресурс].URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Узловой_аэропорт (дата обращения: 11.10.2018).

²³¹ Броницкая, А. Меняющийся Пекин [Текст] / А.Броницкая // ПРОЕКТiINTERNATIONAL. – 2009. – № 21. – С. 38.

²³² Броницкая, А. Меняющийся Пекин [Текст] / А. Броницкая // ПРОЕКТiINTERNATIONAL. – 2009. – № 21. – С. 38.

пространства, транслирующие культурно-историческое наследие той страны, в которой находятся. Вот как описывают путешественники аэропорт Схипхол в Амстердаме: «Здесь много отлично оформленных магазинов (без обычной для аэропортов некой обезличенности торговых точек), ресторанов и кафе, ярких и красивых голландских сувениров, которые поднимают настроение, а также множество других вариантов, чем заняться в ожидании рейса. Например, можно зайти в бесплатный музей, филиал Государственного музея Амстердама Rijksmuseum, где есть постоянная экспозиция из картин золотого фонда нидерландской живописи, а также где проходят временные выставки»²³³. Вышеописанный же Терминал 3 Пекинского международного аэропорта отличается тем, что его архитектурному решению присуще использование «...традиционных китайских цветов и ненавязчиво – биоморфных форм (здание сравнивают с летящим драконом)...»²³⁴. Также, как и современные вокзалы, хабы являются локусами медиации, соединяющими в своём пространстве различные культуры, этничности, традиции, возраста и социальные группы.

На современных вокзалах сегодня стало модным делать фото для приложения Instagram. Если мы зайдём в это приложение, то сможем по хештегам найти наиболее популярные публичные пространства города – локусы медиации. Это будут те пространства, где жители делают наибольшее количество фотографий и выкладывают их на свои личные страницы. Но есть и обратный процесс: публичное пространство перестаёт играть роль локуса медиации и выполнять свои функции, когда оно перестаёт быть актуальным, отвечающим современным культурным тенденциям, перестаёт привлекать горожан и, как следствие, выключается из жизни культурного пространства города.

На создание стереотипов, связанных с визуальным аспектом коммуникации, влияет её относительная многозначность и долговременность. Как пишет М.Спиллейн: «Будете ли вы доверять судье, который одет в оранжевую мантию,

²³³ Трудности.net. Ваше путешествие по Европе в вопросах и ответах. Хабы Европы: аэропорты Баракс, Схипхол, Хитроу. [Электронный ресурс]. URL: <https://trudnosti.net/articles/78> (Дата обращения: 11.10.2018).

²³⁴ Броницкая, А. Меняющийся Пекин [Текст] / А.Броницкая // ПРОЕКТiINTERNATIONAL. – 2009. – № 21. – С. 38.

или же женщине-полицейскому, которая одета в розовую униформу? Конечно, нет. Мы привыкли воспринимать определенные цвета и образы, как производящие впечатление власти и авторитета, тогда как другие приводят к обратному результату»²³⁵. Вышеупомянутая стереотипизация и, в некоторых случаях, стигматизация возникают при отсутствии медиации, которую в этом случае можно сравнить с процессом монтажа при производстве художественного фильма, который характеризуется как «соположение в предельно близком пространстве-времени двух отличающихся друг от друга по денотатам или структуре изображений»²³⁶. Процесс монтажа так же, как и процессы коммуникации, происходящие при участии медиативного компонента, позволяет оказаться рядом двум или нескольким индивидам, наполненным личными сомнениями, страхами и стереотипами для того, чтобы совершить взаимообмен и получить вдохновение для личного жизнетворчества и построения культурного пространства современного города, создать в этом диалоге нечто новое. Так как локус медиации – пространство, создаваемое деятельностью, осуществляемой сознательно, порождающее своей деятельностью смыслы, то можно сказать, что все коммуниканты служат здесь не просто для создания нового, но и для выражения основных тенденций культуры общества. Т.е. эффективность коммуникации, вербальной и невербальной, в пространстве локуса медиации обеспечивается постоянно происходящими процессами медиации.

Для понимания механизмов работы локусов медиации обратимся к эоантропоцентрической парадигме, введенной Т. М. Дридзе. В основе данной парадигмы лежит идея о том, что: «...социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно, происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания»²³⁷. Автор в изучении социальных процессов предлагает уйти от изучения социальных групп, классов и обратиться к такой единице, как

²³⁵ Спиллейн, М. Создайте свой имидж. Руководство для женщин [Текст] / М. Спиллейн. – М.: Олма-Пресс, 1996. – С. 149.

²³⁶ См.: Иванов, В. В. Дионис и прадионисийство [Текст] / В. В. Иванов. – СПб.: Алетейя, 1994. – 350 с.

²³⁷ Дридзе, Т. М. Эоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 21–22.

человек. А именно к «человеку живущему»²³⁸. Именно в этом качестве человек раскрывается в полной мере и может чувствовать себя живым: «...жив, пока контактирует со средой обитания, которая по многим причинам непрерывно меняется»²³⁹.

Во взаимодействии человека и среды его обитания (социальной, культурной, природной) лежат не только результаты процессов, но также цели и намерения. Для гармоничного существования в среде, автор приводит пример среды природной, ему необходимо наличие: «... определённой "зоны безопасности" или некоего "демпфера", способного гасить опасные как для человека, так и для окружающей его среды колебательные перепады»²⁴⁰. Вместе с тем, для того, чтобы понимать мотивы и цели поведения людей с целью их объединения необходимо наличие: «неявного "медиатора" - динамического антропокультурного образования, интегрирующего так называемые "объективные" свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личностью. Эти образования изменчивы. В каждый данный момент они обладают своей специфической структурой и конфигурацией, придающей образу жизни людей характер направленного и непрерывного процесса, в рамках которого воспроизведение уже известных (кодифицированных в данной культуре) образцов выхода из проблемных состояний перемежается с рождением новых, доселе неизвестных способов решения жизненно важных проблем»²⁴¹. Так автор трактует понятие «ситуация». Содержание ситуации меняется в зависимости от характера и масштаба происходящих процессов.

Рассматривая взаимодействие человека и среды, в нашем случае – культурного пространства современного города с точки зрения экоантропоцентрической парадигмы, мы можем сделать вывод о том, что он тесно

²³⁸ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 22.

²³⁹ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 22.

²⁴⁰ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 24.

²⁴¹ Дридзе, Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 24.

связан с этой средой, и именно в ней находятся его мотивы, побуждения, цели из которых в дальнейшем будет строиться его жизненная траектория. Тогда в качестве «зоны безопасности», вводимой Т. М. Дридзе для конструктивного взаимодействия человека и среды, в культурной пространстве современного города, по нашему мнению, выступают локусы медиации. Они служат средством охранения как горожанина, так и культурного пространства города от резких перепадов и колебаний поляризации, позволяя выработать некий общий, приемлемый для всех сторон вариант. При этом в них происходят процессы медиации, при которых возникают новые элементы культуры. Однако существует некоторое различие. Так, в локусах медиации формируется только новое, тогда как в «зонах безопасности» продуцируются и ранее существовавшие альтернативы.

Исследование пространств коммуникации города предпринимались на протяжении всего XX века. Одним из примеров подобного исследования стала статья «Гетто» Л. Вирта. Вот что пишет Р. Парк о нём: «The Ghetto (Гетто), в свою очередь, – это исследование еврейского квартала, но в то же время это и история развития своего рода института еврейской жизни, который появился и расцвел в Средние века и сохранился в некотором виде и по сей день. А сохраниться ему удалось, потому что он выполнял определенную социальную функцию, позволяющую двум не ассимилированным народам жить вместе, участвовать в одной экономике, сохраняя при этом свою расовую и культурную целостность»²⁴². Автор определяет гетто как любые замкнутые малые сообщества внутри городов, понимаемых как большие сообщества. Эти сообщества могут быть образованы по этническому, конфессиональному, религиозному и другим признакам. Гетто представлено как одна из разновидностей существования меньшинств на определённой территории, оно является единственным возможным вариантом, так как по ряду причин невозможна их ассимиляция в принимающее сообщество. Социальная функция, которая активно работает

²⁴² Парк, Р. Город как социальная лаборатория [Текст] / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – № 3. – С. 7.

в гетто, о которой упоминал Роберт Парк – это медиация, которая позволяла горожанам, представлявшим различные этнические группы, вступать в коммуникацию с целью поиска новых вариантов сосуществования и эффективного ведения хозяйства.

Справедливой, по нашему мнению, является мысль о том, что вся история общественных пространств, создававшихся в процессах городского планирования, появившихся стихийно в процессе существования города – это история поиска наиболее удобных рычагов для управления коммуникацией между индивидами-горожанами, попытки найти оптимальный способ выстраивания пространства регуляции диалога между незнакомыми людьми. Можно привести в данном случае в пример рынок – одно из старейших и важнейших городских общественных пространств. Слухи и новости, привнесённые в его пространство, безусловно, влияли на характер коммуникации между жителями города, создавали то или иное настроение в обществе и выходили за рамки рынка, влияя на динамику культуры города в целом.

Характер динамики функционирования и развития локусов медиации (пешеходных улиц, площадей, парков, рынков, центров культуры и досуга, свободных пространств) в культуре современного города может интерпретироваться также с точки зрения их воздействия на культуру потребления. Динамично развивающийся и активно функционирующий локус медиации, который является одним из центров культурного пространства города и точкой притяжения горожан, неизбежно интересует инвесторов. Самые дорогие торговые площади, одновременно наиболее перспективные в плане получения прибыли, находятся в центре города. Магазины и кафе, находящиеся на центральных пешеходных улицах города, привлекают не только горожан, но и гостей города, частично выполняя функцию медиаторов. Некоторые из них могут стать частью культуры города и его истории, попав на фотографии, сувенирную продукцию и воспоминания туристов: «Тем более, что пространство, как продукт, служит инструментом, как мысли, так и действия, что оно, будучи

средством производства, является одновременно средством контроля, а значит, господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует. Социальные и политические (государственные) силы, которые его породили, стремятся подчинить его себе, но это им не удается; те же, кто подталкивает пространственную реальность к своего рода автономии, не поддающейся господству, пытаются ее исчерпать, зафиксировать, чтобы поработить»²⁴³.

Культура города при определённых условиях может деградировать, «сворачиваться». В работах «Социальная жизнь небольших городских пространств» и «Город: заново открывая центр» Уильям Х. Уайт, описывая упадок культуры города, приходит к мнению, что причиной этого является появление в жизни горожан многочисленных посредников, которые являются препятствием для контактов между людьми²⁴⁴. Город при этом теряет функцию места, где встречаются незнакомцы. Особенно наглядно это проявляется в публичных пространствах. Причиной деградации публичных пространств могут выступать неграмотно спроектированные объекты инфраструктуры, которые разрушают жизнь улицы и публичного пространства. Для локусов медиации также важен аспект их архитектурно-планировочной организации пространства. Чем более приспособлено публичное пространство для контактов между людьми, тем выше вероятность, что оно будет выполнять функции локуса медиации. Обратимся к концепту «соучаствующего проектирования» как одному из способов создания городской среды, и, в частности, публичных пространств, способствующих коммуникации между индивидами-горожанами. Его автор – профессор Генри Санофф в интервью журналу «Бизнес и Власть» говорит о необходимости «...предоставить людям право голоса в проектировании и принятии решений для того, чтобы совершенствовать планы, решения, предоставляемые услуги – кто как не местные жители знают проблемы своей территории «изнутри». Наконец, важно развивать в людях чувство общности,

²⁴³ H. Lefebvre. La production de l. espace // P. – 2000. – P. 35–40.

²⁴⁴ См.: Whyte W.H. City: Rediscovering the Center. New York: Doubleday, 1988. – P.3.

объединяя их вокруг достижения общих целей»²⁴⁵. Главной задачей такого типа проектирования, по мнению СанOFFа, является привлечение «...людей к процессу принятия проектных решений и, в итоге – повышение их доверия к другим сторонам – участникам процесса (в первую очередь к представителям городских властей и предпринимателям)»²⁴⁶. Соучастное проектирование, по нашему мнению, – один из видов медиации в культурном пространстве города. Горожане, участвующие в процессах проектирования какого-либо публичного пространства, перестают чувствовать себя пассивными потребителями навязанных культурных смыслов и форм, становясь их производителями. Так они своей коммуникацией запускают процессы медиации, которые отражаются на культурном пространстве города.

Свободный, хорошо спланированный и безопасный для людей локус медиации может стать одним из тех мест, побывав в которых индивид-горожанин получает знания о жизни в городе и обменивается ими с другими: «Больше всего людей привлекают другие люди. Но многие городские пространства спроектированы так, будто дело обстоит с точностью наоборот»²⁴⁷. Данное суждение также находит своё подтверждение в работах ряда теоретиков современного этапа развития городов, таких как Г. Зиммель, Л. Мамфорд, А. Лефевр, Д. Джекобс. На тесную связь между благоустроенностью общественных пространств города, их пригодностью для коммуникации между индивидами и состоянием культуры города указывали такие учёные, как Ш. Зукин, Р. Сеннетт, Р. Ольденбург. К числу таких знаний можно отнести осознание необходимости толерантно относиться к представителям иных культурных традиций и вероисповеданий, понимание, приобщение к городу и его культуре, уважение к истории и традициям города и, наконец, – интерес к городу, стремление внести свой вклад в благоустройство городского пространства.

²⁴⁵ Технология счастья. Бизнес и власть. [Электронный ресурс]. URL: <http://volbusiness.ru/tehnologiya-schastyia.html>. (дата общения: 17.11.2017.).

²⁴⁶ Технология счастья. Бизнес и власть. [Электронный ресурс]. URL: <http://volbusiness.ru/tehnologiya-schastyia.html>. (дата общения: 17.11.2017.).

²⁴⁷ Coleman, E. From Public Management to Open Governance: A New Future or the More Things Stay the Same [Text] / E. Coleman. – Coventry: University of Warwick. – 2011. – April. – P. 24.

По мнению С. Карра, «в хорошо продуманном и хорошо управляемом публичном пространстве броню повседневной жизни можно частично удалить, что позволило нам увидеть других как целых людей. Увидеть людей, отличных от того, чтобы они отвечали на одну и ту же настройку аналогичным образом, создает временную связь»²⁴⁸. Локусы медиации как хорошо продуманные и хорошо управляемые процессами медиации пространства позволяют горожанам друг друга не как функции, но как отдельных личностей. Их коммуникация уже не будет формальным обменом, но подлинным диалогом, который трансформирует их, а также окружающее пространство города.

В данном параграфе вводится понятие «локус медиации», даётся его определение, обосновывается идея о том, что в пространстве локусов медиации происходят процессы актуальной связи между горожанами и культурным пространством города. Локус медиации является самостоятельным актором культурного пространства города, коммуницируя как с ним, так и напрямую с горожанами.

Локусы медиации могут выступать медиаторами в современных городских коммуникационных процессах. Одним из важных критериев в определении понятия локус медиации является его динамика и гетерогенность. Это позволяет локусам медиации находиться в постоянном процессе изменения и развития. Публичное пространство, не отражающее актуальных процессов, происходящих в культурном пространстве города, не является локусом медиации.

Публичное пространство данного типа может существовать и выполнять свои функции только в том случае, когда оно выступает в качестве точки притяжения горожан и наполнено взаимодействиями различного характера. Это является необходимым условием по причине того, что «локус медиации» является отражением актуальных процессов в культурном пространстве города, и именно этим он притягателен для горожан.

²⁴⁸ Carr, S. Public Space [Text] / S. Carr. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 344.

Влияние жителей города на тот или иной локус может быть как непосредственным, так и опосредованным. Коммуникация горожан в пространстве локусов медиации трансформирует их и одновременно изменяет среду конкретного локуса. Взаимодействие в локусах медиации имеет двусторонний характер.

Динамика, неоднородность пространства, высокий уровень коммуникации при постоянно происходящих процессах медиации, позволяющих выбрать оптимальный для всех сторон вариант, – те составляющие, которые позволяют создать благоприятную почву для формирования новых элементов и смыслов, отражающихся в культурном пространстве города и прямо влияющих на него.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что именно в локусах медиации происходят процессы конструирования культурного пространства города. Напряжённость, возникающую при постоянно происходящих, за счёт интенсивной коммуникации, процессах конструирования культурного пространства города, позволяет преодолеть посредством модерирования коммуникации и создания срединной культуры, приемлемой для всех граждан, медиация. Модерация, происходящая при медиации, разворачивается по определённым законам, базирующимся на культурном опыте горожан, историко-культурном наследии города, а также моральным и правовым нормам, принятым в данном социуме.

Поэтому при взаимодействии в локусах медиации удаётся учесть стремления и опыт большинства горожан и при этом не занимать позицию потребителей городской культуры, остающихся в стороне от созидания культурного пространства.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛОКУСОВ МЕДИАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ

2.1 Генезис и развитие локусов медиации в истории культуры

Города не первое столетие привлекают внимание исследователей. Их описывали в своих произведениях и философских трактатах Аристотель, Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла. Возникшие на заре человеческой цивилизации, они явились создателями особой – городской – культуры, которая отличалась от культуры сельской.

Первые города появились около 3500 лет назад до нашей эры в долинах Нила в Египте, Тигра и Евфрата на территории нынешнего Ирака, Инда в современном Пакистане²⁴⁹. Города стали носителями культуры и трансляторами её ценностей. С момента появления городов в их гетерогенном пространстве появились публичные пространства, которые стали зонами, где создавалась и откуда распространялась городская культура. Эти публичные пространства с интенсивным характером коммуникации – локусы медиации – возникли как места обуславливания и принятия политических решений, решений судьбоносных, само пребывание в которых означало возможность принадлежать к городскому сообществу.

Одним из условий существования локусов медиации является их способность изменяться и подстраиваться под современные им социальные и культурные реалии. «Локусы медиации» различны по своим функциям и занимаемой территории. Неизменно только одно – они являются точками притяжения горожан. Эти пространства одними из первых реагируют на качественные изменения городской среды. И по этим изменениям мы можем отслеживать тренды, возникающие в культуре города.

Для понимания медиативных функций локусов медиации, по нашему мнению, необходимо проанализировать их исторические трансформации

²⁴⁹ См.: Гидденс, Э. «Социология». – М.: Эдиториал УРСС, 1999 – С. 397.

и определить, какое значение они имели для индивидов-горожан разных исторических эпох. В ходе рассмотрения этой проблемы мы увидим, как развивались локусы медиации, переходя из одной формы существования в другую. Каким образом использовали их горожане. Также мы выявим те функции публичных пространств, которые, не меняясь из века в век, были присущи локусам медиации. В качестве примеров для рассмотрения рассмотрим древнейшие локусы медиации, а именно площадь, храм и рынок.

Времена рабовладельческого строя были ознаменованы появлением городов-полисов, которые создавались, прежде всего, для защиты. По мнению М. К. Петрова: «Город – государство как основная социальная структура не может возникнуть непосредственно из олимпийского социального ритуала, поскольку полис стоит на идее политического равноправия граждан, которая выглядит дикой и необъяснимой в пределах олимпийского ритуала. Возникновение полиса предполагает уже в наличии экономическую и военную автономию личностей, а также некоторый навык активного использования правовых отношений. Поэтому полис не может считаться исходным моментом развития античности и должен рассматриваться вторым, производным этапом развития, как продукт интеграции свободных и правомочных личностей»²⁵⁰. В городах-полисах наибольшая значимость придавалась агоре: «Те, что могли ходить на агору, делали это истово. Народ наполнял ее с самого утра; чтобы сказать «в разгар» или «в конце утра» греки употребляли выражения, связанные с агорой: «в час, когда агора полна» (т.е. где-то между десятью часами и полуднем), и т.п. На агору отправлялись по самым разным причинам: на Собрание или в суд, вести тяжбу, за покупками, отдохнуть в тени портиков. Кроме того, там удобнее всего было узнать последние новости – либо на самой площади, либо в лавчонках вокруг»²⁵¹. Такая площадь являлась местом встречи жителей города. Что показательно, историки так описывают планировочную

²⁵⁰ Петров, М. К. Античная культура / М. К. Петров. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 79.

²⁵¹ Куле, К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия. М. : Новое лит. обозрение, 2004. – С. 51.

структуру древнегреческого города: «Кроме храма Зевса в святилище было ещё несколько храмов, построенных в эпоху эллинизма и ранее. Здесь же располагался алтарь Зевса, на котором во время Олимпийских игр поддерживали яркий огонь. Против храма Зевса и алтаря находился многоколонный портик – стоа «Эхо», неоднократно обновлявшийся и перестраивавшийся. Окружённое этими зданиями пространство было прообразом будущих городских площадей – агор»²⁵².

Первоначально агора – место встречи воинов для обсуждения предстоящих походов. Позже, в Афинах, агора, также располагавшаяся в центре города, была рынком, который также был местом социальной и политической жизни города. В пространстве агоры проходили судебные разбирательства, богослужения, городские торжества, там можно было получить актуальные новости и обсудить их. На площадь могли приходить горожане – представители разных слоёв населения. На афинской агоре социальные различия не имели значения. Рабам и женщинам там разрешалось коммуницировать наравне со свободными гражданами. Агора выступала как точка притяжения горожан различных социальных групп и этносов, место, где протекала интенсивная коммуникация. Так, мы можем заключить, что греческая агора – локус медиации.

Вслед за греческой агорой вспомним также римский форум, который представлял собой площадь административного назначения, где решались политические и социальные дела города, а также проходили празднества. Форумы строились во всех городах римской империи, и именно античные форум и агора стали отправной точкой для византийской системы работы с городским пространством.

Принципы, которые византийские градостроители использовали при проектировании публичных пространств, основывались на представлениях, сформированных в Древней Греции и Древнем Риме. Столица Византии Константинополь, основанная в 330 году нашей эры, вобрал в себя лучшие

²⁵² Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов [Текст] / Саваренская Т.Ф. – М.: Стройиздат, 1984. – С.376.

градостроительные достижения и находки Древней Греции и Рима. В столице были пешеходные улицы, например, Золотая улица, которая проходила через весь город и являлась его центральным локусом медиации, где с приезжими пересекались горожане из разных частей города и вступали в непосредственное или опосредованное взаимодействие. Улица объединяла в своём протяжении несколько форумов, которые были созданы в римских традициях. В подобных традициях были построены публичные пространства ещё нескольких византийских городов с прямыми улицами и площадями правильной формы, оформленные как публичные пространства. Площади Византии, образывавшие цельные системы с ландшафтным дизайном, были доступны для посещения всем категориям населения и направлены на то, чтобы горожане проводили на них как можно больше времени, что было связано с демократизацией общества. В этот период локусы медиации постепенно становятся многофункциональными, но при этом за счёт скопления большого количества горожан менее комфортными.

VI – VII века нашей эры дали новые тенденции в градостроительстве. Развитие сельского хозяйства, являющееся следствием феодализма, привело к увеличению количества сельского населения. Городское население в этот период сокращается в связи с переселением горожан на свободные территории с целью занятия земледелием.

Публичные пространства большинства европейских городов пустели: «Планировка городов утратила прежнюю регулярность. Опустевшие агоры и форумы стали застраиваться, улицы сузились и искривились. Античный рационалистический принцип создания искусственной гармонической городской среды был отвергнут»²⁵³. В период раннего Средневековья города, как и их публичные пространства, на какое-то время утратили свою функцию сохранения и трансляции культуры, и в ситуации теоцентризма она перешла к монастырям. Мы могли бы указать, что значение локуса медиации перешло, например, от площади к монастырю, но, однако, для монастырей не было

²⁵³ Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов [Текст] / Саваренская Т. Ф. – М.: Стройиздат, 1984. – С. 376.

приемлемо наличие общедоступных публичных пространств. «Локусы медиации» как пространства трансляции актуальной культуры достигают наибольшего расцвета в активно развивающихся культурах, которые провоцируют активный взаимообмен культурными ценностями, динамичное развитие культурного пространства городов, ценности свободного общества и культуры участия. В ситуации, когда в обществе существует одна господствующая доктрина, большая часть «локусов медиации» теряет своё значение, а их функции отходят к пространствам, призванным служить основной государственной доктрине. Городское население сокращалось, а большинство людей, оставшихся в городах, не знали грамоты. Образование получали служители Церкви и монахи, которые частично выполняли, взаимодействуя с пространством соборов и монастырских библиотек, назначение медиаторов между населением, культурным пространством городов и актуальной культурой.

Раннее Средневековье было периодом, когда общественная активность и многочисленные направления общественной жизни, существовавшие в период Античности, исчезли. Одновременно с ними исчезла культура собрания, а потребности в консолидации в рамках единой религиозной концессии обеспечивал храм. Это привело к тому, что снизилась необходимость в локусах медиации отобранные публичные пространства площади стали более замкнутыми, уменьшился их размер. Был утерян значительный пласт культурного наследия античного периода, и пока новая культура зарождалась за стенами храма или монастыря, горожанам оставалось довольствоваться такими локусами медиации как храм и рынок, которые частично замещали по своему назначению площадь.

X-XII век приносит в Европу активное градостроительство²⁵⁴. Т. Ф. Саваренская описывает город Наумбург, основанный в X веке неподалёку от замка местного феодала. Город, изначально создававшийся как епископский, потерял эту свою специфику и стал торгово-ремесленным. Центральным

²⁵⁴ См.: Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. – М.: Стройиздат, 1984 [Текст] / Саваренская Т. Ф. – С. 157.

публичным пространством города стала площадь, из которой выходило несколько центральных улиц. По мнению автора, формирование площади в городе того периода было довольно прогрессивно.

Подобную планировку имело большинство городов периода Средневековья, построенных в IX – XII веках нашей эры. Особенное отражение данная планировочная доктрина нашла в городах Западной и Центральной Европы. В ландшафт города внедряются храм и ратуша.

Центральная площадь, на которой располагался храм и рынок, была тем пространством, где проходили торговля и праздники, осуществлялась коммуникация, а также публичные судебные процессы и казни. Площади могли быть нескольких типов. Первый тип – рыночная площадь – формировалась вне городских стен, что способствовало торговле. Площади же, на которых происходили праздники и увеселения, а также реализовывалось судопроизводство, образовывались вокруг ратуши или собора: «...жители средневековых городов не могли смириться с тем, что зря пропадает столько драгоценного пространства...»²⁵⁵. Одним из самых известных нам, и долгожданных для средневековых горожан увеселением, происходившим на площади, являлся карнавал. Хотелось бы отметить карнавалы в городах средневековой Германии, славившиеся на всю Европу. Карнавалы немецких земель имели значительную историю: «...корни дерзкого, опьяняющего рейнского карнавала гораздо глубже – в языческих обычаях франков, германских племён, населявших эту землю с конца IV в.»²⁵⁶. В карнавале принимали участие все жители города: «По сей день говорят, что кельнец скорей заложит свою кровать в ломбарде, чем откажется участвовать в карнавале»²⁵⁷. Участие в карнавале было почётным, и полагалось возможностью получить «свободу», насладиться жизнью и приобщением к жизни города, общением с горожанами, которое бы вряд ли

²⁵⁵ Глазычев В. Л. Урбанистика [Текст] / Глазычев В. Л. – М.: Европа, 2008. – С. 6.

²⁵⁶ Колязин, В. Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья / В. Ф. Колязин: Гос. ин-т. искусствознания Мин-ва культуры РФ. – М.: Наука, 2002. – С. 95.

²⁵⁷ Колязин, В.Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья / В. Ф. Колязин: Гос. ин-т. искусствознания Мин-ва культуры РФ. – М.: Наука, 2002. – С.102.

сложилось в обыденной ситуации. Вот как описывается карнавал: «...наступало безумное оживление на всех улицах, во всех домах, продолжавшееся три дня. Приостанавливалась торговля всякого рода, время принадлежало только одной безумной страсти. Одиночки и небольшие процессии в масках появлялись у знакомых, чтобы вместе предаться шутовским забавам, или выходили на улицы и разыгрывали весёлые сценки в том или ином доме, в кабаке или постоялом дворе, открытых днём и ночью, или просто на улицах, переполненных радостными или ликующими горожанами...»²⁵⁸. Особую роль в мистерии карнавала играла площадь – там начиналось действие, туда собирались горожане – участники карнавала, и именно там происходило его завершение : «По установленному маршруту (названному в подражание итальянцам, корсо) от Старого рынка к Высокой улице, через Сенной рынок, Мальцмюле, Мюленбах, Высокие врата – двигалась процессия: подмастерья, всевозможные клики, студенты...»²⁵⁹. Так, площадь в средневековых европейских городах, а затем и городах Нового времени являлась местом консолидации горожан, местом, где они собирались для последующего объединения и совместного действия. На площади во время таких массовых мероприятий как карнавалы все были равны, могли беспрепятственно коммуницировать. Это давало возможность расширить границы своего культурного опыта, приобщиться к городским традициям, культурному наследию, и, получив новый опыт направить его на развитие культурного пространства города.

Вот что пишет в своих записках стольник П.А. Толстой в конце 17го века, по приказу Петра I отправленный в Европу и проживавший в Венеции относительно площади Сан-Марко, указывая на её функции как места казни: «На той же площади блиско ворот княжескаго двора поставлены каменные два столпа невысокие, на которых столпах казнят самих пренцепов венецких, то есть князей, которой, будучи князем, учнет чинить противно их древнему во всем

²⁵⁸ Klersch, J. Die Kolnische Fastnacht // Melchert, B., Klerch, J. Ajuja – jetzt geht los! Karneval in Koln – humorvoll und historisch betrachtet. Eine Eniführung fur Anfanger und Liebhaber. Koln, 1988. – S. 53.

²⁵⁹ Fuchs, P., Schwerin, M.L., Zoller, K. Kolner Karneval. Siene Geschichte, siene Eigenart, siene Akteure. Koln, 1972. – S. 22.

положению.»²⁶⁰; пространства торговли: «...мясом, и рыбою, и всякими живностями, и фруктами.»²⁶¹; места чтения проповедей: «..приходят законники из монастырей и сказывают казание на кафедре...»²⁶²; излюбленного места для общения и прогулок венецианцев: «На той же площади по вся дни поутру и ввечеру сходятся венециане, шляхта и чесные люди и ходят по той площади, гуляют и о всяких делех друг з другом говорят.»²⁶³.

На городских площадях происходили, как было описано выше, казни. Действо казни, как и карнавалы, являлось в своей сути способом объединения горожан, возможностью сбросить напряжение, пообщаться, а также увидеть, как на практике реализуется объединяющий горожан закон – в этом случае публичные казни на центральных площадях выступали способом приобщить горожан к традиции и норме права. Вот что пишет Мишель Фуко о публичных казнях на городских площадях: «Людей созывают как зрителей: они собираются, чтобы наблюдать публичное выставление и покаяние; позорные столбы, виселицы и эшафоты воздвигаются на людных площадях или на обочинах дорог; иногда трупы казненных по нескольку дней демонстрируются близ мест совершения преступлений. Люди должны не только знать, но и видеть собственными глазами. Ведь надо заставить их бояться. Но они должны быть также свидетелями, гарантами и в какой-то мере участниками наказания. Они имеют право быть свидетелями и требуют соблюдения своего права»²⁶⁴. Фуко пишет о том, что возможность наблюдать публичную казнь являлась способом народа реализовать свою потребность в наказании: «Даже в XVIII веке наблюдаются сцены вроде той, что сопровождала казнь Монтини: пока палач казил осужденного, рыночные торговки рыбой носили над толпой куклу осужденного, которой потом сами отрубили голову. И очень часто приходилось

²⁶⁰ Толстой, П.А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697-1699 [Текст] : [путевые записки] / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; [Российская АН]. – Москва : Наука, 1992. – С. 64.

²⁶¹ Толстой, П.А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697-1699 [Текст] : [путевые записки] / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; [Российская АН]. – Москва : Наука, 1992. – С. 64.

²⁶² Толстой, П.А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697-1699 [Текст] : [путевые записки] / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; [Российская АН]. – Москва : Наука, 1992. – С. 64.

²⁶³ Толстой, П.А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697-1699 [Текст] : [путевые записки] / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; [Российская АН]. – Москва : Наука, 1992. – С. 64.

²⁶⁴ Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 34.

"защищать" преступников, когда их медленно прогоняли сквозь толпу - как пример и мишень, как возможную угрозу и обещанную, но одновременно запретную жертву»²⁶⁵ и несении «эшафотной службы». Реализация потребности в наказании давала возможность стать ближе к самой власти городской или государственной, что в свою очередь являлось шагом по приобщению к культуре своего города или страны. Таким образом, мы можем заключить, что площади городов Средневековья, а затем и Нового времени выполняли функции локусов медиации. Они являлись одновременно посредниками между городской властью, культурной традицией того или иного города, его историей и горожанами. Наполненные смыслами, информацией и материальными объектами, пространства площадей привлекали в горожан, имевших там возможности общения, получения нового знания, материальной прибыли. Зачастую на одной из площадей средневекового города находился собор.

Собор романского периода – это храм-крепость. Грандиозное по меркам того времени сооружение вызывало интерес и гордость у горожан, становилось надёжным убежищем. Со строительством соборов преображались и города. Зачастую долгострои, продолжавшиеся не одно десятилетие, были известны за пределами города и привлекали массу приезжих, желавших приобщиться к столь важному процессу, а также мастеров. Стоит отметить, что во многих городах храм был единственным каменным сооружением, которое ярко выделялось на фоне скудной застройки. Романские соборы, появившиеся в X-XII в.в., были одним из свидетельств господства христианства: «Давящая, почти наступательная мощь этих громад, водружённых в землях совсем недавно обращённых в христианство крестьян и ратников, словно воплощает идею Церкви Воинствующей, церкви, призванной повсюду на земле бороться с тёмными силами, пока не пробьёт великий час второго пришествия»²⁶⁶. Романский собор являл собой потребность жителей европейских средневековых государств в объединении и нахождении той

²⁶⁵ Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 34.

²⁶⁶ Гомбрих, Э. История искусства [Текст] / Э. Гомбрих – М.: АСТ, 1998. – С. 173.

силы, которая могла бы стать для них спасением от тягот повседневной жизни. Мощные каменные сооружения притягивали к себе горожан, нуждавшихся в защите, определении своего пути, новой информации, которая приходила к ним со словом Божиим. Повторявшиеся с определённой периодичностью службы, где собиралось практически всё население города, были тем «якорем», который олицетворял собой стабильность, а встреча с другими прихожанами, возможность общения с ними создавала ощущения единения не только с Богом, но и с людьми. Также посещение собора как исполнение обычая давало возможность приобщения к традиции, как культурной так и религиозной, вселяло уверенность в своей честности перед высшими силами, правильности своего образа жизни, что в свою очередь могло явиться подспорьем для созидательной активности направленной на группу «Своих» – горожан – членов религиозной общины, а также на пространство города, где они проживали.

Такой локус медиации выражал потребность последователей не так давно распространившегося христианства в защите, власти, в укреплении своего влияния. Притягивая в своё пространство людей – как горожан, так и приезжих, – он способствовал расширению города, его обогащению. Романский собор даже на этапах строительства влиял на культурное пространство города, развивая его, способствовал распространению христианской культуры. Его преемник – готический собор также выполнял вышеуказанные функции. Однако в период их массового строительства в культуре городов Западной Европы произошли изменения, что отразилось на архитектурной форме и содержании этого локуса медиации: «Новые соборы несли верующим видение иного мира. В проповедях и гимнах того времени воспевались жемчужные врата Небесного Иерусалима, драгоценные украшения его стен.... Теперь видение спустилось с неба на землю.... Исчезло всё, что напоминало о земной тяжести или её тяготах»²⁶⁷. Площади, содержащие храмы, объединялись с ними в единый культурный ландшафт, призванный вызвать у горожан определённые чувства и эмоции:

²⁶⁷ Гомбрих, Э. История искусства [Текст] / Гомбрих, Э. – М.: АСТ, 1998. – С. 189.

«Особенно в религиозно окрашенных доктринах возрождалось старое представление о мире, как о божественной книге, в которой записана бесконечная мысль творца»²⁶⁸.

Говоря о таком локусе медиации как храм, обратимся к храмам городов эпохи Возрождения. В итальянских городах того периода он, по нашему мнению, являлся точкой притяжения горожан. Во-первых, как дом Господень, а во-вторых, выполняя функции театра: «Именно во Флоренции получают широкое развитие, – распространяясь затем по другим городам Италии, – представления в храмах («феста»), которые давались не только по церковным праздникам, но и по случаю визита во Флоренцию почётных гостей»²⁶⁹. Вот как это описывают современники: «В четверг 21 мая 1422 года, в день Вознесения и в ночь накануне было торжественное и прекрасное празднество в Кармине, в церкви, и живой человек вместо Господа Бога возносился на небеса. Его подтягивали со сводов на небольшой помост, и, достигнув крыши, он поднимался прямо вверх. И очень похоже были представлены все действия и облик Богоматери, и святой Марии Магдалины...»²⁷⁰. Религиозное празднество, перешедшее в формат празднества светского, подчеркивает плюрализм общества, широту взглядов его членов. При этом мы также можем увидеть, какие функции локуса медиации выполнял храм. Это и функция трансляции актуальной городской культуры, и передача культурно-исторического наследия, выраженного в религиозном сюжете, а также в самом пространстве храма, оформленного в определённом стиле изобразительного искусства. Помимо прочего, интересен тот факт, что на вышеописанные представления в пространство храма приглашались иностранцы, иногда люди чуждой культуры: «...в 1439 г. его (представление) видел один из членов делегации, приехавший из Московии для участия в церковном соборе»²⁷¹.

²⁶⁸ Крюкова, А. В. Символизм в изобразительном искусстве [Текст] / Крюкова А.В. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 37.

²⁶⁹ Данилова, И. Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. / И. Е. Данилова. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2000. – С. 253.

²⁷⁰ Pochat, G. Brunelleschi and the «Ascencion» of 1422 // The Art Bulletin. 1978. – P. 232.

²⁷¹ Данилова, И. Церковные представления во Флоренции в 1439 году глазами Авраамия Суздальского // Искусство средних веков и Возрождения. – М. – 1984. – С. 154–163.

По нашему мнению, это говорит о том, что пространство храма теряет некоторую долю сакральности в культуре Возрождения. Тут мы можем увидеть, как помимо места приобщения к божественному и молитве храм становится местом развлечения. Меняется городская культура, а вслед за ней меняется и смысловое наполнение пространства локуса медиации. Так, храм уже не место защиты, как это было в храме-крепости романского периода, не место, вызывавшее благоговейный трепет и перемещавшее в Град Небесный на Земле, но пространство для соучастия, как с пространством собора, где проходило представления, так и с другими горожанами, его смотрящими. Также и человек – горожанин начинает играть другую роль во взаимоотношениях с данным локусом медиации. Воспроизводя библейский сюжет, он как будто становился его творцом, демиургом и одновременно его действующим лицом, через это открывая новый способ взаимодействия с религиозной культурой, а также с культурным пространством города, которое посредством горожан, обладавших новым знанием, обогащалось им. Это является ещё одним подтверждением гипотезы о том, что «локусы медиации» отражают актуальную культуру.

Публичные пространства Средних веков существенно отличались от публичных пространств Античности. А.Я.Гуревич связывает изменение специфики отношения к пространству и конструирование этого пространства с изменением специфики цивилизации и общества. В книге «Категории средневековой культуры» он пишет: «Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества, и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются не одинаково...человек руководствуется в своей практической деятельности и в своем сознании этими и иными основными категориями «картины мира», и от того, как он их интерпретирует, во многом зависит его поведение, поведение

социальных групп и развитие целых обществ»²⁷². Он указывает на то, что «Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит»²⁷³. Теоцентризм, характеризующий культуру Средних веков, отражался на взглядах человека²⁷⁴. Это выражалось в отсутствии необходимости путешествовать, страха перед новым, неприятию чуждой культуры, а также сужению жизненного пространства. Путешествия – это в основном небольшие перемещения с торговыми или рабочими надобностями, а также паломничество в Святую землю.

Доминантой площадей Средних веков являлись храм – символ постоянного присутствия божественного и его господства над земным, суда Божия, а также ратуша или, как это было в случае с новгородским вече, площадка для обсуждения актуальных проблем и судилища как символ незыблемости закона и его значения в жизни каждого горожанина. Дома самых знатных горожан располагались по периметру площади, подчёркивая их близость к Богу и возможность в любой момент приобщиться к нему. Жизнь рядом с центральной площадью позволяла постоянно оставаться в курсе главных городских событий, то есть фактически не отставать от прогресса во всех аспектах культурной и общественной жизни города. Здесь мы на наглядном примере видим, каким образом локусы медиации средневековых площадей формировали культурное пространство городов, актуальную культуру и даже создавали тело городов того времени и их архитектурные ансамбли.

С XII века большое значение в средневековом обществе начинает играть торговля. Одновременно с развитием торговли происходит дальнейшее развитие ремесла. Во многом это привело к развитию городов, которые становились местами, в которых централизовались мастера-ремесленники, товары из производства и люди, имевшие на них спрос. В этот период в Европе

²⁷² Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – С.44.

²⁷³ Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – С.44.

²⁷⁴ См.: Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – С.18.

появляются первые университеты. Города – университетские центры наводняют студенты, приходящие за новым знанием. Площади городов Средневековья становились зонами, где можно было узнать как новые сведения о жизни города, страны и зарубежья, так и получить новые знания.

В этот период развития торговли и образования в европейских городах увеличивается внимание к благоустройству публичных пространств, в частности, центральных площадей. Рыночные площади стали делиться на две части: Верхний и Нижний рынки. Нижний рынок – место для торговли, а Верхний рынок – площадь, где располагалась ратуша. Зачастую эта площадь имела форму трапеции.

Рынок в культурном пространстве городов Античности, Средних веков, а также в эпоху Возрождения выполнял роль посредника, помогающего человеку адаптироваться в городской среде и при этом существовать как самодостаточный участник коммуникации. Рынок нес в себе смысловую нагрузку, связанную с местностью, в которой он находился, её историей, географическими условиями, и особенностями хозяйствования. Рынок представлял собой связующее звено между воззрениями различных культурных, социальных, этнических, конфессиональных, возрастных групп. Именно такой локус медиации позволял органично сосуществовать представителям различных культур и мировоззрений.

Рынок как локус медиации с самого момента своего появления был интегрирован в городскую среду и создавал дополнительные связи между горожанами, становясь частью общей коммуникационной системы. Рынок зачастую воспринимался горожанами и гостями города как «своё» пространство и напрямую идентифицировался с городом.

В культуре Новейшего времени рынок трансформировался, одним из проявлений чего явился торговый центр. Одной из трансформаций рынка явился торговый центр: «Такого рода торговые пространства стали появляться в США уже в первой половине XX века и являлись развитием более старой формы – универмагов, которые также объединяли разрозненные магазины под одной

крышей, но имели меньшее количество функций и меньшие размеры. Появление универмагов в конце XIX века также было символом крупного социального сдвига, в результате которого потребление стало центральной городской практикой, а посещение торговых пространств – одной из главных форм городского опыта»²⁷⁵.

Торговый центр как площадка не только потребления, но и коммуникации между горожанами разных этнических и религиозных групп, культурных слоёв и возрастов является локусом медиации. По мнению А. Желиной: «Главными площадками коммуникации в городах нового времени стали магазины, культурные институции, стадионы, рестораны и кафе – узловые пространства культуры потребления»²⁷⁶. На данный момент эта «модификация» рынка вбирает в себя, по нашему мнению, ряд функций, которые ранее были характерны для других публичных пространств: «...синтезировав все функции и возможные способы проведения времени, предложив аналог городского центра под крышей – внутренние пространства торгового центра во многом копируют пространство улицы с магазинами, кафе, публичными местами»²⁷⁷.

В современном городе, как правило существует, несколько торговых центров. Зачастую они включают в себя сетевые гипермаркеты и магазины, ресторанные дворики, детские площадки, кинотеатры и даже ледовые арены. На их, иногда огромных, территориях горожане проводят свои выходные дни, встречаются со знакомыми и друзьями. Таким образом, современные торговые центры можно рассматривать как локусы медиации, выполняющие функцию притяжения горожан, собирая их в своём пространстве. Подобно рынку, торговые центры воспринимаются горожанами и гостями города как «своё пространство». Это связано с их унифицированным видом и внутренним оформлением. Также торговый центр выполняет в современном городе функции площади

²⁷⁵ Желнина, А. «Здесь как музей»: Торговый центр как общественное пространство [Текст] / А. Желнина // *Laboratorium*. – 2011. – № 2. – С. 52.

²⁷⁶ Желнина, А. «Здесь как музей»: Торговый центр как общественное пространство [Текст] / А. Желнина // *Laboratorium*. – 2011. – № 2. – С. 51.

²⁷⁷ Желнина, А. «Здесь как музей»: Торговый центр как общественное пространство [Текст] / А. Желнина // *Laboratorium*. – 2011. – № 2. – С. 53.

и пешеходной улицы, где горожане могут общаться, гулять, обсуждать последние новости. Более того, крупный торговый центр может заменять собой театр и музей. Люди приходят в его пространство не только для того, чтобы что-то приобрести или вступить в коммуникацию, но и для того, чтобы посмотреть на других, показать себя, увидеть окружающее пространство локуса медиации, который является отражением актуальной городской культуры, приобщиться к ней. Современный торговый центр – это «город в городе»²⁷⁸, один из локусов медиации, напрямую связанный с городом, отражающий все особенности городской культуры, активно влияющих на изменение культурного пространства города через посредство индивидов-горожан.

В связи с упоминанием локуса медиации рынка вспомним новгородский Торг, который «...имел большое значение в жизни города. Здесь находились богатые купеческие дворы, в том числе дворы «заморских» гостей: Немецкий и Готский. Располагавшаяся недалеко от Торга церковь Иоанна на Опоках служила центром крупного новгородского объединения купцов-вошников, получившего название «Ивановское сто». Торговая площадь примыкала к княжескому Ярославову дворищу»²⁷⁹. Находившаяся неподалёку от Торга в Новгороде Средних веков центральная площадь, помимо уже указанного назначения площадей Западной Европы того же периода, служила местом сбора народного вече – совета, который был высшим органом управления Новгородской республики, решал вопросы жизни города, судил и миловал²⁸⁰. Вече – локус медиации в идеальном его проявлении. Публичное пространство, где жители города специально собирались для решения основных вопросов города, выражали своё мнение и могли каким-то образом влиять на разнонаправленные процессы, происходившие на территории их проживания, по нашему мнению, приносило огромный вклад в развитие культурного пространства и формирования активно-

²⁷⁸ Hoffmann-Axthelm, Dieter. 1995. Das Einkaufszentrum. Pp. 63–73 in: *Mythos Metropole*. Edited by Gotthard Fuchs, Bernhard Moltmann, and Walter Prigge. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

²⁷⁹ Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов [Текст] / Саваренская Т. Ф. – М.: Стройиздат, 1984. – С. 230.

²⁸⁰ См.: Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов [Текст] / Саваренская Т.Ф. – М.: Стройиздат, 1984. – С.230.

творческой позиции, характерной для развитых обществ, где ценность и значение человеческой личности выходит на первый план. Тут мы можем провести параллели между тем, насколько общество является свободным, насколько сильны в нём демократические ценности, стремление к взаимопомощи, культурный и идеологический плюрализм, и степенью проявленности в культурном пространстве города и развитием локусов медиации. Чем более общество открыто – тем более развиты в нём локусы медиации, и наоборот.

Площади эпохи Возрождения, отличавшиеся простором и более продуманным ландшафтным дизайном в городах-государствах Италии, выполняли назначения пространства, которое вбирало в себя людей, идеи и эмоции. Эти локусы медиации были полны воздуха, они как бы «развернулись» со времён Средневековья. Храм потерял функцию доминанты такой площади, а церковь, воинствующая и торжествующая, отошла на второй план. Примерно к XV веку его символическое место начинает играть памятник. Мы можем связать это с господствовавшим антропоцентризмом и установлением на пьедестал не Бога, но человека. Чуть позже в XVI веке мы можем наблюдать возрождение ещё одной античной традиции, а именно – формирование единой системы публичного пространства улицы и площади.

Так, в ряде итальянских городов, например, во Флоренции происходит подчинение процессам контадо²⁸¹, а также активно происходит усложнение городского пространства²⁸². Многие главные площади были сформированы вокруг ратуши – административного центра. Помимо ратуши и скульптур в качестве доминанты площади используется также фонтан. Пространство такого локуса медиации, как площадь эпохи Возрождения, было довольно гармонично, способно принимать большое количество горожан, оно транслировало господствовавшие в обществе того периода настроения, и одновременно, отражало их. Площади Возрождения как локусы медиации развивались вместе со

²⁸¹ См.: Franchetti Prado, V. *Le ville medicee nel contado fiorentino*(sec. XV - XVI): ideologia di un investimento patrimoniale // *Storia della città. Rivista internazionale di storia urbana e territoriale*. Milano, 1978: №6; Moretti I. «Le terre Nuove» del Contado Fiorentino. Firenze, 1980. – P. 40.

²⁸² См.: Альберти, Л. Б. *Десять книг о зодчестве* / Л. Б. Альберти. – М., 1935. – Т 1. – С. 160.

сложившейся культурной традицией. Франческо ди Джорджио Мартини описывает демократическую концепцию города эпохи Возрождения следующим образом: «Всем людям подобает жить в единении и сообществе, а не в отдельности каждому отцу семейства. Множество людей, собравшись вместе, составляют общество, чтобы пройти один за другим, с большими удобствами краткий путь жизни. И эти объединения для совместного проживания называются городами...потому что города – не что иное, как объединившиеся горожане»²⁸³. Площадь того периода, с одной стороны, выражала антропоцентризм, гуманизм, демократизацию социума, развитие искусства и возрождение античной традиции, но, с другой стороны, она всё ещё выполняла функцию «лобного места», где казнили многочисленных преступников и вероотступников, подчёркивая тем самым противоречия общества и культуры эпохи Возрождения.

Исследование истории локусов медиации показывает нам, что публичные пространства городов Нового времени в европейских городах достигли пика своего расцвета, а затем их значение только поддерживалось. В культурном пространстве городов Европы и России локусы медиации площадей, центральных улиц, парков, оформившихся к XVIII веку и представших в виде сквера – городской площади, покрытой зелёными насаждениями, стали теми зонами, где индивиды-горожане могли поддерживать свою идентичность, участвуя в массовых развлекательных мероприятиях, политических событиях, обсуждая способы решения социальных проблем.

В XIX веке значение локусов медиации площадей и храмов снизилось и одновременно возросло значение центральных улиц – широких бульваров, которые служили местом идентификации горожан с культурным пространством города и Другим, а также процессам продуцирования городской культуры. Помимо бульваров, публичная жизнь перешла в пространство ставших общедоступными третьих мест – театров и кафе. Фокус внимания горожан

²⁸³ Francesco di Giorgio Martini. Trattati. Proemino (цит. по: Sinocini G. Op. cit) Vol. 1. –P 15.

сместился с жизни общественной на жизнь частную, что было связано с повышением комфортности жилья. В XX веке публичные пространства – локусы медиации стали горожанам враждебными, жизнь индивидуализировалась и унифицировалась: «В индустриальном обществе территория стала формироваться социумом. Социальная принадлежность была индикатором, выявляя зоны их нахождения. Данный тип поведения привел общественные пространства в современное время местами напряжения, где жителям города сложно взаимодействовать. Города эпохи модерна разрушали формирование общественной жизни...»²⁸⁴. Современное публичное пространство уже не может быть просто парком, площадью, рынком. Это будет пространство, представляющее собой «некую развивающуюся сеть». В. М. Межуев считает, что в современном городе частная жизнь уже полностью отделена от жизни публичной²⁸⁵. Несмотря на то, что многие исследователи говорят о современном публичном пространстве, публичные пространства Античности или Древнего мира, Средних веков выполняли сходные, но не всегда явно видные функции.

Однако в веке XXI мы наблюдаем возрождение локусов медиации в их первоначальном значении. Улицы в европейских городах воспринимаются как пространство для активизации человеческой жизни, в отличие от русских и американских городов.

В процессе исследования генезиса локусов медиации и выявления изменения их функций в историческом процессе мы пришли к следующим выводам: значимость каждого локуса медиации для культурного пространства города и горожан увеличивается пропорционально их культурной ценности, а также способности транслировать историческое наследие и актуальную культуру и развивать культурное пространство города; городская культура прямо влияет на изменение смыслового наполнения пространства локусов медиации;

²⁸⁴ Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов [Текст] / Саваренская Т. Ф. – М.: Стройиздат, 1984. – С. 250.

²⁸⁵ См.: Межуев, В.М. Культура и история: Проблема культуры в философско исторической теории марксизма. – М.: Мысль, 1977. – 197 с.

одним из условий существования локусов медиации является их способность изменяться и подстраиваться под современные им социальные и культурные реалии; локусы медиации появились раньше, чем города в традиционном понимании; насколько общество является свободным, насколько сильны в нём демократические ценности, стремление к взаимопомощи, толерантность, культурный и идеологический плюрализм, настолько будут проявлены локусы медиации в культурном пространстве города. Чем более общество открыто – тем более развиты в нём локусы медиации, и наоборот; локусы медиации формируют культурное пространство городов, актуальную культуру и даже тело городов и их архитектурные ансамбли.

2.2 Публичное пространство музея как локус медиации

Включённые в процесс производства культуры горожане ищут возможности обращения к учреждениям культуры, представленным в пространстве города. Музей, являющийся одним из таких учреждений культуры, выполняет для горожан функцию трансляции актуальных культурных смыслов. Важным является наличие связи музея со стремительно трансформирующимся культурным пространством города. Это формирует потенциал музея как динамично развивающегося пространства – хранителя актуальных ценностей и смыслов.

Музей, сохраняющий и передающий культурное наследие, находящийся в непосредственной коммуникации с обществом и являющийся локусом медиации, включен в культурное пространство города в качестве его важного элемента. В первую очередь, в сознании общества музей является учреждением сохраняющим, изучающим, демонстрирующим, презентующим культурные и исторические ценности. Также отметим, что музей – это «...место информационного обмена различных этносов, поколений, профессий, возрастов, территорий и т. д.»²⁸⁶. Культурная роль музея переосмысливается под влиянием

²⁸⁶ Константинова, С. С. Экзамен по музееведению [Текст] / С. С. Константинова. – М.: Приор-издат, 2005. – С. 4.

актуальных изменений в сферах общества и культуры, что позволяет посмотреть под другим углом на культурную роль музея. Музеи современности – учреждения открытые к социокультурным контактам, социуму и творческой жизни. В последние годы начинают появляться музеи, отличающиеся выполнением новых, не характерных ранее для музея функций, и предлагающие необычные форматы. Важность музея как локуса медиации в коммуникации с городским сообществом, таким образом, увеличивается. В культурном пространстве города музеи – значимая точка коммуникации. Создание устойчивого коммуникативного обмена с горожанами – потенциальными посетителями музея важно для музея.

В качестве локуса медиации музей может положительно влиять на изменения жизненной среды горожанина. При этом, если музей не передаёт важный для настоящего момента культурный опыт горожанам, он перестаёт быть локусом медиации. Так, не предлагающий горожанам и гостям города выставок и мероприятий, не обновляющий экспозиции, не рекламирующий себя музей через какое-то время теряет постоянный поток посетителей, приходит в запустение, а затем теряет связь с культурным пространством современного города. Вопрос об изменении коммуникационной стратегии музея, связанный с выбором актуальных форм работы музея и влиянием музейной медиации на коммуникацию в его пространстве, представляется важным. Для наиболее продуктивного взаимодействия локуса медиации музея с культурным пространством современного города необходимы качественные стратегии, изменяющие способы и технологии работы музея, предлагающие новые варианты его развития.

Развитие музеев, новые формы и особенности музейной работы подстёгивает появление ранее не существовавшего, нового, прямо влияющего на специфику работы музеев. Экспозиция музея воспринимается музейными сотрудниками как наиболее значимый объект деятельности. Описывая опыт работы экспозиций ряда мировых музеев, Ян Долак констатирует, что опыт

работы российских музеев неизвестен широкой мировой общественности²⁸⁷. Разрыв связей большей части музеев России с культурным пространством городов, низкая вовлеченность посетителей в их деятельность лежат в основе причин этого. Отметим также, что работа современного музея тесно связана с использованием новых информационных технологий. Российские музеи неохотно применяют их в своей практике.

Конструктивная коммуникация, направленная на поиск оптимальных решений и призывающая к диалогу, определяется О. В. Беззубовой²⁸⁸ как более приоритетная для музея по сравнению с традиционными моделями образовательной деятельности. В современном музееведении существует и активно развивается направление «музейная медиация».

Современная музеология понимает под «медиацией» коммуникацию особого рода, которая находится на стыке различных направлений музейной деятельности²⁸⁹. Возможности для продуктивного, основанного на взаимопонимании контакта экспозиционного пространства, музейных специалистов и посетителей рождает музейная медиация. При этом первые две стороны являются проводником и создателем самого экспоната, видимого, а последняя интерпретирует смысл и принимает знание.

Стратегия, используемая в процессе музейной медиации, направлена на раскрытие новых методов и способов формирования заинтересованной аудитории. Внимание аудитории привлечено к музейным предметам и представлению их уникальных особенностей. Реально существующий, но не наделённый смыслом музейный предмет при наполнении его смыслами переходит в категорию музейных экспонатов. Этот процесс запускает музейная медиация, а экспонат музея выступает в роли одного из участников музейной

²⁸⁷ Долак, Я. Музейная экспозиция музейная коммуникация [Текст] / Я. Долак // ВМ. – 2010. – № 1. – С. 37–46.

²⁸⁸ См.: Беззубова, О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса [Текст] / О. В. Беззубова // Коммуникация и образование: сб. статей / Под ред. С. И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 420.

²⁸⁹ См.: Time for Cultural Mediation [Electronic resource] / Ed. by C. Mörsch, S. Fürstenberg, A. Chruscziel Online Publication. Institute for Art Education of Zurich University of the Arts (ZHdK), commissioned by Pro Helvetia, 2013. – 329 p. – URL: <http://www.kultur-vermittlung.ch/zeit-fuervermittlung> (дата обращения: 11.11.2017).

коммуникации. Появление у гостей музея оформленного мнения относительно той или иной экспозиции можно считать наиболее значимым итогом музейной медиации. Оформленное мнение посетителей музея открывает им путь к самопознанию и самообразованию. Этот факт позволяет определить музей в качестве уникального по своим функциям института культуры. Медиация даёт возможность образовывать горожанина-посетителя музея и создавать условия для новых возможностей понимания культурного пространства современного города.

Присутствуя в работе средств массовой информации, музейная медиация выходит за стены музея. Медиация становится важной частью деятельности средств массовой информации. Она трактуется в этом случае как то, что предлагает иные возможности для распространения новых идей и продуктов культуры. Создание сайтов музеев, страниц на различных онлайн платформах является одной из форм выражения медиации. Появление интереса к деятельности музея и его экспозиций у большого количества людей-подписчиков подобных сообществ, последующее посещение ими музея происходит именно через посредство их привлечения с помощью сайтов музеев и страниц в социальных сетях.

Они часто становятся не просто пассивными наблюдателями, но активными участниками данных сообществ, и дают важную обратную связь. Существование музея в медиа-пространстве и его востребованность формируют возможности для изменений, влияющих как на музей, так и на культурное пространство города, в котором он находится. Дж. Х. Фальк и Л. Диркинг, исследователи, специализирующиеся на проблемах музейного образования, описывают данный концепт как открытый диалог индивида-посетителя и музейного пространства. Получение индивидом возможности ориентироваться в современном культурном пространстве является итогом этого диалога. Конструирование такого взаимодействия происходит под влиянием определённой совокупности социальных отношений, социокультурных и личных факторов²⁹⁰. Музейная

²⁹⁰ См.: Falk J., Dierking L. Learning from Museums: Visitor Experiences and the Making of Meaning. Walnut Creek, 2000. – P. 29.

медиация направлена на представление культурных и исторических ценностей в тех формах, которые наилучшим образом принимает посетитель.

В пространстве музея наибольшее коммуникативное напряжение наблюдается в границах музейной экспозиции. «Экспозиция – основная форма музейной коммуникации, образовательные и воспитательные цели которой осуществляются путём демонстрации музейных экспонатов, организованных, объяснённых и размещённых в соответствии с разработанной музеем научной концепцией и современными принципами архитектурно-художественных решений»²⁹¹. Также значимым для нас представляется определение экспозиции как рукотворной предметной среды, отличающейся научно-художественным характером и образной структурой²⁹². Экспозиционное пространство – это пространство, видимое посетителю-горожанину. Оно выстраивает все виды коммуникации в музее, являясь медиатором, деятельность которого сосредоточена на коммуникативном взаимодействии между музеем и горожанином.

Процесс присоединения горожанина-посетителя музея к ценностям локальной и глобальной культур идёт в ходе вербальной и невербальной коммуникации в пространстве музейной экспозиции. Экспозиции позволяют музею участвовать в работе над насущными проблемами современного города, способами их разрешения. Они дают ему возможность своевременно изменяться, подстраиваясь под актуальную культурную жизнь социума, давать реакцию на запрос каждого кто приходит в музей. Экспозиции – это своего рода посредники, с помощью которых музей коммуницирует с жителями города. Экспозиция играет роль посредника между различными отделами музея и посетителями, что делает её важнейшим звеном пространства музея. Б. Лорд пишет: «Музейная экспозиция – это главная площадка взаимодействия музея с публикой»²⁹³. Это указывает на

²⁹¹ Богданов, Г. Подготовка картин к экспозиции [Текст] / Г. Богданов // Художник. – 1963. – № 9. – С. 46.

²⁹² См.: Майстровская, М.Т. Музейная экспозиция: тенденции развития. Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции (На пути к музею XXI века) [Текст]: сб. науч. трудов / М. Т. Майстровская. – М.: РИК, 1997. – С. 12.

²⁹³ Лорд, Б. Менеджмент в музейном деле [Текст] / Б. Лорд, Г. Лорд. – М.: Лотос, 2002. – С.131.

увеличение значимости коммуникативной функции в современном музее, где экскурсовод выступает как посредник, тот, кто создаёт среду экспозиции, чтобы презентовать её в качестве пространства, наполненного многоуровневыми связями и представляющего всё богатство опыта²⁹⁴.

Постоянно происходящие процессы трансформации культуры требуют от музейных экспозиций включенности в сложную, многоуровневую коммуникацию. Медитативная деятельность музея представлена различными направлениями. Художественные практики, реализуемые посредством экспозиции – один из подобных примеров. Доступные формы и способы презентации современного искусства не всегда нуждаются в новых концепциях конструирования экспозиций музея. Например, концепция «универсального музея» Мис ван дер Роэ. В её основе лежит идея о способности пространства экспозиции быстро трансформироваться посредством оснащения его перегородками, разбивающими пространство музея и создающими условия для отделения залов друг от друга, по запросу каждого следующего экспозиционного проекта. За счёт высокой скорости изменения формы, доступной в виду единства внешней и внутренней среды горожане имеют возможность, приходя в один и тот же музей, каждый раз оказываться в новом пространстве экспозиции. Экспозиции музея при этом привлекают стабильный интерес посетителей.

Позволяющие наблюдать экспонаты в свете социальных и культурных теорий фестивали и выставки современного искусства, расширяют возможности познания искусства. К примеру, показывая его не только через призму истории изобразительного искусства. Наибольший упор в пространстве экспозиции делается на формы и концепции презентации подлинных музейных предметов, но не на сами предметы.

Выставочный комплекс ВДНХ в Москве является ярким примером вышеописанного. Это музей под открытым небом. На протяжении некоторого

²⁹⁴ См.: Time for Cultural Mediation [Electronic resouse] / Ed. by C. Mörsch, S. Fürstenberg, A. Chrusciel Online Publication. Institute for Art Education of Zurich University of the Arts (ZHdK), commissioned by Pro Helvetia, 2013. – 329 p. – URL: <http://www.kultur-vermittlung.ch/zeit-fuervermittlung> (дата обращения: 11.11.2017).

количества лет там проходит фестиваль искусств «Вдохновение». Он позиционируется как «беспрецедентный художественный проект, объединяющий две платформы. Первая – выставка достижений мирового искусства. Это и масштабные уличные спектакли, и знаменитые на весь мир оперные голоса, и световые инсталляции, и фантастические фейерверки. Вторым важным аспектом является сама территория ВДНХ как источник вдохновения для творческих людей со всего мира»²⁹⁵. Через посредство личного участия организаторы фестиваля приобщают посетителей многочисленных выставок и перформансов к работе площадок. Так посетители могут получить новую информацию, самовыразиться, приобщиться к искусству, при этом становясь творцами-создателями нового, индивидуального продукта своего творчества. Границу между автором, произведением и наблюдателем убирает самостоятельное творчество посетителей.

Обращаясь к описанию практик современного искусства, рассмотрим Музей современного искусства «Гараж»²⁹⁶. «Гараж» был основан в 2008 году в Москве. Музей отражает актуальные для русской и мировой культуры процессы, являясь свободным пространством, на базе которого реализуются выставки современных художников, перформансы, лектории, активная издательская деятельность. «Гараж» даёт возможность знакомства, встреч и общения со значимыми для культуры и искусства людьми. Образовательным циклом по истории современного искусства отводится отдельный сегмент деятельности музея. Их ведут известные российские и зарубежные искусствоведы. Выполняемые функции позволяют «Гаражу» быть точкой притяжения жителей города, гостей города и страны. «Гараж», сбрасывая присущую классическому музею элитарность, передавая полученные знания всем желающим, открывает своё пространство для новых экспозиционных форм, не являясь при этом классическим музеем.

²⁹⁵ ВДНХ – официальный сайт Выставки достижений народного хозяйства. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vdnh.ru/> (дата обращения: 15.11.2017).

²⁹⁶ Музей современного искусства Garage [Электронный ресурс]. – URL: <https://garagemca.org/ru> (дата обращения: 15.11.2017).

Музей современного искусства «Гараж» в Москве – это не единственный пример подобной площадки, в Санкт-Петербурге работает и принимает своих посетителей Музей современного искусства «Эрарта»²⁹⁷. Наряду с основными экспозициями, наполненными произведениями современных российских художников «Эрарта» проводит концерты, перформансы, фестивали, лектории. Они организуются как в экспозиционном пространстве, так и в свободных пространствах музея. Помимо образовательной деятельности, проходящей в стенах музея, «Эрарта» создала мультипликационный сериал «Чёрный квадрат», идея которого – это передача через посредство сюжета знаний по истории изобразительного искусства. Музей работает с разными категориями населения, в том числе и с детьми. Дети могут принять участие в организуемом на базе постоянной экспозиции квесте и получить призы.

Пример вышеописанных музеев важен как пример опыта эффективной музейной коммуникации. Данные музеи выстраивают свою работу, основываясь на принципах современного музейного дела. «Эрарта» и «Гараж» открыты к передаче нового опыта, нестандартным формам презентации своих идей, вовлечению горожан в различные художественные практики, индивидуальным траекториям работы для различных категорий населения, тесному сотрудничеству с другими институциями городской культуры и её представителями, применению в своей работе новых визуальных и компьютерных технологий. Коммуникация, иллюстрируемая данными локусами медиации, по своему характеру позитивная. Горожане, несмотря на элитарность и довольно сложные концепции современного искусства, не испытывают страха перед этими музеями, при этом рискуя встретиться там с новым и непривычным. Мы можем связать это с возможностью творчества и свободного диалога в пространстве указанных музеев. Классический же монолог музея не всегда направлен на получение обратной связи. Как точки свободного самовыражения и как музеи «Эрарта» и

²⁹⁷ Музей современного искусства Эрарта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.erarta.com> (дата обращения: 15.11.2017).

«Гараж» являются частью культурного пространства города – это значимый фактор для привлечения посетителей и развития.

Важным является аспект коммуникации между художником-автором объектов современного искусства, акций, перформансов и музейными сотрудниками, а также экспозиционным пространством. Художник работает напрямую с пространством экспозиции, при этом обсуждает с музейными сотрудниками новые формы презентации своих работ. Это позволяет в полной мере показать замыслы автора, провести более качественную работу, дают возможность коллективного творчества, отсутствия страха перед созданием нового. Работник музея также выходит из привычной роли, давая возможность развития всем сторонам диалога. Подобный результат известен как «эффект кураторства».

По мнению В. Мизиано кураторский проект – это «публичная и диалогическая практика, которую куратор разделяет с другими участниками (в первую очередь с художниками); мы должны согласиться и с тем, что она возможна не только потому, что куратор открыт диалогу с художниками, но и потому, что художники открыты диалогу с куратором»²⁹⁸. Исходя из этого, кураторский проект – это проект, построенный на устраивающей все стороны коммуникации. При этом коммуникация работает на общий результат. Навыки эффективной коммуникации для В.Мизинано – одна из наиболее значимых компетенций куратора. Такая постановка вопроса даёт посетителю экспозиции возможность стать участником акта сотворчества и продуктивного диалога, оставляет за ним возможность выбора своего отношения к экспонатам. И каждый горожанин-посетитель музея присоединяется к процессу формирования окружающей реальности, объектов, которые пришли из прошлого, при этом получая новые, индивидуальные знания и переживания. Возможность соавторства позволяет посетителю стать «зеркалом», отражающим пространство экспозиции, с помощью экспонатов обратиться к своему внутреннему миру, погрузиться в

²⁹⁸ Мизиано, В. Пять лекций о кураторстве [Текст] / В. Мизиано. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – С. 14.

него. Интересным, по нашему мнению, способом увеличения влияния выставочно-экспозиционных комплексов на жителей города являются новые визуальные и компьютерные технологии. Они дают возможность в режиме онлайн трансляции показывать, как открывается значимая для города выставка или перформанс на экранах, которые расположены в разных частях города, что в свою очередь вовлекает значительное количество горожан в процесс создания культурных объектов и последующего обсуждения увиденного. Свободное обсуждение способствует появлению новых культурных форм, привлечению посетителей в музей и через это его включению в культурное пространство города.

Являющаяся локусом медиации, музейная экспозиция, используя коммуникацию, изменяет жителей города, затем влияющих на его культурное пространство. Обратимся к Г.Гадамеру: «Из собственного опыта мы, например, знаем, что посещение музея или присутствие на концерте требует духовного напряжения. Что же здесь происходит? Конечно, между ними есть различие. В одном случае мы имеем дело с репродуктивным искусством, а в другом об этом не может быть и речи, так как перед нами оригинальные произведения. И выходишь из музея уже не с тем ощущением жизни, с каким входил»²⁹⁹. Мы полагаем, что описанное Гадамером «духовное напряжение» появляется в процессе коммуникации индивида и музейной экспозиции. При этом музейная экспозиция состоит из музейных предметов – экспонатов, которые выставлены для экспонирования и являются самостоятельными источниками информации. Отметим, что автором раскрывается механизм работы эффекта сотворчества.

Важным представляется нам концепт «культуры участия» или конвергентной культуры, пришедший в науки о культуре из сферы IT. «Культура участия» в изначальном её значении – это создание и последующее потребление информации в сети Интернет. Каждый человек может производить свой уникальный продукт культуры и предлагать его другим – вот основа концепции

²⁹⁹ Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г. Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – С. 291.

«культуры участия». Возможность к этому дало появление ресурсов типа Web 2.0. Передача информации в подобных ресурсах отличается двусторонним характером. Facebook, Instagram, ВКонтакте, YouTube, LiveJournal – примеры подобных платформ. На них любой пользователь может свободно размещать результаты своего творчества. Например: тексты, видеоролики, фотографии. Чем больше людей, пользующихся данными ресурсами и выбравших их как пространство для своего личного творческого выражения, тем быстрее происходит их изменение и улучшение.

Одним из ярких примеров ресурса Web 2.0, открытого по внутренним правилам пользования для свободного посещения, внесения своих авторских правок, явилась свободная энциклопедия «Википедия». Свободная онлайн энциклопедия предлагает каждому участнику на одинаковых условиях войти в процессы конструирования культурного пространства города, а также глобального культурного пространства. Так, конвергентная культура создаёт возможности для пребывания в процессе непрерывного развития.

Подобная концепция полностью изменяет устоявшуюся взаимосвязь между активным производителем и пассивным потребителем. Социум становится виртуальным и «человек в этих условиях перестаёт быть лишь элементом социальной структуры и получает бóльшую степень свободы в выборе индивидуальной траектории развития»³⁰⁰. Горожанин, имевший ранее возможность занимать только потребительскую позицию, ощущающий на себе воздействие среды, формирующей мотивацию к потреблению определённого продукта, получает возможность стать непосредственным участником процесса сознания нового.

Обратимся к феномену «Participatory museum», или музей 2.0, о котором пишут зарубежные культурологи. Подобный музей развивается при полной зависимости от посетителей, а также от городского сообщества и социальных

³⁰⁰ Штомпель, Л. А. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? [Электронный ресурс] / Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaizatsiya-sovremennoy-kultury-neobhodimost-ili-sluchaynost> (дата обращения: 06.03.2018). – С. 36.

партнёров. Феномен музея 2.0 проявляется, например, в трансляции посетителями мнений о той или иной экспозиции в форме комментариев под постом о ней на странице музея в социальной сети. В момент комментирования его автор из категории пассивных потребителей предложенной информации переходит в категорию одного из участников создания экспозиции. Многочисленные страницы и сообщества музеев в различных социальных сетях, музейные блоги на платформах Web 2.0 консолидируют вокруг музея большое количество людей, имеющих одинаковые интересы и поддерживающих интерес к самому музею. Важной функцией социальных сетей является создание эффекта персональной вовлеченности индивида в музейную деятельность.

Однако Г. Дженкинс, автор работы «Лицом к лицу с вызовами культуры участия», указывает на тот факт, что «культура участия» – понятие намного более сложное по своему смысловому наполнению и не сводится только к современным информационным технологиям, пусть они и являются её главной движущей силой³⁰¹. Дженкинс пишет, что «культура участия», являющаяся новым типом виртуальной коммуникации, скорее причина, а не следствие необратимых процессов, происходящих в культуре. И только через приобщение к конвергентной культуре индивид имеет возможность понять, насколько глубокий и всеобъемлющий культурный сдвиг. Автор заявляет о важности проведения политики внедрения принципов системного развития всех направлений своей деятельности, исходя из принципов «участия», не останавливаясь на введении в работу отдельных технологических новинок во всех институтах образования и культуры, к которым относится и музей.

Д. Агапова считает, что «культура участия» – это коллективная включенность индивидов в социальные и культурные процессы, отличающаяся осознанностью и активной созидательной позицией. «Культура участия» даёт возможность человеку стать равным субъектом конструирования культуры,

³⁰¹ См.: Jenkins, H., Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K., Robison, A. J. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*, 2009. URL: http://mitpress.mit.edu/books/full_pdfs/confronting_the_challenges.pdf.

процессов осмысления и актуализации культурного наследия, выйти из роли очередного «потребителя», подверженного манипуляциям³⁰². Исследование феномена музея 2.0. невозможно, по нашему мнению, без рассмотрения яркого примера данного формата – Google Art&Culture³⁰³. Это сервис, созданный на платформе Google. Он включает в себя экспонаты из более чем 180 музеев мира. Выставки постоянно обновляются, давая возможность увидеть в электронном формате новые экспозиции музеев со всего мира. Google Art&Culture применяет индивидуальный подход к каждому пользователю. Это выражается в том, что поиск построен по ряду критериев: хронологии, городу, где находится произведение, названию музея, имени художника или цветовой гамме, в которой оно выполнено. Платформа даёт доступ к образовательным материалам по культуре и искусству. Часть материалов доступна для скачивания, например, материалы по истории и географии для школьников. Проект Google Art & Culture – это не просто виртуальный музей, но музей, который олицетворяет собой бóльшую степень демократизации культуры и полный отказ от элитарности. Платформа объединяет людей, имеющих возможность пару раз в год посещать мировые художественные галереи, и тех, у кого этой возможности нет.

Таким образом, возможность приобщаться к культуре и искусству, стать знатоком в этих областях становится доступной значительному количеству людей – для этого достаточно иметь гаджет с выходом в Интернет. Отметим, что проект Google является одним из проявлений культурной медиации, а сама виртуальная платформа – это действующий локус медиации культуры современного города. Проект включён в городскую среду через посредство инструмента Street View, который позволяет выбрать один из городов мира, исследовать коллекции его музеев, увидеть памятники архитектуры, руины древних сооружений, дворцы.

³⁰² См.: Агапова, Д. Культура участия: музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия [Текст] / Д. Агапова // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия: сб. статей / Отв. ред. А. Щербак; сост. Н. Копелянская. – М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. – С. 10.

³⁰³ Google Art & Culture [Electronic resource]. – URL: <https://www.google.com/culturalinstitute/beta> (дата обращения: 22.11.2017).

Google Art&Culture открыт для посещения представителям разных конфессий, социальных и культурных слоёв, возрастов, профессий. Они находят для себя нечто новое, получают вдохновение для своей созидательной деятельности, приобщаются к процессу создания новых элементов культуры. Данный процесс ставит их в равные условия и объединяет, так как платформа напоминает открытое городское пространство.

Огромное количество музеев в виртуальном пространстве открыто для любого желающего, ведь у них нет стен и дверей. Это снимает стандартные рамки поведения и приводит к активизации творческого и познавательного потенциала. Культура тут становится мотивацией к реализации личного творческого потенциала, но не конечно целью, продуктом потребления.

Позитивный характер коммуникации между горожанином-посетителем музея и музейными экспозициями связан с наличием адресата и адресанта, объединенных общим каналом коммуникации и обладающих опытом знаковой коммуникации. Например, владение опытом культурных кодов, под которыми понимаются системы поведения и ценностей³⁰⁴. Музейные экспонаты, являющиеся частью экспозиции музея, – адресанты, которые направляют информацию к адресату - посетителю. Подобный канал связи имеет двусторонний характер, где оба коммуникатора оказывают равное влияние друг на друга. Посетитель, имеющий определённый набор культурных кодов, пользуется ими для прояснения смыслов, находящихся в пространстве экспозиции музея. Разрозненные смыслы, объединяясь, создают общее пространство созданное горожанами-посетителями музея.

М.Маклюэн, один из основоположников теории музейной коммуникации в 1960-е годы, создал коммуникационную модель культуры. В своих трудах Маклюэн поднимает тему музейного образования. По его мнению, посетители нуждаются в большей свободе и возможности самостоятельно ориентироваться в

³⁰⁴ См.: Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006.. – С. 404.

информационных потоках, создаваемых в музее³⁰⁵. Маршалл Маклюэн пересмотрел взгляд на антитезу визуальной и тактильной информации, реализуемой в музейном пространстве. Для него классический музей явился неким подобием книги, где основой является сюжет, который дополняют музейные предметы – иллюстрации. Эта концепция представляет музей пространством с чётко определённым смыслом и заранее заданной последовательностью. Маклюэн предлагает рассматривать экспозицию не в её традиционном значении передачи смысла, но в качестве пространства, где смысл создаётся каждый раз заново. Именно эта идея взята на вооружение в современных музеях, которые в качестве основы принципов своей деятельности предлагают «культуру участия». Подобные музеи переводят взгляд посетителя с потребительского отношения к информации на творческое осмысление и активное содействие её получению.

Однако процесс коммуникации в пространстве музея зависит не только от определённого набора культурных кодов, представленного в экспозиции, но и от ценностей, личного опыта, культурно-информационного багажа посетителя. Согласно данному подходу экспозиция трактуется как динамичная система, постоянно продуцирующая и передающая новые смыслы³⁰⁶. При этом от способа функционирования музейной экспозиции как локуса медиации зависит, будет ли сам музей включён в культурное пространство современного города. Г. Г. Почепцов при анализе художественной коммуникации показывает, что она: «...предстаёт во многом как самоописание, и только дополнительные интерпретации позволяют делать перенос на действительность (как, к примеру, читатели «Бедной Лизы» ходили смотреть на место ее гибели)»³⁰⁷. В ходе сравнения художественной и прикладной коммуникации Почепцов пишет, что они в корне различаются. По его мнению, прикладная коммуникация прежде

³⁰⁵ См.: Mörsch, C. *Contradicting Oneself: Gallery Education as Critical Practice within the Educational Turn in Curating. It's all Mediating: Outlining and Incorporating the Roles of Curating and Education in the Exhibition Context* [Text] / C. Mörsch. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 7.

³⁰⁶ См.: *Музейное дело России* [Текст] / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – М.: ВК, 2003. – С. 220.

³⁰⁷ Почепцов, Г.Г. *Теория коммуникации* [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – С. 351.

всего влияет на изменение действительности. Он сравнивает указанную оппозицию с: «...разграничением преформатива и константива»³⁰⁸. При определении понятий перформатива и константива, Г. Г. Почепцов определяет их как «констатив – утверждение; перформатив – констатация и совершение действия одновременно»³⁰⁹. Констативной является художественная коммуникация, а перформативной – прикладная. Современные музеи постепенно переходят от художественной коммуникации к коммуникации прикладной. Прикладная коммуникация реализует основную функцию музея как локуса медиации, а именно его способность к реальному изменению окружающего культурного пространства современного города. Разрыв связи экспозиций музея с реалиями культуры города, региона и страны вызван отсутствием стремления включать в свою деятельность актуальные тенденции развития культуры современного общества и города, а также формирование образа музея как «хранителя» и «консерватора» музейных ценностей, доступных лишь единицам.

К. Морщ, – специалист по культурной медиации, выделяет одну из важнейших функций музея. По её мнению, это «обеспечение пространства для культурных практик, выведенных как из элитарных кругов ценительства искусства, так и из популистских стратегий развития аудитории»³¹⁰. В современном музее задачи музея и роль посетителя подвергаются изменениям. Демократизация форм доступа к культурной продукции, увеличение посредством этого числа посетителей отходят на второй план. В настоящее время музей, тесно связанный с обществом и отвечающий на его запрос, считает посетителей двигателями институтов культуры и искусства. Классический консервативный подход, при котором музей «учил» посетителя, трансформируется в убеждение, говорящее о том, что музеи находятся в процессе постоянного развития, происходящем под воздействием «действий и взглядов всех, кто использует (или

³⁰⁸ Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – С. 352.

³⁰⁹ Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001.. – С. 353.

³¹⁰ Mörsch, C. Contradicting Oneself: Gallery Education as Critical Practice within the Educational Turn in Curating. It's all Mediating: Outlining and Incorporating the Roles of Curating and Education in the Exhibition Context [Text] / C. Mörsch. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 24 p.

не использует) их и действует в них»³¹¹. «Вовлекая аудиторию в сотворчество, музей выходит на другой уровень собственного внутреннего развития, и эта часть новой ситуации только начинает исследоваться»³¹².

К числу приоритетных направлений развития современного музея принадлежат акцентирование внимания на запросах современного потребителя музейных услуг, понимание изменения целевой аудитории, а также поиск возможностей привлечения иных социальных групп и общностей, поиск новых форм экспозиционной деятельности с привлечением нестандартных, творческих, креативных решений; использование современных информационных и коммуникационных технологий, поиск дополнительного негосударственного финансирования за счёт фондов, участие в конкурсах, предоставление нетрадиционных для музейной деятельности услуг³¹³. Помимо этого, для современных музеев, работающих в рамках концепции музейной медиации и культуры участия, важным представляется отказ от роли культурной институции, проводящей своё мнение как единственно верное в вопросах культуры и искусства, и предоставление своим посетителям разных мнений и точек зрения, а не только собственной.

Музей, таким образом, становится посредником, трансформирующим суждения посетителей в новые экспозиции. Задача современного музея – нахождение индивидуального подхода к каждому посетителю, учитывающего его личные предпочтения и не опирающегося на абстрактную «аудиторию музея».

При сравнении О. В. Беззубова указывает, что зарубежные исследователи главную роль в музее отводят посетителю, а сотрудник музея становится посредником, медиатором. В отечественном музееведении музей продолжает

³¹¹ Time for Cultural Mediation [Electronic resource] / Ed. by C. Mörsch, S. Fürstenberg, A. Chrusciel Online Publication. Institute for Art Education of Zurich University of the Arts (ZHdK), commissioned by Pro Helvetia, 2013. – 329 p. – URL: <http://www.kultur-vermittlung.ch/zeit-fuervermittlung> (дата обращения: 11.11.2017).

³¹² Агапова, Д. Культура участия: музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия [Текст] / Д. Агапова // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия: сб. статей / Отв. ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская. – М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. – С. 19.

³¹³ См.: Гиль, А. Ю. Изменения в деятельности музеев с учетом тенденций развития современного общества [Текст] / А. Ю. Гиль // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – С. 49.

занимать доминирующую позицию в структуре коммуникации, а посетитель остаётся пассивным «потребителем», реципиентом³¹⁴.

Через посредство этого создаётся музейное пространство, в котором центральная роль отводится музейной экспозиции. Пространство современного музея открыто для горожан и наполнено актуальными смыслами. Оно выполняет функции «локуса медиации» культурного пространства современного города способного воздействовать на процессы формирования гуманистических ценностей горожан, приобщать их к процессам активного и творческого конструирования культурного пространства современного города.

Конец XX века принёс возможность осмысления музейной экспозиции как специфического вида искусства в рамках образно-сюжетного метода. Образовательные процессы, происходящие в пространстве экспозиции, построены по более сложным принципам, нежели в образовательном учреждении.

Пространство экспозиции наполнено экспонатами и средствами массовой информации для интенсификации их смысла. Посетитель, рассматривая экспозицию, может уделять большее внимание одним объектам и не замечать другие. При этом все компоненты экспозиционно-выставочного пространства активно влияют на окружающую среду.

Современные тенденции развития музея в качестве публичного пространства локуса медиации видоизменили представление о музее, сделав основной упор на публичность зрелищности. Традиционный музей эпохи Просвещения перестаёт быть актуальным, открывая путь современным складывающимся музейным традициям. Музей эпохи Просвещения является банком знаний и информации, тогда как музей в постиндустриальном обществе – банк идей³¹⁵.

³¹⁴ См.: Беззубова, О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса [Текст] / О. В. Беззубова // Коммуникация и образование: сб. статей / Под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 425.

³¹⁵ См.: Гафар, Т. Образование в современном музее: типы программ и направления развития [Текст] / Т. Гафар // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия: сб. статей / Отв. ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская. – М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. – С.32.

На примере локуса медиации музея мы смогли выявить наиболее значимые функции и роль пространств данного типа. Мы полагаем в качестве одного из важнейших условий, которые дадут возможность музею развиваться, существовать и показывать свою конкурентоспособность перед постоянно изменяющимися культурными реалиями и динамично развивающимся культурным пространством городов работу в рамках концепций музейной медиации и культуры участия, что позволит расширить их способствовать аудитории через вовлечение посетителей в процессы сотворчества.

Для современного общества значимым приоритетом является стремление к познанию и самообразованию, позволяющее не отставать от непрерывно изменяющихся реалий. С помощью информационных технологий открываются возможности для получения новых знаний и навыков в любой удобной обстановке. В данных реалиях, при условии постоянно обесценивающейся информации, музей перестаёт играть роль только хранителя и проводника уникального, труднодоступного знания. В современных реалиях спрогнозировать, какое знание будет актуально в современном мире – это сложная задача, поэтому образовательная функция музея должна претерпеть значительные изменения, а коммуникативная – усилиться.

2.3 Городской парк как локус медиации

Ростов-на-Дону – современный южно-российский город. Находящийся на пограничье Северного Кавказа и являющийся «воротами» Северного Кавказа, он являет собой пример города, расположенного на культурном пограничьи, пограничьи восточной и западной ментальности и образов жизни.

Современный этап развития территориальной структуры крупных городов характеризуется существенными трансформациями, изменением конфигурации прежних элементов территориальной структуры города: изменяется их локализация, размер, происходит их перепрофилирование, появляются новые элементы. На фоне стремительного расширения городского пространства

наблюдается одновременное «уплотнение» центральных районов современного города. Так, в частности, в территориальной структуре г. Ростова-на-Дону происходит сокращение промышленных зон в центральной части города за счет перепрофилирования их в объекты культурного, делового и общественного назначения, а также переноса на периферию города или за его пределы. Селитебные зоны центра и участков, расположенных вдоль основных автомагистралей, вытесняются объектами деловой активности. Появление крупноформатных торгово-развлекательных комплексов, концентрирующих вокруг себя прочие объекты третичной сферы, способствует формированию новых локальных центров как городского, так и регионального значения³¹⁶.

Эти обстоятельства актуализируют проблему сохранения исторического центра и уникальной культуры города. Одной из важнейших задач в рамках решения проблемы сохранения исторического центра города является благоустройство центральных парковых зон города, обладающих значительным историческим и культурным потенциалом. Старейшим парком города Ростова-на-Дону является бывший парк КиО им. М. Горького, а ныне Муниципальное учреждение «Городской культурно-досуговый центр им. М. Горького». МУП ГКДЦ им. М. Горького имеет сравнительно небольшую площадь – 11 га³¹⁷. Он находится между двумя центральными улицами города Ростова-на-Дону: Садовой и Пушкинской. Богатая история парка, его центральное положение в пространстве города делают его точкой притяжения жителей и гостей города. Этот парк по праву является тем публичным пространством, которое формирует облик Ростова-на-Дону.

Однако, сегодня парк значительно отстаёт от возросших потребностей горожан. С целью выявления значения локусов медиации в культуре современного города нами в октябре 2017 года был реализован научно-

³¹⁶ См.: Ребайн, А. Я. Историко-градостроительный анализ территориально-пространственного развития Ростова-на-Дону [Текст]: сб. статей / А. Я. Ребайн // Развитие градостроительных систем Северного Кавказа. – Ростов н/Д.: РИСИ, 1988. – С. 4-12.

³¹⁷ История и культура Ростовской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st019.shtml>. (дата обращения: 14.10.2017).

исследовательский проект, направленный на определение основных проблемных аспектов развития МУП ГКДЦ им. М. Горького как локуса медиации, выявление влияния указанного публичного пространства на культуру города Ростова-на-Дону, формирование ряда предложений по благоустройству МУП ГКДЦ им. М. Горького. В основу проекта положена серия индивидуальных глубинных интервью с жителями города Ростова-на-Дону в возрасте от 18 до 80 лет, которые являются посетителями МУП ГКДЦ им. М. Горького.

В ходе работы над проектом определены факторы, препятствующие развитию МУП ГКДЦ им. М. Горького, внесены предложения по благоустройству территории парка.

На примере Ростова-на-Дону можно проследить яркую тенденцию к субурбанизации и деиндустриализации. Данные процессы являются универсальными и свойственны большинству крупнейших городов России, но на локальном уровне имеют ряд специфических особенностей. Процесс субурбанизации проявляется в росте пригородных зон и превращения их с самостоятельными районами компактного проживания, трансформирующиеся в новые топосы города. Данные районы имеют уникальную специфику и постепенно обрастают культурными чертами, становятся частью городской легенды. Развитие внешней субурбанизации сопровождается в Ростове-на-Дону исторически сложившейся внутренней субурбанизацией, выражающейся в размещении примыкающих к центральной части города территорий, занятых усадебной застройкой. Процесс деиндустриализации выражается в ликвидации, переносе на периферию или перепрофилировании производственных предприятий, локализующихся преимущественно в центре города³¹⁸. Районы, ранее промышленные, потеряли свою прежнюю смысловую значимость. Однако промышленная специфика районов отразилась на их архитектуре, культурном наследии районов, выражающемся в памятниках, названиях улиц и площадей.

³¹⁸ См.: Пивоваров, Ю. Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика [Текст] / Ю. Л. Пивоваров. – Нальчик: Полиграф сервис, 2007. – С. 336.

Новая организация городского пространства проявляется и в переходе от моноцентрической структуры городов к полицентрической, формировании новых центров роста на периферии и в целом в географическом «расползании» города Ростова-на-Дону. На данный момент он не имеет четко выраженных ареалов сегрегации и характеризуется слабо стратифицированной социальной структурой локальных поселенческих общностей. Однако тенденция к появлению таких локальных поселенческих общностей уже наметилась. Для Ростова-на-Дону также характерно разделение районов города на «престижные» и «наименее благополучные» зоны³¹⁹.

В Ростове-на-Дону выделяется ряд топосов, имеющих особую культурную специфику, что репрезентируется, в частности, в городских легендах и мифах. Топосами города Ростова-на-Дону можно назвать: Центр (исторический и административный) (концентрирующийся вокруг улицы Б. Садовая и проспекта Пушкинской), Нахичевань, Александровку, Западный, Северный. Для Ростова-на-Дону характерно скрещивание центра исторического и административного, о чём свидетельствует локализация административных, культурных и образовательных учреждений, представительств и филиалов зарубежных компаний, транснациональных банков на территории исторического центра города. Однако постепенно происходит изменение функциональной специфики города, отход от центрально-периферийной модели развития города. Это проявляется в территориальной реорганизации территории, заключающейся в вытеснении агентами деловой активности индустриальных, селитебных и торговых зон из центральных районов города на периферию. Центр города, традиционно являющийся фокусом и важным интегратором городского пространства, местом концентрации экономических, социальных и культурных функций, постепенно утрачивает статус абсолютной точки притяжения, делегируя часть своих функций центрам второго порядка. На традиционную модель центростремительной миграции всё более накладываются активизировавшиеся центробежные и

³¹⁹ См.: Нерсесьянц, Н.Н. Проблемы формирования центра г. Ростова-на-Дону. Застройка Ростова-на-Дону. Проблемы и перспективы [Текст] / Н. Н. Нерсесьянц. – Ростов н/Д, 2005. – С. 22–29.

межпериферийные потоки. Применительно к Ростову-на-Дону понимание центра города как географического объекта довольно вариативное, а понятие границы географической отличается от границы фактической³²⁰.

Анализ основных особенностей территориального развития Ростова-на-Дону показал, что планировочная структура города развивалась организованно с переменным успехом. Хаотически застроенные местными жителями площади постепенно становились частью генпланов. Зеленые зоны также появлялись случайно, и только парк им. М.Горького удачно вписался в планировку, что дало ему право стать главным центральным парком Ростова. Как известно, в ближайшие годы в России будут предприняты значительные изменения ключевых общественных пространств 40 городов с общим населением 28 млн. человек. Ростов-на-Дону вошёл в это число и среди 6 объектов благоустройства значится и парк имени М. Горького³²¹.

На культуру современного южно-российского города Ростова-на-Дону влияют разнонаправленные тенденции, такие как: расширение городского пространства, «уплотнение» центральных районов города, тенденции к субурбанизации и деиндустриализации, формирование новой структуры пространства центра города, которое выражается, в частности, в появлении таких искусственно созданных общественных пространств как пешеходные зоны на улице Семашко и проспекте Соборном в рамках реализации концепции «Дорога к храму»³²².

Пространства, подобные пешеходным зонам на ул.Семашко и пер. Соборном в короткие сроки стали точками притяжения горожан. Однако, следует отметить, что только ограничением для въезда автомобилей локусы медиации не создаются. Необходимо ещё и оборудовать соответствующие места для общения и поддержать традиции и ритуалы общения. Такие точки притяжения, публичные

³²⁰ См.:Нерсесьянц, Н. Н. Проблемы формирования центра г. Ростова-на-Дону. Застройка Ростова-на-Дону. Проблемы и перспективы [Текст] / Н. Н. Нерсесьянц. – Ростов н/Д, 2005. – С. 22–29.

³²¹ КБ «Стрелка» показало, как будут выглядеть городские пространства Ростова после реконструкции. Городской репортёр [Электронный ресурс]. – URL: <http://cityreporter.ru/kb-strelka-pokazalo-kak-budut-vyglyadet-gorodskie-prostranstva-gostova-posle-rekonstruktsii/> (Дата обращения: 14.09.2017).

³²² Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-gorod.ru/index/news/1/320115/> (дата обращения: 13.09.2017).

пространства, где коммуникация между горожанами наиболее интенсивна, мы можем определить как «локусы медиации» в культуре современного города. Находящихся неподалёку от новых пешеходных зон МУП ГКДЦ им. М.Горького также является локусом медиации. В локусах медиации происходят процессы актуальной связи, взаимопроникновение национальных культур, создаётся эффект «плавильного котла». Благодаря данной коммуникации происходит появление новых культурных элементов, которые могут быть инфильтрованы, приняты контактирующими культурами. Обращение к истории бывшего парка КИО им. М.Горького позволит наилучшим образом понять проблемы, связанные с его современным положением. Так же рассматривая указанный парк, мы сможем выявить значение локуса медиации для культуры современного города.

История Городского сада (ныне парка им. М. Горького) началась ещё в 1813 году, когда ростовский купец А.Яценко подарил свои сады городскому магистрату. «В Ростове возникает городской сад, состоящий из нескольких частных участков»³²³. Городской сад, расположенный на углу улицы Б. Садовой и Таганрогского (ныне Будёновского) проспекта, привлекал внимание путешественников ещё в XIX веке. Постепенно – в течение полувека силами горожан создаётся современный нам ландшафт парка. «Следуя рельефу места, были сформированы верхний парк и нижний (так называемый садовый «партер»), который получил впоследствии название «Цветники». Такое разделение парка сохранилось до наших дней»³²⁴.

Необходимо отметить, что уже в XIX веке Городской сад был даже по сегодняшним меркам современным общественным пространством, вмещавшим в себя несколько коммерческих клубов, детские и спортивные площадки, эстраду, фонтан, бассейн с беседками и скульптурами. С 1840 года в парке действовал первый деревянный городской театр. Городской парк

³²³ Сидоров, В.В. Четверть тысячелетия. Городские головы, председатели горсовета, горисполкома, мэры [Текст] / В.В. Сидоров // Южная звезда. Литературно-художественный и публицистический альманах. – Ростов н/Д.: Книга, 1999. – С. 34–35.

³²⁴ Памятники Дона. Сайт защитников культурно-исторического наследия Ростовской области. [Электронный ресурс]. – URL: <http://voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/3053-2013-05-01-15-29-09> (дата обращения: 12.10.2017).

выполнял в этот период функцию зоны отдыха горожан, пространства, где реализовывалась их потребность в культурном досуге и общении. Через посредство Городского сада, т.е. времени пребывания в нём, горожане приобщались к культуре страны и города, узнавали последние новости, имели возможность «выйти в свет». Городской сад являлся одной из городских достопримечательностей, которые отражали культуру эпохи и потребности населения города.

Изменения в социально-политической жизни страны не могли не повлиять на культуру города. Публичные пространства, стремительно реагирующие на изменения городской культуры, являются отличными маркерами, отражающими актуальное положение. В советское время парк им. М. Горького не потерял своего культурного значения.

Революционные события и смена политического строя принесли в пространство данного локуса медиации значительные изменения. В 1936 году Городской сад был переименован в парк КиО им. М. Горького. В этом же году его главный вход был украшен памятником В. И. Ленину. Появились новые скульптуры, уникальный в своём роде фонтан в конструктивистском стиле.

После второй мировой войны парк им. М. Горького пришлось воссоздавать из руин. Многие здания – такие, как Ротонда и Летний клуб приказчиков, были утрачены. Однако появились новые садово-парковые ансамбли, скульптуры, объединённые единым стилем социалистического реализма. В послевоенные десятилетия парк был одним из самых популярных локусов медиации Ростова. Значительную роль в этом сыграли местные власти, которые постоянно работали над благоустройством парка, развивали его инфраструктуру. Локус медиации как пространство коммуникации теряет своё значение и начинает разрушаться, когда в нём прекращается общественная жизнь. В постсоветское время именно это произошло с парком им. М. Горького.

К началу XXI века парк претерпел некоторые изменения, была проведена реконструкция основных элементов паркового ансамбля, появились точки

общественного питания. На сегодняшний день в парке функционируют следующие объекты, представляющие интерес как образцы садово-паркового зодчества, памятники истории и культуры: аттракционы, выставочный зал «Эксперимент», шахматный павильон, географический мемориал «Центр города», кафе «Зеленая горка», кафе «Золотая рыбка», кафе «Старый фонтан», клуб «К-21», клумбы и цветники, обсерватория в парке Горького, памятник «Революционерам», скульптурная композиция «Журавли», солнечные часы³²⁵.

За счёт своего центрального положения парк им. Горького по-прежнему играет в культурной и общественной жизни Ростова-на-Дону немалое значение. В нём проводится значительное количество городских мероприятий, собираются художники, коллекционеры. Однако, по нашему мнению, значение этого локуса медиации в культуре города Ростова-на-Дону на данный момент скорее номинально, что связано с отсутствием качественной парковой инфраструктуры и появлением в Ростове-на-Дону других, более развитых общественных пространств.

Культурологический анализ современного состояния такого локуса медиации культуры города Ростова–на–Дону, как МУП ГКДЦ им. М. Горького, и его значения для города и горожан был проведён с опорой на серию глубинных интервью, выполненных как часть исследования «Формирование комфортной среды МУП ГКДЦ им. М. Горького города Ростова-на-Дону» (см. прил. А).

Исследование проводилось в период с 5 по 12 октября 2017 года и было рассчитано на жителей Ростова. Участниками интервью выступили жители города Ростова-на-Дону в возрасте от 18 до 80 лет, посещающие МУП ГКДЦ им. М. Горького. Цель глубинных интервью – оценка горожанами МУП ГКДЦ им. М. Горького в качестве комфортного публичного пространства исторического центра города Ростова-на-Дону. Посредством интервью нам также удалось сравнить, какое значение имеет парк для современных горожан и какое значение

³²⁵ Ростов – город. Ростов – Дон! Сайт о Ростове и ростовчанах. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ростовгород.рф/13-arkhitektura/824-park-im-m-gorkogo> (дата обращения: 12.10.2017).

он имел ранее. Это дало нам возможность сделать выводы о том, какие меры необходимо предпринимать для успешного функционирования такого локуса медиации как парк.

Начало данному исследованию было положено в 2014. Студентами ААИ Южного федерального университета было проведено исследование публичного пространства «Парка им. М. Горького» (руководитель – профессор Л. А. Штомпель). Исследование проводилось в будние дни в период с 1 по 20 мая 2014 и было рассчитано на жителей Ростова-на-Дону. Целью исследования была оценка парка им. М. Горького с точки зрения горожан. В качестве методов исследования были выбраны наблюдение и анкетирование. В целом проведенный опрос показал, что парк им. М. Горького, несмотря на его удобное местоположение, не соответствует назначению парка. В числе его положительных качеств были отмечены: озеленение, хорошее соотношение тени и солнца; наличие ландшафтного дизайна и малых архитектурных форм; людность, определённая возможность для общения, наличие аттракционов для детей, социальность. Среди отрицательных качеств были отмечены: наличие бездомных, воришек, попрошайек и распространителей рекламы; рестораны и шумная неприятная музыка. Многие люди проходят по его центральной аллее, не задерживаясь в самом парке. Другими словами, парк превратился в транзитную зону. Некоторые горожане отметили, что высокая стоимость билетов на аттракционы заставляет их обходить парк по периметру, чтобы не расстраивать детей. Несколько женщин отметили, что скамейки в парке грязные после ночлега на них бомжей, поэтому сидеть на них невозможно. Таким образом, мы видим начавшийся процесс вытеснения горожан из публичного пространства города – процесс антимедиации.

Анализ глубинных интервью, проведённых в рамках исследовательского проекта 2017 года, позволяет нам выявить проблемные аспекты парковой территории МУП ГКДЦ им. М. Горького. Отличительной особенностью данного

парка является, как было указано выше, его центральное положение и высокая проходимость.

Большинство респондентов отводят парку формальную роль «центрального городского парка», «сердца города», «лица города», «центральной зоны отдыха»: «Это история. Это первый парк города. Центральное место. Центрее ещё нет» (Информант № 13. Мужчина. 50 лет). Однако, подчёркивается, что парк постепенно теряет своё значение: «Раньше людей было много. Ходили, гуляли. Это уже не главный парк города. Хотя это центр города и лицо города» (Информант № 8. Мужчина. 65 лет). По мнению горожан, в прошлом парк играл большую роль в культурной жизни города Ростова-на-Дону. Участники опроса указывают на это: «Раньше там было хорошо гулять, было тихо. Парк был ограждён кованной оградой, вход был платным. Но зато, в парке были танцы, оркестр. Было очень красиво. Это были годы моей молодости 1950, 1960, 1970 годы» (Информант № 16. Мужчина. 80 лет).

В 1990-е годы парк также активно функционировал и был любим горожанами: «В 90-е тут был настоящий парк, люди здесь собирались, были фотографы, были лошади, всё было красиво. Были аттракционы, люди с семьями гуляли» (Информант № 11. Женщина. 45 лет). «Детская площадка (по сравнению с 12-летней давностью) – неухоженная, неубранная» (Информант № 19. Женщина. 60 лет), «...раньше объекты инфраструктуры были лучше. Скамейки выкрашены, сейчас это пришло в запустение. Наверное, раньше, лет 8-10 назад было лучше» (Информант № 17. Женщина. 22 года). Обратим внимание на концепт «красоты», который появляется в ответах респондентов. Красота, по нашему мнению, здесь тесно связана с комфортом окружающей среды.

Значение парка определяется горожанами как: «какое-то место между двумя улицами...» (Информант № 6. Женщина. 47 лет). Подобная характеристика паркового пространства встречается и в других интервью: «...по идее, он должен быть центром культурной жизни. А сейчас он просто зелёное место. Место встречи и транзита между двумя улицами» (Информант № 15. Женщина. 32 года),

а также «...через него проходят с Садовой на Пушкинскую и обратно. В парке задерживаются только дети на аттракционах покататься, и пожилые мужчины поиграть в шахматы/шашки/нарды», «...кроме прохода через него никакой роли он не играет» (Информант № 12. Женщина. 24 года).

Данные мнения респондентов-горожан раскрывают перед нами серьёзную проблему трансформации восприятия парка от «центрального и главного» до пешеходной аллеи, по которой можно сократить путь. Рассмотрим современный план парка (Рис.2. Прил. Б.) и фотографию второй половины XX века (Рис.3. Прил. Б.), – мы можем увидеть аллею, о которой говорят респонденты. Центральная аллея парка, частью своей являющаяся мостом, пересекает его с севера на юг. По периметру аллеи располагаются зелёные насаждения и точки общественного питания. Посмотрев на рис.4 (Рис.4. Прил.Б), мы можем отметить, что проходящий по этой аллее не видит 80% территории парка. По нашему мнению, эта тенденция является скорее следствием, чем причиной потери парком своего значения локуса медиации культуры Ростова-на-Дону.

В ходе интервью был выявлен ряд проблем, которые влияют на потерю парком статуса центрального и восприятие его горожанами. В числе таких проблем: отсутствие освещения, плачевное состояние малых архитектурных форм, неработающие фонтаны. Качество инфраструктуры парка оценивается горожанами как недостаточное: «Фонарей не хватает, фонтанов не хватает. Фонтан, который при кафе, работает, а тот который слева, не работает уже давно. Его делали-делали и так и не доделали. Вот это вот страшное здание стоит на входе (бывшее кафе «Золотая рыбка»): уже снесли бы его или отреставрировали» (Информант № 11.Женщина. 45 лет), «...если честно, то на тройку» (о качестве инфраструктуры) (Информант № 1.Мужчина. 19 лет), «...пожилым людям сюда прийти невозможно. Потому что здесь после 17:00 ничего уже не освещается. Лавочки заняты бомжами, то есть ничего не охраняется. Не радуется глаз» (Информант № 8. Мужчина. 65 лет), «Спуск на нижний ярус давно не ремонтировался: лестница разрушена» (Информант № 19.

Женщина. 65 лет). Атракционы МУП ГКДЦ им. М. Горького функционируют в нормальном режиме, однако посетители отмечают следующее: «Всё устарело: качели, атракционы. Не хватает яркости» (Информант №10. Мужчина. 28 лет), «Как по мне, атракционы – это очень здорово и замечательно, но они располагаются очень концентрированно и там очень шумно» (Информант № 17. Женщина. 22 года), «Атракционы очень старые, мне даже страшно на них прокатиться» (Информант № 1. Мужчина. 19 лет). Стоимость атракционов варьируется в пределах от 120 до 150 рублей, но, по словам горожан, эти цены высоки: «Атракционы по сегодняшнему дню недоступны по ценам. Ну для кого это?» (Информант № 9. Женщина. 49 лет).

Среди основных проблем парка респонденты выделяют также засилье бездомных в пространстве парка: «Лавочки заняты бомжами, то есть ничего не охраняется» (Информант № 11. Женщина. 45.), «На скамейках, судя по следам, спят бомжи. Следы пребывания бомжей есть и за изгородью под атракционами: здесь валяются грязные одеяла и ватники» (Информант № 19. Женщина. 60 лет), «...много алкоголиков, которые спят на лавочках, нецензурно выражаются» (Информант № 5. Женщина. 80 лет). На территории парка находится отделение полиции, однако сил правоохранительных органов не хватает для борьбы с маргиналами.

Точки общественного питания, находящиеся в парке, также оцениваются отрицательно: «Особенно хочется отметить отвратительную музыку, которая на весь парк раздаётся из местных ресторанов» (Информант № 12. Женщина. 24 года), «От самих кафешек воняет» (Информант № 19. Женщина. 60 лет), «...в этом кафе, расположенном в нижнем ярусе, всегда громко играет музыка и в этой зоне тоже не отдохнёшь» (Информант № 17. Женщина. 22 года). Точки общественного питания, исходя из оценок респондентов, не являются местами отдыха, а наоборот, препятствуют ему.

Номинально парк МУП ГКДЦ им.М.Горького имеет статус центрального городского парка, достопримечательности города, «локуса медиации» культуры

современного города, ранее много десятилетий являвшегося точкой притяжения горожан. Но на практике мы видим, как городской парк в связи с разрушением инфраструктуры, низким уровнем безопасности, отсутствием удобных зон отдыха перестал выполнять функции локуса медиации. Именно поэтому многие горожане характеризуют его как зону транзита между двумя центральными улицами.

Проблема благоустройства МУП ГКДЦ им. М. Горького актуальна в силу следующих причин:

– МУП ГКДЦ им. М. Горького – это старейший парк города Ростова-на-Дону, имеющий богатую историю, которую необходимо сохранить;

– МУП ГКДЦ им. М. Горького является частью культурного ландшафта исторического центра города, что делает проблему его благоустройства актуальной;

– В последнее десятилетие МУП ГКДЦ им. М. Горького потерял своё значение точки притяжения горожан. Сбои в функционировании городского парка как локуса медиации в культуре города Ростова-на-Дону негативным образом сказываются на коммуникации между индивидами-горожанами в пространстве центра города. Что, в свою очередь, непосредственно влияет на качество жизни горожан и препятствует формированию новых элементов культуры города.

В ходе проведения серии глубинных интервью были выявлены проблемные точки МУП ГКДЦ им. М. Горького, на основе анализа которых мы можем внести ряд предложений по благоустройству парковой территории:

1) Реконструкция объектов инфраструктуры парка (фонтанов, зданий и сооружений), малых архитектурных форм (скамеек, фонарей, урн).

2) Закрытие территории парка для свободного посещения с 6:00 до 23:00. Установка по периметру территории парка ограды.

3) Организация современных зон, предназначенных для отдыха горожан:
– Расширение парковой зоны, увеличение количества зелёных насаждений, клумб. (в том числе за счёт не используемых территорий парка);

- Создание на территории парка пруда;
- Создание на территории парка зелёного лабиринта;
- Частичная смена аттракционов парка;
- Создание на территории МУП ГКЦД им. М. Горького велосипедных дорожек и пунктов проката велосипедов;

4) Повышение статуса парка, позиционирование его как первого городского парка, достопримечательности Ростова-на-Дону. Для этого необходимо:

- Разработка регулярного воскресного экскурсионного маршрута, посвящённого истории МУП ГКЦД им. М. Горького;
- Организация на территории парка им. М. Горького музея под открытым небом;
- Организация на территории парка пункта радиовещания и свободного доступа к Wi-Fi.

Основной идеей исследования «Формирование комфортной среды МУП ГКЦД им. М. Горького города Ростова-на-Дону» является поиск путей для возвращения данному городскому парку статуса культурной и исторической достопримечательности, популярной среди горожан – локуса медиации в историческом центре города Ростова-на-Дону. Поскольку данный локус медиации носит многофункциональный характер и сосредотачивает в своём пространстве людей различных возрастных групп, обладает центральным месторасположением его значение для города является довольно высоким.

В ходе культурологического анализа данных исследования «Формирование комфортной среды МУП ГКЦД им. М. Горького города Ростова-на-Дону» было выявлено значение развития и благоустройства локусов медиации для современного города. Изучение глубинных интервью, в которых горожане разных поколений делились воспоминаниями и мнениями относительно парка МУП ГКЦД им. М. Горького, обозначило значение парка для их повседневной жизни и позволило создать целостную картину трансформаций парка и его роли в жизни

горожан. Воссоздание картины нескольких исторических, культурных эпох жизни парка дало возможность идентифицировать парк им. Горького как один из наиболее важных парков города Ростова-на-Дону, который в разные исторические периоды являлся отражением актуальных процессов, происходящих с центром города, и уровня культуры городского сообщества – локус медиации. Мы проследили снижение значения парка для города и горожан, а также его превращение из центрального парка города в транзитную аллею между улицами Пушкинской и Большой Садовой. Так, на данный момент парк представляет собой довольно обширную, слабо освещённую территорию с разрушающейся инфраструктурой. При этом он находится в центре города, соседствуя со зданием правительства Ростовской области и центральными улицами. Запустение территории, отсутствие освещения и охраны приводит к появлению в парке многочисленных постоянно проживающих там бездомных, загрязнению территории. Парк, который многие десятилетия являлся лицом города, стал тем пространством, где в силу отсутствия медиации и развития запустились процессы антимедиации, постепенно подтачивающие культурное пространство города Ростова-на-Дону и разрушающие его исторический облик. Восстановление парка в качестве значимого публичного пространства, локуса медиации сделает его, как это было в разные исторические периоды, привлекательной зоной коммуникации для жителей города. Благоустройство локуса медиации МУП ГКДЦ им. М. Горького положительным образом скажется на жителях города Ростова-на-Дону. Площадка медиативного взаимодействия в центре города может стать подспорьем для активной коммуникации, реализации проектов городского масштаба, а также гармонизации пространства центра города Ростова-на-Дону.

Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ЛОКУС МЕДИАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

3.1 Локусы медиации городских сообществ

В последние десятилетия культурное пространство российского города претерпевает значительные изменения. В этих процессах активно задействованы такие участники, как власть и бизнес-сообщества. Появляются новые публичные пространства, обновляется инфраструктура городов. В культурном пространстве современных российских городов появляется всё больше благоустроенных парков, торговых центров, современных молодёжных свободных пространств. Итогом таких перемен стало появление значительного количества активных горожан – предпринимателей, которые, вступая в диалог с властью и предлагая актуальные инициативы, выводят города на новый уровень культурного развития.

Однако стоит отметить, что в вышеуказанном случае инициатива по благоустройству и развитию городов исходит от сравнительно небольшой группы горожан. Остальная же часть жителей города остаётся пассивными наблюдателями и потребителями изменений городской культуры. Но именно горожане, по нашему мнению, являются основной движущей силой изменений культурного пространства и облика современных городов. Это связано прежде всего с тем, что индивиды, проживающие в пространстве города, лучше всех знают его проблемы, имеют собственные воззрения и планы на будущее, связанное с городом, и наиболее отчётливо понимают, что в городе необходимо улучшить, что добавить, а что убрать для наибольшего комфорта. Объединенные в городские сообщества индивиды могут сделать свой город лучше, насытить его жизнь большим количеством культурных событий и преобразовать его согласно своим потребностям.

Городские сообщества являются полноправными субъектами культурного пространства современного города. Сообщества горожан имеют потенциал решения актуальных проблем города с небольшими затратами, касаясь при этом важных вопросов культуры города. В современных реалиях власти всё сложнее

управлять такими сообществами и моделировать их деятельность, исходя из своих нужд, что напрямую связано с прогрессом современных информационных технологий – появлением смартфонов и свободного доступа в Интернет. Теперь горожанину для того, чтобы узнать последние новости из жизни города, достаточно зайти в глобальную сеть. Перед ним откроется широкий спектр новостных источников различной направленности. Ещё 10-15 лет назад в аналогичной ситуации житель города включал телевизор и довольствовался той информацией, которую предлагали местные СМИ с определённой позицией, которая была тесно связана с доктриной местных властей по отношению к городу. Пассивное потребление однообразной информации способствовало отсутствию вовлеченности горожанина в жизнь культурного пространства города, а в некоторых случаях даже отчуждению от него.

Современный этап развития городов характеризуется процессами формирования нового культурного пространства. В рамках данных процессов заметной становится тенденция уменьшения влияния индивидов-горожан на культурное пространство города. Человек остаётся неизменным при постоянном активном росте города. Соответственно, увеличивается разрыв между городом, который находится в процессе постоянного роста, и горожанином. Город в таком контексте – это «...продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами. Сейчас это общепризнанный факт, и в любом основательном исследовании города, рассматривается ли он как экономическая или как социальная единица, считается необходимым ориентироваться на естественные, а не официальные, городские границы»³²⁶. Рост города – это не только увеличение численности населения. Это увеличение или уменьшение количества рабочих мест, расширение перечня профессий, появление новых жилых районов, разрушение старых, изменения статуса тех или

³²⁶ Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок [Текст] / Р. Парк, В. Николаев // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 11–18.

иных городских территорий. Одним из маркеров успешности этого процесса можно считать позитивный характер коммуникации в городских сообществах.

Локальные сообщества одними из первых реагируют на качественные, глубинные изменения, происходящие в городах. Отметим, что процесс коммуникации между культурным пространством города и городским сообществом носит двусторонний характер. Поэтому первостепенной задачей при благоустройстве города является рассмотрение характера общественной жизни города, взаимодействия в его городских сообществах. Современный город является саморазвивающейся системой. Он как совокупность сетей, пересекающихся через интенсивную коммуникацию в точках, которые находятся на пересечениях одной части сети с другой, передаёт значимую информацию о состоянии культуры города и основных тенденциях её развития.

Стремительный рост городов является одной из наиболее важных причин снижения потенциала влияния горожан на город. Данная проблема описана в работах учёных – как отечественных, так и зарубежных: «Рост городов приводит к уменьшению влияния горожанина на город, в связи с этим горожанин перестает чувствовать себя частью города, так как разрывается связь между ним и средой, в которой он живет»³²⁷. Современный мегаполис сталкивается с проблемой социальной и культурной разобщённости, она является актуальной с момента его образования: «Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью», – пишет Георг Зиммель³²⁸.

Жителям современного города, с его интенсивными темпами роста и развития присущ закрытый и изолированный характер отношений. Причинами этого является замкнутость в своём «личном пространстве» и недоверие к окружающему пространству, его составным частям. Г. Зиммель полагает, что именно это становится основными предпосылками атомизации и отчуждённости

327 Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070> (дата обращения 10.05.2017).

328 Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – №3. – С. 6.

горожан друг от друга, зачастую не представляющих, кто их соседи и как они выглядят³²⁹. Быстрая смена поверхностных взаимодействий, присущая жителям больших городов, не оставляет места для рефлексии и проживания мгновения настоящего времени. Усугубляющими положение факторами являются постоянно ускоряющийся темп жизни, большой массив информации, с которым ежедневно сталкивается житель города, повседневная суетность городской жизни. М. Раудсепп при анализе структуры межличностных взаимосвязей делает вывод, что горожане, проживающие в крупных городах, не стремятся к контактам на непохожих на себя людей, взаимодействуя только с гомогенным типом людей³³⁰. Таким образом, горожанин упускает значительное количество потенциально продуктивных контактов, а также всё больше замыкается в себе. О. Веди́на указывает на то, что: «Новая реальность создает мощные стимулы развития и одновременно включает не менее мощные механизмы разрушения прежней коллективности и гражданской солидарности, базирующиеся на представлении о разделяемой городской культуре и общей ответственности»³³¹. Это становится одной из предпосылок к тому, что идеал городского сообщества как сообщества ответственных горожан становится еще менее достижимым, чем раньше.

Для описания постсоциалистических городов также применимо понятие интимизации, обозначающее центральную, по мнению Ричарда Сеннета, характеристику городской жизни XX века: горожане «закупориваются» в своих частных мирках, а количество и качество открытых коммуникативных площадок, которые позволили бы им выйти из своих частных «капсул», постоянно сокращается³³². При этом большинство людей не желают участвовать в коммуникации в публичной сфере, боятся столкновений с незнакомым и непонятным, предпочитают опосредованную (медиализированную) массовую

³²⁹ Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3. – С. 9.

³³⁰ См.: Раудсепп, М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями [Текст]: сб. статей / М. Раудсепп // Средовые условия групповой деятельности. – Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1988. – С. 98.

³³¹ Виноградова, О. Сноб. Настоящее и будущее города [Электронный ресурс] / О. Виноградова. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070/page/2> (дата обращения: 15.02.2018.).

³³² См.: Sennett, R. *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization* [Text] / R. Sennett. – New York: W.W. Norton, 1994. – 432 p.

коммуникацию или наблюдение за жизнью публичных фигур. Открытые городские пространства воспринимаются в таком контексте как пространства опасные, где возможна встреча с неизвестным и непредсказуемым, в результате горожане сами ищут закрытые или доступные только ограниченной публике пространства.

Неоднородное по характеру культурное пространство современного города отличается высокими темпами развития. Факторы эти прямо влияют на характер изменений, которые с ними происходят. Существуют способы прогнозирования этих изменений, которые носят неслучайный характер, путем изучения процессов коммуникации в городских сообществах. Гарсиа Канклини, мексиканский и аргентинский антрополог, высказывает следующее мнение: «Не существенно ли фокусировать внимание на новых формах идентичности, которые складываются в результате из огромных коммуникационных сетей...»³³³. Канклини выделяет проблему коммуникации как одну из центральных проблем современного города.

Жизнь города и его культурного пространства регулируется посредством модерации, и, возможно, перенаправления потоков коммуникации, происходящих в нём. Для рассмотрения примеров модерации при такой коммуникации обратимся к работам М. Ю. Лотмана. Он указывает на то, что автор текста возвышается над читателем, и при попытке читателя внести что-то в этот текст появляется некоторое искажение, ошибки, а также в тексте начинают отражаться субъективные вкусы каждого отдельного читателя. И именно по этой причине, от читателя – потребителя информации – требуются некоторые правила её восприятия: от «...потребителя требуется пассивность: физическая – в театре сидеть и смотреть, в опере – не подпевать, в балете – не пританцовывать, при чтении книги – не только не кричать и не жестикулировать, но и не шевелить губами, читать – даже стихи – глазами, а не вслух; интеллектуальная – проникать в чужую мысль, а не заменять ее своей, не фантазировать, выдумывая другие эпизоды и «концы» для текста, не спасать героя там, где автор желает убить

³³³ Calicini, G.N. The Imagined Globalization [Text] / C.N. Garcia. – Duke: Duke University Press, 2014. – P. 176.

и проч.»³³⁴. При коммуникации в пространстве города эта модерация протекает по таким же законам. Пассивность, о которой пишет Лотман, проявляется и в отношении к процессам коммуникации в культурном пространстве города. А также при коммуникативном взаимодействии. Каждый отдельный индивид – горожанин способен прямо влиять на культурное пространство города. Однако, это будет влияние, которое исходит из его личных взглядов, способностей и устремлений. Оно не будет органично встроено в общую картину городского «повествования». Для того, чтобы культурное пространство города было приемлемо для каждого горожанина и пригодно для коммуникации, необходимо модерировать взаимодействия, происходящие в нём. Эта модерация выражается в самом пространстве города, где существуют законы – общечеловеческие нормы, которые каждый знает с раннего возраста, история и культура города, которая передаётся как часть семейной истории, а также в процессах социализации и инкультурации. В публичных пространствах – локусах медиации – эта модерация проявляется наиболее ярко. Хорошо спланированный и интересный локус медиации привлекает горожан и способствует их коммуникации. Различные истории, воззрения и культурные традиции смешиваются и дают возможность индивиду увидеть что-то новое, возможно, чуждое ему. Эти коммуникативные взаимодействия образуют единый «текст», который в силу своей «пассивности» горожанин не будет отбрасывать, вступать с ним в конфронтацию, но принимать его, а также осознавать себя как часть своей жизни. В этой ситуации актуальным представляется изучение процессов коммуникации в городских сообществах современного города.

Данная коммуникация оказывает влияние на культурное пространство города и горожан. Для изучения коммуникации в современном городе необходимо обратиться к тем пространствам, в которых эта коммуникация осуществляется, то есть к локусам медиации. Одним из главных механизмов снижения конфликтного потенциала в культурном пространстве современного

³³⁴ Лотман, Ю. М. Блок и народная культура города [Текст] / Ю. М. Лотман // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. – Блоковский сборник, IV. – Уч. зап. Тарт. ун-та., Тарту. – 1981. – Вып. 535. – С. 10.

города, базирующегося на крайней индивидуализации горожан, является медиация. Посредничество позволяет создать общее поле конструктивной коммуникации, главным условием которой является прямая вовлечённость в диалог. В локусах медиации, где коммуникация наиболее интенсивна, происходит процесс включения индивида в культурное пространство современного города. Можно пойти дальше, сказав, что диалог, который происходит в локусах медиации – это одна из форм формирования гражданского общества.

В локусах медиации современного города раскрывается характер основных городских проблем, противоречий, и, намечаются пути разрешения этих противоречий, снимается определённая напряжённость между участниками коммуникации. При разрастании городской «сети» происходит изменение в расположении «точек пересечения», в которых ранее происходила коммуникация. Горожане, отчуждённые от «точек пересечения» – локусов медиации на какое-то время теряют связь с культурным пространством города. При появлении разрыва между культурным пространством города и горожанином происходит отчуждение горожанина и от процессов культурной жизни. Это приводит к отсутствию чувства сопричастности и толерантности к проблемам города и его жителей. Индивид-горожанин, отчуждённый от процессов конструирования культурного пространства города и не участвующий в его жизни, постепенно начинает испытывать негативные чувства к своему городу, что выражается в пассивном потреблении его культуры. «Город – это особая жизненная и культурная среда, где создаются уникальные условия для личностной самоидентификации человека, который является носителем культурного наследия и инициатором коммуникационно-культурных взаимоотношений. На уровне мегаполиса социокультурные коммуникации выражены особенно интенсивно, поэтому современные жители находятся в центре культурной жизни, но подвергаются при этом наиболее деструктивным

воздействиям коммуникационного пространства города»³³⁵. Однако, по нашему мнению, эта культурная жизнь не является подлинной, но представляется лишь фикцией, где субъект является потребителем. Поэтому коммуникация в пространстве города действует на него негативно. Отсутствует барьер, медиативный компонент, который позволяет приобщиться к процессам конструирования городской культуры, получить нужную и полезную информацию, так как медиация понимается как способ создания срединной культуры и выбора наилучшего варианта из существующих. Жители города, потерявшие связь с ним, его историей и культурой, представляют собой серьезную проблему для культурного пространства города, так как принимают по отношению к нему позицию в лучшем случае – нейтральную, в худшем – разрушительную, но не созидательную, и поддерживают тем самым стагнацию культуры города.

Для понимания механизмов создания городского сообщества обратимся к работе «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона. Андерсон представляет нацию как воображаемое сообщество: «Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»³³⁶. И наконец, она воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете, именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения»³³⁷.

³³⁵ Якишин, С. В. Культурно-коммуникационное пространство современного города: идентификация личности [Текст] / С. В. Якишин: автореф. дис. канд. филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. арх. строит. ун-т, 2015. – С. 5.

³³⁶ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 29.

³³⁷ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 30.

Редкий житель города бывал в каждом его районе, знает его историю и может найти в этой истории место для себя. Но при этом каждый горожанин идентифицирует себя с городом, тем самым очерчивая вокруг себя воображаемую границу для Других – не горожан. Люди различных классов общества, вероисповеданий, культурных ориентаций и политических убеждений чувствуют себя, тем не менее, единым сообществом в том случае, когда им необходимо справиться с общими конкретными целями и задачами. «Мой» город – словосочетание, которое, исходя из уст горожанина, даёт нам понять, что он является частью общности горожан, частью города. Оно подразумевает антитезу: «Мой» город – «Не мой» город. Человек чувствует себя Своим в культурном пространстве города, а тех, кто не является частью воображаемого городского сообщества – Другим. «Мой» город – это не город в целом, это «Мой» двор, «Мой» дом, «Моя» работа, «Мои» любимые места. Однако для того, чтобы почувствовать себя в полной мере Своим в культурном пространстве города, горожанину необходима некая референтная группа таких же Своих, при сравнении с которой он бы мог самоидентифицироваться и отделить Других. Такими группами становятся локальные городские сообщества, позволяющие чувствовать свою защищённость от условных Других и приобщённость к культурному пространству города. Городские сообщества не являются панацеей в защите от Других и не могут гарантировать только позитивной коммуникации, однако они позволяют горожанам сплотиться для реализации каких-либо целей и задач, которые в конечном итоге пойдут на благо города. В ситуации горожанина, оторванного от культурного пространства города, городские сообщества начинают играть роль той собирательной силы, которая помогает человеку заново приобщиться к культуре своего города.

Тенденции к индивидуализации жителей, проживающих в современном городе, который отличается активными темпами развития, прослеживаются в их культурных пространствах. Существует прямая связь между размером города и

степенью разобщенности его жителей – чем больше город, тем более индивидуалистичны его жители.

Г. Зиммель полагает одной из важных причин внутренней индивидуализации горожанина – жителя большого города: «трудность приобрести значение при огромном масштабе жизни больших городов»³³⁸. Социальная разобщённость приводит к отсутствию возможности формирования группы Других, противопоставляя себя которой можно формировать свою идентичность. И тогда индивид для того, чтобы стать значимым для социума, прибегает, по мнению Зиммеля, к чудачествам, экстравагантному поведению, умышленному противопоставлению себя социуму, либо отдалению от него. Главным в этом процессе является уже не содержание, а сама форма поведения, которая служит способом привлечения внимания массы горожан. Зиммель пишет об этом следующее: «Для многих это, впрочем, единственное средство, – благодаря вниманию других самому начать ценить себя и сознавать, что занимаешь некоторое место»³³⁹. Этим компенсируется недостаток культуры городских сообществ и публичных пространств в мегаполисах, где экстравагантные формы поведения могут являться одним из способов преодоления культурного «голода», возникающего при отчуждении от культурного пространства. Маленький город может предоставить своему жителю возможность долгих и частых встреч как со Своими, так и с Другими. Эти встречи в корне своём служат цели образования комфортных городских комьюнити, где присутствуют безопасные Свои, и отделению от Других при подспудном сравнении себя с ними. Питер Слотердаик в первом томе «Пузыри» труда «Сферы. Микросферология» показывает нам одно из наиболее важных назначений Другого: «То, чего люди хотят от Другого, – это размещённый на правильном уровне ответ на привлекательность и расположение другой стороны. В этом отношении быть и привлекать – суть одного и того же»³⁴⁰.

³³⁸ Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – №3. – С. 1–12.

³³⁹ Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – №3. – С. 1–12.

³⁴⁰ Слотердаик, П. Сферы. Микросферология [Текст]: в 2 т. / П. Слотердаик. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 1. Пузыри. – 688 с.

С разобщенностью городских жителей и проблемой формирования городских сообществ, по нашему мнению, связан такой негативный аспект существования городской цивилизации, как «геростратизация»³⁴¹. Герострат – житель древнегреческого города Эфеса (ныне территория Турции), который сжёг знаменитый храм Артемиды в своём родном городе летом 356 года до н. э.³⁴². В тексте Валерия Максима есть упоминание о том, что главным мотивом Герострата было привлечение внимания к своей персоне и желание, чтобы его имя помнили потомки³⁴³.

Жан-Поль Сартр в новелле «Герострат» описал и предугадал один из самых неоднозначных феноменов XX века, напрямую связанный с городской культурой. Новелла рассказывает о классическом «маленьком человеке» – мелком служащем конторы, горожанине, который переживает полную отключённость от мира, выраженного для него в культурном пространстве города. Он живёт в высотном доме, и тут мы можем вспомнить о проблеме спальных районов с их высотными домами и отсутствием оборудованных дворов, где никто не знает друг друга и каждый за себя. Герой смотрит на людей с высоты своего этажа. Люди не являются для него объектом тревог, но и он не является для них кем-то значимым. Главный герой боится покинуть свою квартиру. Он страшится людей, которые могут толкнуть его плечом, нагрубить или даже избить. Из страха и чувства незащищенности он покупает револьвер. В какой-то момент главному действующему лицу приходит в голову мысль стрелять в людей, а затем он убивает прохожего. «Они, сильные, давно уже меня подстерегают; они толкали меня на улице, чтобы посмеяться, посмотреть, чем я отвечу. Я молчал. Делал вид, будто ничего не понимаю. Однако они продолжали делать свое дело. Я боялся их – это было предчувствие», – от лица героя пишет автор. Сартр, комментируя поведение своего героя, делает такой вывод: «Так устроен мир... то, что вчера

³⁴¹Геростратизация [Электронный ресурс] // CREDO NEW теоретический журнал. – URL: <http://credonew.ru/content/view/1294/68/> (дата обращения: 21.12.2017).

³⁴² Герострат. Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Герострат> (дата обращения: 21.12.2017).

³⁴³ Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения [Текст]: в VIII кн. / Максим Валерий. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1772. – Кн. VIII. – С. 398.

было возмутительным, сегодня становится нормой. Я люблю людей, своим образом жизни вызывающих нас к сомнениям в необходимости привычного благополучия, провокаторов изменений, плевателей на наши памятники. Каждый мужчина должен изобрести свой путь»³⁴⁴. Во время написания произведения подобная ситуация могла считаться более ярким литературным образом, нежели реальностью. Однако путь героя Сартра в современном городе – не редкость.

Отделённый от культурного пространства города и коммуникации в нём, индивид испытывает неуверенность, основанную на отсутствии подтверждения своей значимости, что толкает его на крайние меры проявления себя. И для того, чтобы выделиться, горожанин идёт на рискованный шаг – стать Другим для принимавшего его ранее городского сообщества. Он как бы выражает собой все страхи, сомнения и гнев городского сообщества. В такой ситуации важной представляется деятельность, направленная на консолидацию городского населения и приобщение его к отдельным аспектам жизни культурного пространства.

Городские сообщества являются одними из самых активных участников жизни современных городов. Постепенно они начинают играть всё большую роль в жизни современного города по причине того, что служат удовлетворению потребностей горожан и приносят городу конкретные результаты. Такие сообщества отличаются также тем, что являются способом расширения и упорядочивания досуга горожан, удовлетворения их интересов, формирования новых направлений деятельности, раскрытия творческого потенциала, гражданского самосознания, работают для улучшения качества жизни на локальных городских территориях, создают новые публичные пространства. Примерами данных сообществ могут выступать молодёжные сообщества, профессиональные объединения горожан, товарищества собственников жилья, студенческие объединения и объединения молодых матерей, которые, скажем,

³⁴⁴ О Геростратах [Электронный ресурс] // Журнал «Психология». – URL: psychology.su/2009/06/28/o-gerostratax/ (дата обращения: 21.12. 2017).

гуляя в одном и том же парке, будут ратовать за развитие его инфраструктуры и появление новых форм досуга, как детского, так и, например, для людей пенсионного возраста и других категорий населения. Примером воздействия молодёжных сообществ на городское пространство можно считать появление таких публичных пространств, как антикафе, свободные пространства, скейтпарки, зоны для занятий спортом. Представители профессиональных объединений, встречающиеся в каком-то кафе, могут придать ему статус места встречи всех архитекторов или всех программистов города.

Представитель Чикагской социологической школы Л. Вирт, рассматривая город как особую форму человеческой ассоциации, пишет: «На основе наблюдений и исследований можно сформулировать ряд социологических суждений о связи групповой жизни с (а) численностью населения, (б) его плотностью и (в) гетерогенностью жителей....В агрегате, члены которого обладают столь разнородным происхождением и столь разными качествами, узы родства и соседства, а также чувства, порождаемые совместной жизнью на протяжении многих поколений в условиях общей народной традиции, скорее всего, будут отсутствовать, либо, в лучшем случае, будут относительно слабыми. В таких условиях место уз солидарности, на которых держится единение народного общества, занимают механизмы конкуренции и формального контроля»³⁴⁵. Сохранению уз, родства и соседства в данном случае способствует медиация в культурном пространстве города, выраженная различными формами.

По мнению Г. Зиммеля, города состоят из сообществ, а не противостоят им. Роберт Парк определяет сообщество как «собрание людей, занимающих более или менее четкую область»³⁴⁶. Локальные сообщества обладают потенциалом к изменению отношения горожан к культурному пространству города и себе, как его части, дают возможность безопасного самовыражения.

³⁴⁵ Вирт, Л. Избранные работы по социологии [Текст] / Л. Вирт. – М.: ИНИОН, 2005. – С. 118.

³⁴⁶ Парк, Р. Организация сообщества и романтический характер [Текст] / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – №3. – С.13–18.

В «Городе» Макса Вебера фигурирует такое понятие, как «братство», в контексте братства горожан, прообраза городского сообщества: «Большинство крупных французских городов также получили самостоятельное городское устройство в принципе сходным путем, посредством скрепленного клятвой братства горожан»³⁴⁷. Вебер рассматривает природу городского объединения и его назначение. Братства, которые несли в себе потенциал серьёзной политической и экономической силы, имевшей возможность отстаивать право на существование, явились той силой, которая привела европейские города к активному развитию. Таким образом, ученый понимал братство горожан как движущую силу, которая способствовала получению участниками различного рода привилегий, защиты от негативных внешних и внутренних воздействий, а также чувства принадлежности к становлению культуры города.

Обратимся к теории медиа для рассмотрения процессов коммуникации, проходящих между СМИ и горожанами в культурном пространстве современного города. Маршал Маклюэн во второй половине XX века выдвинул теорию, обосновывавшую влияние медиа на общество. Он полагал, что при помощи медиа, и в особенности электронных СМИ, социум трансформируется и возвращается к своему первобытному состоянию. При этом у людей просыпается многомерное восприятие мира и взаимодействия с другими прежде всего – через визуальные и аудиовизуальные каналы. Электронные средства коммуникации, по мнению Маклюэна, – это продолжения нервной системы, которые изменяют психическую и общественную жизнь человека. М.Маклюэн также утверждал, что «можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур»³⁴⁸. Все средства коммуникации он делит на «холодные» («cool») и «горячие» («hot») ³⁴⁹. «Холодные» СМИ – это СМИ, не выражающие одну точку зрения, выдающие определённую информацию без авторской оценки. «Горячие» СМИ,

³⁴⁷ Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

³⁴⁸ Маклюэн, М. Понимание медиа, внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2003. – С. 464.

³⁴⁹ Маклюэн, М. Понимание медиа, внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2003. – С. 464.

напротив, выражают точку зрения автора и проявляют своё активное участие в отношении каких-либо вопросов. Теория Маклюэна подвергалась определённой критике в ходе своего существования. Многие авторы видят в ней субъективность оценок, а также представление человека в основном в роли потребителя информации. Но при этом мы можем отметить, что он предугадал особенности современной медийной и виртуальной культур, где СМИ играют действительно важную роль в формировании общественного мнения.

Такие авторы, как Джей Болтер и Ричард Грусин, развивающие теорию «ремедиации», соглашаются с М. Маклюэном. Создатели исходят из тезиса Маклюэна о наследовании медиа, при этом развивают его теорию, несколько дополняя. Это наглядно передаёт те процессы, которые происходят с теорией «медиа», а именно – её постоянное дополнение новой информацией. Одним из главных постулатов теории является утверждение о том, что ни одно новое медиа не является подлинно новым: к уже имеющемуся добавляются новые детали. Из этого следует, что подлинной медиации в этой сфере не может существовать – только ремедиация. Д. Болтер и Р. Грусин пишут о том, что медиация может быть непосредственной и гипермедиационной – с присутствием медиума. При этом сложность данного теоретического конструкта авторы оправдывают тем, что его можно использовать по собственному усмотрению: «решение, какой медиум ремедируется или какой ремедирован, зависит от интерпретации...»³⁵⁰. Ремедиация представляется выполнением новыми технологиями старых функций. Тогда электронные носители, не говоря уже о социальных сетях как о проявлении современных медиа, становятся заменителем музейной экспозиции, театрального представления или публичного пространства.

Продолжателем теории медиа Маклюэна является и Вольфганг Эрнст. Он также рассматривает феномен наследования медиа: «медиум-предшественник является не только содержанием нового медиума, но именно благодаря ему

³⁵⁰ Bolter, J.D., Grusin, R. Remediation: Understanding New Media. Cambridge [Text] / J.D. Bolter, R. Grusin – MA: MIT Press, 2000. – С. 21.

(последующему медиа) предшествующий медиум вообще может стать предметом исследовательского анализа»³⁵¹.

Мишель Фуко применяет при исследовании медиа дискурсивный анализ, который связан с культурными исследованиями. При таком анализе медиа рассматриваются как то, что базируется на ранее существовавших практиках и при этом активно использует их.

Согласимся с вышеуказанными мнениями, но с некоторой оговоркой. Медиация в данном случае может не подменяться ремедиацией, так как современный горожанин всё чаще из пассивного потребителя информации становится её создателем, что проявляется в появлении культуры Web 2.0., одной из форм которой являются такие платформы, как ВКонтакте, Instagram и Facebook. На этих платформах из новостных ресурсов, групп, выраженных в виде сообществ или официальных страниц, горожанин может получать актуальные новости и сам создавать новостные поводы. И. И. Засурский говорит о том, что в современной информационной среде появляется новый тип зрителя – актер, или вовлеченный, участвующий зритель³⁵².

Мы можем сделать вывод о том, что принципы деятельности современной медиа и цифровой культуры базируются на существовавших ранее культурных формах. Поэтому использовавшиеся ранее в культурном пространстве городов способы объединения жителей могут быть задействованы в виртуальной культуре в том или ином виде. Мы полагаем, что содержание деятельности и коммуникации при этом остаётся прежним, изменяется только их форма.

В последние годы процесс «диджитализации» качественным образом изменил жизнь горожан и культуру города, а также городские исследования, вынужденные оперативно реагировать на стремительно изменяющуюся структуру городского опыта³⁵³.

³⁵¹ Эрнст, В. Время медиа: понятия, археология, наука. Медиа между магией и технологией [Текст] / В. Эрнст. – М.: Екатеринбург, 2014. – С.150.

³⁵² См.: Засурский И. И. Об изменениях в медиасреде и сознании людей. [Электронный ресурс] (2018). URL: <http://www.cossa.ru/articles/234/15838/>. (дата обращения: 02.03.2018).

³⁵³ См.: Новикова А. А. Антропология медиа в России: истоки и перспективы. // Этнографическое обозрение. – № 4. – 2015. – С. 3–12.

Под «диджитализацией» понимается существование информации в виде цифрового кода, выраженного в медиатизированных объектах, а также изучение среды современного цифрового города. Учёные, рассматривающие этот процесс, считают, что «диджитализация» продуцирует новые грани и измерения городской жизни и городской культуры, такие как ранее не существовавшие виды публичных пространств, городских повседневных практик и само культурное пространство города. Существует два подхода к изучению данного процесса: техноцентрический и антропологический.

Изучением техноцентрического подхода, или «цифрового техноцентризма» занимаются британские учёные – социальные географы, например, М. Джодж и Р. Китчин. В основе их подхода лежит идея о том, что структура современного городского опыта изменяется под влиянием цифровых технологий³⁵⁴.

Ш. Фрэнч и Н. Трифт в связи с интенсивным внедрением современных цифровых технологий в жизнь современного города пишут о таких феноменах, как «цифровая рутина» и «цифровое бессознательное»³⁵⁵. Одним из критериев высокой степени включённости цифровых и мультимедийных технологий в культуру города является «невидимость». М. Вейзер, в частности, отмечает: «Наиболее значимы исчезающие технологии. Они вплетаются в ткань повседневной жизни и со временем становятся неразличимы»³⁵⁶.

Лев Манович указывает на тот факт, что объединение социальных и пространственных процессов, происходящих в городе с цифровыми технологиями, как объект изучения в городских исследованиях является одним из наиболее актуальных. В книгах «Язык новых медиа» и «Программное обеспечение берет управление на себя» Л. Манович поднимает эту тему и высказывает мысль о том, что современные цифровые технологии в наше время стали активным участником развития культуры³⁵⁷.

³⁵⁴ См.: Kitchin, R. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge [Text] / R. Kitchin, M. Dodge. – MA: MIT Press, 2011. – 350 p.

³⁵⁵ См.: Thrift, N. The automatic production of space [Text] / N. Thrift, S. French // Transactions of the Institute of British Geographers. – 2002. – vol. 27. – P. 309–335.

³⁵⁶ Weiser M. The computer for the 21st century. // Scientific American. – 1991, vol. 265(3). – P. 94.

³⁵⁷ См.: Manovich, L. Software Takes Command [Text] / L. Manovich. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 307 p.

Одним из способов приобщения горожанина к культурному пространству города в современном мире является его обращение к актуальным городским культурным практикам. Цифровые технологии, всё больше проникающие в жизнь горожанина, находят своё отражение в социальных сетях, где формируются виртуальные сообщества, посвящённые городу. В современном информационном поле социальных сетей можно выявить группы, создающие «поле мнений», касающееся жизни конкретного города. Информация, содержащаяся в данных группах, становится для исследователя одним из способов изучения специфики того или иного города.

Так, участие в виртуальных городских сообществах позволяет чувствовать себя причастным к культурным процессам, приобщиться к современной городской культуре. Создание и развитие городских сообществ в социальных сетях является одним из способов формирования городского сообщества, так как позволяет любому индивиду находиться в состоянии взаимодействия с развивающимся городом и занимать активную позицию в процессах создания культуры современного города. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях являются одним из актуальных и действенных, по нашему мнению, способов снижения напряжённости, которая возникает вследствие отчуждения индивида от культурного пространства города.

Исследования городских цифровых технологий тесно связаны с исследованиями городского пространства. Д. Мэсси³⁵⁸ и Дж. Урри³⁵⁹, а также ряд других исследователей полагают, что фундаментом социальности в современном городе являются не пространства, а процессы. Рассмотрение в этом ключе транзитивных пространств, «точек» наибольшей мобильности говорит о том, что существует новый, мобильный тип городского общества.

³⁵⁸ См.: Massey, D. For Space [Text] / D. Massey. – London: Sage Publications, 2005. – P.107.

³⁵⁹ См.: Urry, J. Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletiya [Text] / J. Urry. – Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 336 p.

В труде «Антропология супермодерности» Марк Оже описывает транзитивные пространства как особо значимые для городской культуры³⁶⁰. Автор отмечает, что непрерывные процессы мобильности стали основой для современного городского сообщества. Данные процессы, по его мнению, трансформировали общественную и пространственную структуры современного города. Оже упоминает «не-места», под которыми понимает структуры, главной функцией которых являются постоянные перемещения. «Не-места» способствуют индивидуализации современного горожанина при помощи утверждения знаково-опосредованной социальности как наиболее значимой коммуникативной модели. Таким образом, индивидуализация индивидов-горожан определяется пространственно и символически, что приводит к лишению пространства собственной истории и личной наполненности.

Андиана де Соуза Сильва и Эрик Гордон в труде «Net – пространства: почему пространство имеет значение в сетевом обществе» указывают, что первостепенным вопросом при рассмотрении современных цифровых технологий является изучение контекстов и повседневных практик их использования³⁶¹. Это необходимо, потому что цифровые технологии создают некий пространственный и социальный опыт.

Изменения, связанные с развитием современных цифровых технологий, постепенно захватили города. Новые мобильные устройства, появление и развитие геолокационных сервисов, активное внедрение технологий в повседневную жизнь привело к смещению взгляда горожан с реального культурного пространства города на пространство виртуальное, а также трансформировало самих горожан, находящихся в условиях подобных изменений повседневности. Современные цифровые технологии принято связывать с понятием «сеть». Но «сетевые технологии», связанные с появлением и развитием социальных сетей, также постепенно изменяются. Ли Райни и Барри

³⁶⁰ См.: Augé, M. Non-Places: An Introduction to Anthropology of Super modernity [Text] / M. Augé // London: Verso. – 1995. – P. 77–96.

³⁶¹ См.: Gordon, E. Net Locality: Why Location Matters in a Networked World [Text] / E. Gordon, A. de Souza e Silva. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – P.178.

Веллман в книге «Связанные сетью. Новая социальная операционная система» пишут о том, что на момент 2012 года прошло 3 этапа коммуникативной революции. К этим этапам они относят революцию социальных сетей, революцию Интернета, мобильную революцию³⁶². Мобильная революция привела современных горожан к состоянию « сетевого индивидуализма », который является отражением и одновременно определяет особенности существования современных горожан. « Сеть » во время мобильной революции отходит на второй план, а на её место приходит мобильная коммуникация как умение не только быть включённым в « сеть », но и управлять процессами, происходящими внутри сети, уметь продуктивно использовать связи или уклоняться от них при коммуникации. Такая возможности управлять процессами коммуникации в сети по собственному усмотрению представляется как способность активного участия в жизни « сети », в данном случае сети социальной. Проактивное движение позволяет творчески модерировать и развивать коммуникацию. Социальные сети в современной России набирают всё большую популярность³⁶³. Их большое влияние на нашу жизнь приводит к выводу, что к локусам медиации следует относить не только реально существующие публичные пространства города, но и группы в социальных сетях, которые создаются для обсуждения проблем городской жизни. Виртуальные городские сообщества имеют собственную историю, а также постоянных посетителей из числа горожан, которые совместно с модераторами в процессе коммуникации формируют определённые гласные и негласные правила.

Понятие « виртуальное сообщество » впервые использовал Г.Рейнгольт. Он определил « виртуальное сообщество » как объединение людей, складывающиеся в сети, когда какая-либо группа обсуждает свои проблемы « достаточно долго и человечно » для того, чтобы сформировать сеть личных

³⁶² См.: Rainie, L. Networked: The New Social Operating System [Text] / L. Rainie, B. Wellman. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 357 p.

³⁶³ Хабрахабр. Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://habrahabr.ru/company/palitrumlabor/blog/259903/> (дата обращения: 17.10.2017).

неформальных отношений³⁶⁴. По сути, такие сообщества – это модель организованного социума. В работе «Объекты и субъекты информационного противоборства» А. В. Манойло выделяет ряд качественных характеристик, которые позволяют отличить виртуальное сообщество от других объединений в сети Интернет³⁶⁵. Одной из главных характеристик этого он представляет то, что виртуальные сообщества принимают в свою структуру изначально не принадлежащие им материальные и интеллектуальные ресурсы, полностью заимствуют составные части других социальных систем.

По мнению М. Кастельса, виртуальные сообщества включают: а) людей, вступающих в социальное взаимодействие для удовлетворения собственных потребностей, а также участия в выполнении социальных ролей; б) общие цели, имеющие в своей основе удовлетворение общих интересов, потребностей и т.д.; в) нормы, которыми руководствуются участники онлайн-взаимодействия; г) компьютерные системы, посредством которых и происходит непосредственное взаимодействие в Интернет-пространстве³⁶⁶.

Рассмотрим виртуальные локусы медиации с точки зрения исследования интернет-культуры и цифровой антропологии. Цифровая антропология – направление исследований, которое начало активно развиваться во второй половине 20-х годов XX века. Изначально оно появилось как один из подходов к изучению «диджитализации». Авторами, работавшими над исследованиями в данном направлении, являются Адриана де Соуза-и-Сильва, Э. Гордон, Б. Веллман, Л. Рэйни.

Для цифровой антропологии характерным является отказ от представлений о «дегуманизации» культурного пространства города посредством современных цифровых технологий. Для них важными являются не сами технологии, но культурные контексты, в которых они используются, а также сами пользователи.

³⁶⁴ См.: Патаракин, Е.Д. Сетевые сообщества и обучение [Текст] / Е. Д. Патаракин. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – С.112.

³⁶⁵ См.: Манойло А.В. «Объекты и субъекты информационного противоборства». [Электронный ресурс] URL: <http://psy.piter.com/library/?tp=1&rd=8&l=636&p=1293>. (дата обращения: 17.10.2017).

³⁶⁶ См.: Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 42.

По мнению специалистов, занимающихся данной проблематикой, пользователи цифровых технологий способны к адаптации и переработке сценариев их использования, введения новых сценариев, ранее не существовавших. Диджитализация в этом ракурсе представляется универсальным катализатором процессов коммуникации в виртуальном пространстве городской культуры. Внедрение современных технологий происходит в уже сложившиеся социальные и культурные системы современного города, где имеют место определённые правила коммуникации, моральные и этические нормы. В данном случае есть возможность обращения к локальным практикам использования цифровых технологий. Исследования особенностей использования современных цифровых технологий в среде городского сообщества, особенностей производства и воспроизводства локальных пространств представляются актуальными для понимания процессов коммуникации в культурном пространстве современного города.

Также значимыми для рассмотрения процессов коммуникации в культурном пространстве представляются исследования, которые раскрывают особенности использования мобильных устройств и культурные аспекты данного феномена. Такие исследования проводились в ряде стран, а именно: в Японии, городах Юго-Восточной Азии и Бразилии³⁶⁷. Результатами исследований стал, в частности, вывод о том, что использование цифровых устройств, таких как смартфоны, например, создаёт новый локальный порядок, увеличивает значимость некоторых «точек» города³⁶⁸. Фотографии или видеозаписи, созданные в определённых точках города, привлекают к ним внимание, таким образом увеличивая количество горожан, которые хотят там побывать. Приходя туда, они также делают фотографии для социальных сетей. На этом примере мы можем рассмотреть, как реальное культурное пространство города тесно связано

³⁶⁷ См.: Ito, M. *Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005; Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002; Duarte F., de Souza e Silva A. *Arte.mov, Mobile fest and the emergence of a mobile culture in Brazil [Text]* / M. Ito, M. Matsuda, M. Okabe; the *Routledge Companion to Mobile Media*, ed. G. Goggin, L. Hjorth. – New York: Routledge, 2014. – P. 206–215.

³⁶⁸ См.: Gordon, E. *Net Locality: Why Location Matters in a Networked World [Text]* / E. Gordon, A. de Souza e Silva. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – 187 с.

с пространством виртуальным в культуре современного города. Смартфон с доступом в Интернет в руках горожанина становится инструментом, с помощью которого он может преобразовывать культурное пространство города, буквально по собственному желанию.

Некоторые авторы, такие как Адриана де Соуза Сильва, выдвигают гипотезу о том, что прообразом современных гаджетов были книги. Книги позволяли горожанину индивидуализироваться и пребывать в некоем параллельном мире³⁶⁹. Барри Велман, первым заговоривший о «сетевом индивидуализме»³⁷⁰ наравне с другими антропологами, полагал, что гаджеты и мобильные устройства представляют ряд возможностей по управлению дистанцией между индивидами в социуме. К примерам такого управления дистанцией и жизнью в целом можно отнести способность к одновременному присутствию в нескольких пространствах города, которую дают гаджеты, а также возможность быстрого «переключения» между ними. При погружении посредством гаджета в реальность виртуального сообщества человек испытывает определённые эмоции и некоторым образом привыкает к его участникам – это позволяет говорить о том, что виртуальное сообщество является именно «сообществом» горожан, а не чем-либо другим.

Здесь стоит упомянуть различия между «сообществами онлайн» и «онлайн-сообществами»³⁷¹. По мнению Я.Ван Дейка, «сообщество онлайн» – это сообщество жителей города, объединённых общей территорией и использующих при коммуникации современные информационные технологии. Такая коммуникация, по нашему мнению, работает на сплочение участников «сообщества онлайн» и позволяет организовать совместную деятельность уже в реальном культурном пространстве города. «Онлайн-сообщества» – это коммуникационные площадки, для которых важна не только принадлежность к

³⁶⁹ См.: De Souza e Silva, A. Mobile Interfaces in Public Spaces: Locational Privacy, Control, and Urban Sociability [Text] / A. De Souza e Silva, J. Frith. – New York: Routledge, 2012. – 224 p.

³⁷⁰ См.: Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles Sociological Theory R.Collins (ed.). // San Francisco. – 1983. – P. 156–162.

³⁷¹ См.: Van Dijk, J. The Network Society. 2-nd ed. London: Thought hand Oaks [Text] / J. Van Dijk. – New Delhi: Sage Publishing, 2006. – 292 p.

территориальной общности горожан, но и причастность к деятельности конкретного виртуального сообщества.

Современные горожане зачастую состоят в нескольких виртуальных городских сообществах в социальных сетях и являются их активными пользователями. Одной из причин отказа от приобщения к конкретному сообществу является желание получить больше информации, которая в каждом сообществе носит определённую специфику. В ходе рассмотрения специфики коммуникации в виртуальных городских сообществах обратимся к статье А. В. Павлова «Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией»³⁷². Автор выдвигает следующую гипотезу: «...коммуникация локальных сетевых сообществ в социальных сетях происходит не просто в форме «публичных сетевых разговоров», а балансирует между двумя режимами, которые можно условно назвать «соседским» и «гражданским» и которым соответствуют разные типы сетевых публик»³⁷³. «Соседский» режим коммуникации в виртуальных сообществах сходен с коммуникацией во время «тротуарных разговоров», описанных Джейн Джекобс и определяемых ею как «мимолетные публичные контакты на локальном уровне – в большинстве своем случайные, в большинстве связанные с заботами дня, неизменно дозируемые самими участниками, которым никто ничего не навязывает»³⁷⁴. Такая коммуникация по своему характеру является случайной, посвящённой локальным проблемам городской повседневности. При этом она разворачивается в виртуальном публичном пространстве города. Таким образом, платформа в сети Интернет начинает играть роль публичного пространства города. Д.Уокер в своей диссертационной работе, посвящённой коммуникации, на одном из городских форумов Филадельфии philiblog.com описала городские

³⁷² Павлов, А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А. В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

³⁷³ Павлов, А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А. В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

³⁷⁴ Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов [Текст] / Дж. Джекобс. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

виртуальные сообщества в качестве одного из способов конструирования локальности³⁷⁵. Примерами такого производства являются вопросы городского планирования, увеличения границ городской территории, а также вопросы, касающиеся судьбы различных локальных объектов.

«Гражданский» режим коммуникации направлен на обсуждение его участниками конкретных городских проблем с целью их совместного решения. При таком режиме коммуникации подчёркивается «значимость прагматического аспекта этой коммуникации: она охватывает также те случаи локального сетевого общения, когда участники сообщества не ограничиваются спонтанной дискурсивной партиципацией, а от обсуждения общих интересов, связанных с городским пространством, переходят к коллективным действиям в их защиту, в том числе в офлайн-формах»³⁷⁶. По нашему мнению, в виртуальных локусах медиации оба этих режима дополняют друг друга. В такой коммуникации, направленной на получение реального, конкретного результата, отражённого в культурном пространстве города, происходит сплочение горожан вокруг общих целей, интересов, а также проблем.

В городских сообществах в социальных сетях горожане, свободно коммуницируя и преодолевая барьеры общения, оставаясь при желании анонимными, активно и открыто выражают свою позицию по текущим проблемам их родного города, обсуждают их, в споре приходят к определённым мнениям, обмениваются текущей информацией.

Общение такого характера позволяет любому горожанину узнать больше об актуальной ситуации в городе, получить помощь по запросу, проверить свои взгляды относительно той или иной ситуации на прочность и даже, возможно, поменять свою точку зрения. Довольно интересен данный феномен тем, что такие сообщества представляют собой реальные площадки формирования самосознания

³⁷⁵ См.: Walker, D.M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums [Text] / D.M. Walker. – Ph.D.:University of Michigan, 2011. – 380 p.

³⁷⁶ Павлов, А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А.В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

горожан. «Гражданские практики – и общественная культура в целом – формируются в различных плоскостях, которые часто не сводятся к реальному пространству города (например, книги, журналы, телевидение, музыка, национальные учебные планы, транснациональные ассоциации), не говоря уже о конкретных местах встречи в городе»³⁷⁷. Рассмотрение виртуального городского сообщества представляется важным по причине того, что процесс коммуникации в данных локусах медиации остаётся полностью сохранённым зачастую полностью на долгое время в виде комментариев, фотографий и видеозаписей. Данные продукты общения становятся достоянием не только участников сообщества, но и других пользователей Интернета и конкретных социальных сетей. Горожане могут использовать сообщества не только для общения и просмотра актуальных записей, но и для выражения своего экспертного мнения по различным вопросам, а также как платформу для «гражданской журналистики».

Виртуальные городские сообщества становятся площадкой для распространения сведений о городских проблемах, ранее неизвестных широкой общественности. Информация, поданная в таких сообществах, может стать достоянием не только жителей города и локальных СМИ, но и СМИ национальных, переводя возможности для решения конкретных городских проблем на новый уровень. Нередки случаи, когда пост на тему, которая вызывает резонанс в городском сообществе, перерастает в создание петиций и сбор подписей для решения соответствующей проблемы.

По нашему мнению, городские сообщества являются полноправными субъектами культурного пространства современного города. Это выражается в том, что подобные сообщества имеют потенциал для решения насущных для города проблем при небольших затратах ресурсов, касаясь при этом актуальных вопросов культуры города. Локальные сообщества обладают потенциалом

³⁷⁷ Amin, A. Collective culture and urban public space [Text] / A. Amin // City/ – 2008. – vol. 12. – № 1. – P. 6.

к изменению отношения горожан к культурному пространству города и себе, как его части, дают возможность безопасного самовыражения.

Медиативные функции городских сообществ, возможность безопасной и продуктивной коммуникации, живого общения в них позволяют избежать атомизации, которая характерна для жителей мегаполиса. Локальные городские сообщества дают возможность приобщения горожан к актуальной городской культуре, повышению адаптивности к процессам, происходящим в нём, и вовлечение в активную деятельность по благоустройству города.

Цифровые технологии повлияли на жизнь горожан и городских сообществ, практически полностью переместив деятельность городских сообществ в виртуальную среду. Так, участие в виртуальных городских сообществах позволяет чувствовать себя причастным к культурным процессам, приобщиться к современной городской культуре, не пребывая значительное время в реальных публичных пространствах города. Создание и развитие городских сообществ в социальных сетях является одним из способов формирования городского сообщества, так как позволяет любому индивиду находиться в состоянии взаимодействия с развивающимся городом и занимать активную позицию в процессах создания его культуры.

3.2 Потенциал влияния виртуальных локусов медиации на культуру современного города

Современные города являются квинтэссенцией культурной и социальной жизни. Культурное пространство современного города – это то пространство, где виртуализация достигает своей предельной точки.

Процессы урбанизации, для которых характерны ускорение и хаотизация городской жизни, приводят к тому, что разрушаются устои и преемственность, характерные для традиционного общества, а также усложняются процессы контроля за социумом. В состоянии разрыва связей с культурой города горожанин теряет способность восприятия целостной картины мира, им овладевают страхи,

характерные для большого города и навязываемые СМИ. Индивид всё больше попадает под влияние массового сознания, для которого характерна виртуализация. Таким образом, город находится одновременно в двух состояниях – город реальный и город виртуальный, то есть город, выступающий предметом рефлексии горожан, которые строят его культурный ландшафт своими представлениями и воспоминаниями³⁷⁸.

Одним из проявлений виртуализации является возложение на мегаполис больших надежд, связанных со счастливой жизнью, его идеализация. Эти стремления и мечты становятся «кирпичиками», из которых выстраиваются виртуальное пространство города, виртуальная культура города. Каждый город в своём культурном пространстве содержит пространство виртуальное, которое соткано из идей, представлений, культурных мифов, и каждый в этом пространстве определяет для себя свою реальность и через неё понимает себя. Однако идеализация города и, одновременно, отторжение города реального приводит к нежеланию участвовать в реальной жизни города и ещё более отдаляет от его повседневных проблем. Для того, чтобы освободиться от пагубного воздействия большого города, по мнению Эрика Берна, необходимо выполнение некоторых повторяющихся действий, которые выстраиваются в систему ритуалов или обрядов³⁷⁹. Такие ритуальные действия являются одним из способов спасения для городского жителя и для его самоопределения. К таким ритуалам, в частности, относится посещение публичных пространств, а в современной культурной ситуации – виртуальных локусов медиации. Когда мы попадаем в виртуальные локусы медиации, к которым относятся городские сообщества в социальных сетях, мы погружаемся в мир городской повседневности, прошлого города, его культуры. Там реальные вопросы благоустройства города и текущие события способны вырвать горожанина из идеальной иллюзии о совершенном городе, культура которого трансформируется

³⁷⁸ См.: Лотман, Ю. М. Город и время [Текст] / Ю. М. Лотман // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – 1993. – Вып. 1. – С. 84–92.

³⁷⁹ См.: Берна, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры [Текст] / Э. Берна. – М: Эксмо, 2014. – С. 75.

без чьего бы то ни было участия. Это формирует гражданскую позицию и учит не смиряться с текущим состоянием культуры города и строить иллюзии, но помогать в разрешении проблем, приобретать позицию активного участника процесса изменений.

Виртуализация культуры современного мегаполиса тесно связана с деятельностью медиа. Образы, которые продуцируют СМИ, довольно быстро распространяются и материализуются в культуре города. Это замена реальности модными развлечениями и потреблением симулякров, когда потребление того или иного товара происходит, потому что он определённым образом представлен в медиа. Товары или услуги чаще всего представляются через статус, материальное благосостояние, обещание красоты или райской жизни. Бодрийар, описывая симулякры, понимал под ними «ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель»³⁸⁰. Вспомним рекламу косметики Maybelline, которая завершается знаменитым слоганом «Ведь ты этого достойна». Женщина, которой предлагают купить продукцию, достойна не конкретной косметики, а той жизни и той красоты, которую она видит в рекламе. Так и большинство рекламы в медиа-пространстве предлагает купить нам не товар, а статус или определённое эмоциональное состояние, которые передаются с помощью визуального ряда. А информация и идеи, транслируемые потребителям, предполагают приобретение определённой точки зрения по поводу произошедших событий. Для большого города с активными процессами потребления и затруднённой коммуникацией это – довольно действенный механизм управления жителями. С. С. Хоружий пишет о том, что общество массового потребления создаёт «человека виртуального»³⁸¹. Виртуальный человек лишь хороший потребитель, создать же что-то новое ему мешает бесконечное количество симулякров, которые он принимает за данность. Но постепенно такие СМИ, как телевидение и печатные издания, наполненные рекламой

³⁸⁰ Бодрийар, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийар. – М.: Рудомино, 2001. – 220 с.

³⁸¹ См.: Хоружий, С. С. Постсекуляризм и антропология [Текст] / С. С. Хоружий // Человек.ru. – 2012. – № 8. – С. 15–34.

и рассчитанные на пассивного потребителя идей, информации, культуры и самой виртуальности, уступают место в этом процессе Интернету – в особенности социальным сетям и платформам типа Web 2.0. Эти платформы трансформируют сознание горожан, которые из потребителей культуры становятся её активными производителями и сами начинают регулировать процессы принятия решений и конструирования культурного пространства городов. Реальные отношения переходят в виртуальные публичные пространства, на интернет-платформы, где каждый может выразить своё мнение относительно процессов, происходящих в культурном пространстве города.

При рассмотрении культуры современного города мы можем отметить такую особенность, как стремление горожан к самореализации. Социальные сети помогают жителям города реализовать себя максимально безопасно. Они, став неотъемлемой частью социальной жизни и городской повседневности, позволяют людям стать творцами и авторами. Проявление себя выходит в такой ситуации на первый план: «...личность во все большей степени предстает как проект и даже бренд»³⁸². В ситуации, когда необходимо проявить себя в культурном пространстве города, виртуальные «локусы медиации» начинают играть важную роль в культурной жизни города. В их пространстве индивид-горожанин развивает качества, значимые для общества, и коммуницирует с другими жителями города³⁸³. Локусы медиации культуры современного города отражают её стремительное развитие и поэтому находятся в постоянной динамике, непрекращающемся процессе изменения. Такая высокоактивная среда более виртуальна, чем реальна. Ганжа пишет о публичных пространствах следующее: «Именно эта мобильная, “жидкая” среда является естественной средой субъекта, тем публичным “пространством”, пространственный характер которого носит целиком виртуальный характер»³⁸⁴. Отсутствие статичности и постоянства локуса

³⁸² Тульчинский, Г. Л. Личность как успешный автопроект. От события к бытию [Текст] / Г. Л. Тульчинский. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 49–63.

³⁸³ См.: Ганжа, А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве [Текст] / А. Ганжа // Логос. – 2012. – № 1. – С. 289–310.

³⁸⁴ Ганжа, А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве [Текст] / А. Ганжа // Логос. – 2012. – № 1. – С. 292.

медиации приводит нас к мысли о том, что от его перехода на некую виртуальную платформу он не перестанет выполнять привычные функции.

Современные информационные технологии, с помощью которых протекает коммуникация между индивидами, представляют возможности для личностного роста, развития и самопозиционирования. Юлия Меламед в статье «Перепостили – следовательно существую. Что такое текст в Фейсбук» пишет: «Жизнь переместилась в медийную сферу, и искать доказательства существования следует именно здесь. Что такое известность? Когда-то она выражала значимость персоны. Теперь знаменитость стала автономной, перестала соотноситься с каким-либо содержанием»³⁸⁵. Социальные сети в пространстве Интернета дают такие же возможности для проявления себя в режиме online в локусах медиации виртуальных, как в локусах медиации реальных в offline режиме. Это происходит, когда реальные городские проблемы, связанные с культурой города, его инфраструктурой, повседневностью горожан находят своё решение через городские сообщества в социальных сетях, таких как ВКонтакте, Instagram, Facebook. Такие виртуальные публичные пространства могут считаться локусами медиации также потому, что коммуникация в них носит интенсивный характер. Подобные сообщества в форме фотографий, видеозаписей, интервью транслируют культурно-историческое наследие города горожанам и позволяют узнать больше о его прошлом и настоящем.

Многие сообщества дублируют свои официальные страницы в вышеперечисленных и других социальных сетях, таким образом вовлекая в общение большую аудиторию интернет-пользователей, живущих в городах.

Для понимания механизмов коммуникации в пространстве виртуальных «локусов медиации» рассмотрим понятие коммуникации Н. Лумана. Немецкий социолог Николе Луман выдвинул теорию о том, что коммуникация – это одна из главных причин образования общества: «социальные системы образуются

³⁸⁵ Меламед, Ю. Перепостили – следовательно, существую [Текст] / Ю. Меламед // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

вообще исключительно благодаря коммуникации»³⁸⁶. По мнению Лумана, коммуникация осуществляет сама себя, она обладает возможностями саморазвития. Одной из важнейших задач коммуникации учёный считает воспроизводство определённых различий и модерирование этого процесса. Он предлагает отказаться от взгляда на коммуникацию как на процесс передачи информации. В его учении о коммуникации главным является различие медиума и формы. Он пишет, что коммуникация возможна лишь как процессирование этой дифференции. Так же он вводит различие между структурой и событием: «...события производят структуры, а структуры направляют события»³⁸⁷. Событие или некое описание его становятся для Н. Лумана тем, от чего зависит коммуникация и появление смыслов. События для него также – способы управления смыслами³⁸⁸.

Различение не может произойти без участия коммуникантов. И именно различия являются тем, что подвигает участников к процессу коммуникации: «Коммуницируют также и для того, чтобы обозначить разногласие, желая поспорить, и нет никакой настоятельной необходимости считать стремление к консенсусу более рациональным, нежели стремление к разногласию»³⁸⁹.

В результате коммуникации происходит «селекция», под которой понимается итог – «да» или «нет» в конкретной коммуникативной ситуации. Селекция возможна только при участии «коммуникативных средств»: «под коммуникативными средствами должна пониматься некая дополняющая язык инстанция, а именно – код генерализованных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции. В дополнение к языку, который в нормальных обстоятельствах обеспечивает интерсубъективную понятность, то есть распознавание как селекции того, что реализовано в качестве такой селекции кем-то другим, коммуникативные средства обладают, следовательно, ещё и функцией мотивации, поскольку они способствуют принятию чужих

³⁸⁶ Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – С. 9.

³⁸⁷ Луман, Н. Медиа коммуникации [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2005. – С. 19.

³⁸⁸ См.: Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – С.15.

³⁸⁹ Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – С.16.

селективных достижений и, в нормальных обстоятельствах, делают это принятие желанным. Поэтому коммуникативные средства всегда могут образовываться там, где способ отбора, осуществляемого одним из партнёров, одновременно служит для другого мотивационной структурой. Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон, которая, будучи связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно её мотивировать»³⁹⁰. Николас Луман фактически описывает модель медиации при коммуникации, где из различий рождается средний вариант, который приемлем для всех.

Рассмотрение городских сообществ в социальных сетях как локусов медиации культуры современного города поднимает тему влияния виртуальных феноменов на жизнь горожан и пространство города. Виртуальные локусы медиации не являются симулякрами реальной жизни в культурном пространстве города. Они являются одним из продолжений жизни offline, так как результаты коммуникации в них практическим образом, вполне реально отражаются на культурном пространстве города. Они становятся одной из форм локуса медиации, публичного пространства, коммуникация в котором порождает новые актуальные смыслы культуры города. В виртуальных локусах медиации диалоги горожан конструируют образ города как сумму высказываний о нём, мнений, впечатлений. Большое значение в этом процессе играет визуальная составляющая, так как фото и видео позволяют отразить актуальную ситуацию или показать историческую эпоху городской жизни максимально достоверно.

Классическая форма публичности была представлена площадями, где собирались граждане. Современные формы публичной жизни более мобильны, Дж. Урри выдвигает в этой связи идею «мобильной социологии»³⁹¹. Публичные пространства нашего времени не зависят от конкретной территории и могут использовать любую свободную территорию. Эту же идею выдвигает

³⁹⁰ Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – С.16.

³⁹¹ См.: Урри, Дж. Мобильности [Текст] / Дж. Урри. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.

Л. А. Штомпель в статье «Делокализация публичного пространства современного города: культурный анализ»³⁹².

Публичные пространства также обладают возможностью быстро трансформироваться. Для публичности в классическом её понимании характерен принцип, согласно которому каждой из групп горожан отводится свое пространство. Современный город не может этого предоставить, потому что количество разнородных групп горожан очень велико. Сложившуюся проблему может решить категория «времени», которое расширяет пространство и даёт возможность использования одного и того же пространства в разные временные промежутки. Динамичный характер городской жизни приводит к тому, что публичные пространства, которые недостаточно интересны для горожан, перестают оказывать влияние на культурное пространство города.

Именно поэтому в современном большом городе виртуальное общение постепенно начинает сменять общение реальное, и индивид становится независим от пространства города. Мобильность, характерная для современных городов, находит отражение в виртуальной жизни горожан, которая ничем не ограничена. Сёрфинг – перемещение со страницы на страницу в сети Интернет – переносит человека с одного ресурса на другой за секунды. Подобные процессы наблюдаются и при общении, у которого нет границ. Характер этого общения хаотичный, он не определён во времени и пространстве города. С другой стороны, диалоги в городских виртуальных сообществах фиксированы во времени, так как мы можем отследить с точностью до минуты, когда человек опубликовал тот или иной комментарий или пост. Уильям Митчел пишет о современных цифровых устройствах, гаджетах, посредством которых происходит виртуальная коммуникация, следующее: «Они не просто отмеряют время – они инициируют выполнение команд и программ. Секунды, миллисекунды, микросекунды,

³⁹² См.: Штомпель, Л. А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ / Л. А. Штомпель // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. – № 6 (86). – С. 10–16.

наносекунды, пикосекунды: глобальное электронное сердцебиение все ускоряется и набирает силу, да еще какую!»³⁹³.

Мы не знаем, где находится тот или иной житель, когда он оставляет комментарий под постом в сообществе. Но время и место нахождения этого комментария позволяют узнать, в какой точке всемирной паутины был горожанин в это же время. Этот комментарий, как отражение мнения по какой-то проблеме городской жизни, свидетельствует о том, что в данное время горожанин принимал участие в процессах конструирования культурного пространства города и приобщался к его культурному опыту.

Теперь для того, чтобы приобщиться к культуре города и процессам создания новых смыслов в его пространстве, жителю не обязательно выходить на площадь или физически перемещаться в публичное пространство, тратя на это время. Он может просто зайти в виртуальное городское сообщество и оставить там комментарий, который будет доказательством его участия в культурной жизни города и его значимости для этой жизни. Например, если, реагируя на какое-либо происшествие, представленное постом в социальной сети – сообщение об аварии, где ищут виновника, горожанин предлагает свою помощь или высказывает своё мнение, полезный жизненный опыт и видит на него отклик, то он чувствует себя причастным к этому процессу. Несколько десятков таких сообщений и живых откликов на них формируют устойчивую сеть неравнодушных граждан, которые принимают ответственность за данный процесс и готовы прийти на помощь. Эти сети, направленные на регуляцию того или иного процесса, конструируют культурное пространство города.

Показателен пример градозащитного сообщества «Мой Фасад»³⁹⁴. Данное сообщество производит большую часть своей деятельности в социальной сети ВКонтакте. Горожане, знающие о той или иной проблеме, связанной с уничтожением объектов культурного наследия, с искажением исторического

³⁹³ Митчел, У. Дж. Я ++: Человек, город, сети [Текст] / У. Дж. Митчел. – М.: Strelka Press, 2012. – С.14.

³⁹⁴ Мой фасад. Объединение неравнодушных к городскому историческому наследию. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/moifasad> (дата обращения 30.11.2018).

облика зданий капитальными ремонтами, могут написать в сообщество «Мой фасад», оставить комментарий под постом, отражающим известную им ситуацию. Таким образом, происходит живой обмен мнениями и информацией в социальной сети, позволяющий быстро реагировать на реальные проблемы культурного пространства города Ростова-на-Дону и активно конструировать его.

Появление обособленных виртуальных сфер коммуникации горожан косвенным и прямым образом оказывает влияние на политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь города. Для того, чтобы рассмотреть механизмы влияния виртуальных сообществ на данные сферы городской жизни, обратимся к реальным городским сообществам. В работе «Структурная трансформация публичной сферы» Юрген Хабермас описывает процессы возникновения гражданских сообществ на основе рассмотрения публичных пространств в европейских государствах³⁹⁵. Одними из главных особенностей для интенсивной коммуникации и прочного объединения, по мнению Хабермаса, являлось отсутствие ограничений различных свобод со стороны общества и государства. Свобода позволяет в данном случае публично высказывать своё мнение относительно большинства вопросов и проблем и отстаивать это мнение в диалогах. По его мнению, эти условия привели к появлению публичности нового типа, которая в коммуникации формировала общественное мнение, окончательное и взвешенное по наиболее важным и проблемным моментам жизни общества. Участниками такой коммуникации могли быть все, кого затрагивали данные проблемы, а также отсутствие принуждения к согласию³⁹⁶. По мнению Хабермаса, именно выстроенная по ее образцу публичная коммуникация предоставляет единственную возможность для принятия политических решений в современных обществах³⁹⁷. В реальных условиях такая коммуникация, приносящая значительный результат,

³⁹⁵ См.: Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [Text] / J. Habermas. – Boston: MIT press, 1989. – 301 p.

³⁹⁶ См.: Cavalier, R. & Ess, C. (n.d.) *Introduction to Habermas's Discourse Ethics*. [Online] Available from: <http://www.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html>. (Accessed: 13nd December 2017).

³⁹⁷ См.: Oyen, S. A. *Intersubjectivity – an existentialistic, phenomenological and discourse ethical approach* [Text] / S. A. Oyen // Tymieniecka, A-T. (ed.) *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. Book III. Heralding the New Enlightenment*. – Springer Netherlands, 2010. – 202 p.

трудно осуществима, но в условиях виртуального Интернет-пространства, где общение не подвергается строгой цензуре (исключения составляют сайты, призывающие к суициду и некоторые другие), она имеет возможность существовать: «Интернет является чрезвычайно важным инструментом и пространством для демократического участия на всех уровнях, для укрепления основ гражданского общества, для формирования нового видения мира посредством политических и гражданских проектов, транснациональных по своему характеру»³⁹⁸. При обсуждении конкретных городских проблем в виртуальных локусах медиации горожане объединяются для их решения. Посредством комментариев под постами формируется общее мнение относительно того или иного аспекта жизни города. И уже общее мнение декларируется как один из основных вариантов решения того или иного проблемного вопроса городской повседневности.

Коммуникация, происходящая в виртуальных локусах медиации, транслируется далеко за их пределы, формируя умонастроения граждан и влияя на все без исключения сферы жизни общества. Возможность этого влияния обусловлена значительным вкладом социальных сетей в современную культуру. Уильям Митчелл определяет сетям следующее место и свойства в современной культуре: «Сочетание наших усилий по контролю и обеспечению циркуляции между пространствами и нашей конкуренции за сетевые ресурсы определяет то, как мы формируем и ограничиваем ареалы повседневной деятельности друг друга. В сравнительно стабильной системе наших взаимосвязанных, пересекающихся и частично обобществленных сетей сложные переплетения запросов и ответов различных участников создают переменчивую среду свободы и ограничений. По мере того, как сети становятся быстрее, всеохватнее и незаменимее, эти процессы оказывают все более серьезное влияние на нашу повседневность; каждый по собственному опыту знает, что автомобильная пробка, очередь на регистрацию, отключение электричества, DDoS-атака

³⁹⁸ Sassen S. On the Internet and Sovereignty // *Global Legal Studies Journal*, 1998. – P. 545–559.

на сервер или обвал рынка создают барьер не менее действенный, чем запертая дверь. Чем выше наша зависимость от сетей, тем теснее и динамичнее переплетаются наши судьбы»³⁹⁹. Социальные сети несут в себе функцию объединения, они незаметны, но это говорит о том, что они серьёзным образом внедрены в нашу жизнь, и поэтому мы просто перестаём их замечать.

Обратим внимание на городские сообщества в социальной сети ВКонтакте, которая наиболее популярна в нашей стране: «ВКонтакте – самая популярная социальная сеть Рунета: более 80 000 000 пользователей заходят на сайт ежедневно. Пospорить с ВК в количестве посещений могут только поисковики Яндекс и Google, а также видеохостинг YouTube»⁴⁰⁰. Сообщество в социальной сети ВКонтакте может создать каждый зарегистрированный пользователь. По мнению К. Востровой, существует следующая классификация городских сообществ в ВКонтакте: Авто; События/мероприятия; Доставки (продукты, суши, пиццы); Чаты/беседки; Барахолки (отдам даром, продам, поменяюсь); Вакансии; Отзывы (черные списки, репортажи тайных покупателей и тому подобное); Одежда и обувь местных магазинов и шоурумов; Группы услуг (маникюр, педикюр, шугаринг и тому подобное); Официальные группы организаций, университетов, школ; Тематические региональные паблики⁴⁰¹. Мы в данном исследовании уделим особое внимание тематическим региональным или городским пабликам в социальной сети ВКонтакте.

Как было показано выше, коммуникация и само объединение коммуникаторов – горожан в локусах медиации происходит на основе различия, а не сходства и абсолютного компромисса. Происходящие события участники виртуальных городских сообществ в социальных сетях обсуждают, и их точки зрения могут быть различны так, как и сами участники не похожи друг на друга. Разнятся их возраст, культурный багаж, вероисповедание, район города, в котором они проживают, социальное положение. Здесь коммуникация является

³⁹⁹ Митчел, У. Дж. Я ++: Человек, город, сети [Текст] / У. Дж. Митчел. – М.: Strelka Press, 2012. – С. 11.

⁴⁰⁰ Томск ВКонтакте. Как устроены городские сообщества ВК [Электронный ресурс]. – URL: <https://obzor.westsib.ru/article/506746> (дата обращения: 12.12.2017.).

⁴⁰¹ Томск ВКонтакте. Как устроены городские сообщества ВК [Электронный ресурс]. – URL: <https://obzor.westsib.ru/article/506746> (дата обращения: 12.12.2017.).

не только способом передачи информации, а прежде всего – как непрерывный процесс сама по себе, привлекая участников к диалогу, без которого виртуальный локус медиации не может существовать, так как локус медиации существует только при стабильно высоком уровне коммуникации в его пределах. Потенциал коммуникации в виртуальных городских сообществах довольно высок, так как различия здесь фиксируются не для усиления розни, а для поиска единого приемлемого для всех участников решения, которое становится фундаментом для реальных изменений культурного пространства современного города.

Большая часть городов нашей страны имеет одно или несколько виртуальных сообществ в социальных сетях. Подобные сообщества выполняют функции включения горожан в жизнь города, общения, взаимной помощи, делают более доступной новую информацию. Они дают возможность жителям города, сохраняя свою анонимность, свободно коммуницировать, выражать личную позицию относительно актуальных проблем родного города. Сообщества в социальных сетях позволяют преодолевать горожанам множество барьеров общения, в обсуждении волнующих их ситуаций и спорах приходиться к определённым мнениям, обмениваться актуальной информацией. Подобные взаимодействия позволяют каждому горожанину прояснить для себя текущую ситуацию, происходящую в городе, по необходимости получить помощь, уточнить свои взгляды по поводу той или иной ситуации, и, может быть, изменить свою точку зрения. Виртуальные локусы медиации, как и локусы медиации, находящиеся непосредственно в пространстве города, выполняют на данный момент функции, связанные с обменом сообщениями, знаками, визуальными образами. Локусы медиации пространства онлайн являются реальными площадками для конструирования городского самосознания жителей города.

В них существует возможность посредством визуальных образов: фотографий, отражающих прошлое и современность города, видеозаписей, фильмов приобщиться к истории и культуре города. Виртуальные городские

сообщества характеризуются значительной устойчивостью по причине того, что они создаются на базе культурной, религиозной и антропологической общности. Эта общность является подлинной, она не базируется на основе чужеродных, искусственных, созданных с целью последующего объединения причин и мотивов.

С целью изучения виртуальных локусов медиации рассмотрим ряд сообществ в социальных сетях, посвящённых непосредственно городу Ростову-на-Дону. Выделим наиболее популярные из них: «Ростов Главный – новости Ростова-на-Дону» (301 тысяча подписчиков), «Это Ростов, детка! Типичный Ростов» (168 тысяч подписчиков), «Это Ростов-на-Дону» (162 тысячи подписчиков), «Регион 61» (122 тысячи подписчиков), «Типичный Ростов-на-Дону» (100 тысяч подписчиков). Вышеперечисленные сообщества по большей части занимаются публикацией последних новостей города Ростова-на-Дону, фотографий и видео, посвящённых истории и современности города. Они, пусть в незначительной степени, различны по специфике и предлагаемым новостям. При этом важным является то, что контент в большей части групп повторяется. Это говорит о том, что данные группы освещают события, происходящие только в культурном пространстве города Ростова-на-Дону, и об актуальности этих новостей.

Рассмотрим отдельно сообщество «Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону»⁴⁰². Значительная часть подписчиков сообщества в социальной сети ВКонтакте - это молодые люди в возрасте от 24 до 35 лет, то есть самая активная часть населения. Коммуникация здесь регулируется администраторами – модераторами, которые следят за качеством контента и пресекают попытки появления информации, разжигающей вражду на межнациональной и религиозной почвах. Среди прочих виртуальных городских сообществ оно выделяется тем, что у горожан есть возможность предлагать свои новости и темы для публикации и обсуждения.

⁴⁰² Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/rostovnadonu> (дата обращения: 17.10.2017).

Здесь горожане, самостоятельно предлагая темы для обсуждения, делятся новыми местами культуры и досуга, своими переживаниями, мнениями и суждениями, рассказывают о проблемах, связанных с повседневной городской жизнью. Опубликованные в сообществе посты открыты для свободного комментирования. Комментарии отражают главную функцию этого городского сообщества как локуса медиации. Обратимся к публикации, освещающей неудовлетворительное состояние расположенных по улице Антенной города Ростова-на-Дону⁴⁰³ детской и спортивной площадок. Указанная публикация была анонимной и содержала в себе призыв найти способы решения проблемы по благоустройству площадок. В комментариях под постом развернулся диалог, в процессе которого автору публикации предложил свою помощь проект «Молодёжный экологический патруль». При активной поддержке администрации Кировского района города Ростова-на-Дону в течение месяца площадки были реконструированы. Живая обратная связь горожан на вышеописанное обращение является примером взаимопомощи в городском сообществе. Стоит отметить, что примером не единичным.

Иллюстрацией подобной взаимопомощи в городском сообществе является опубликованный без указания имени автора пост, описывающий плачевное состояние улиц Депутатской, Гусева, а также пл. Восстания. В данном посте автор через посредство визуального материала, фотографий, осветила тему ненадлежащего качества дорожного покрытия и бездействия дорожных служб⁴⁰⁴. Буквально через день после первой публикации в сообществе появилась следующая, в которой автор пишет о начале дорожных работ на перечисленных в посте улицах. Также автор публикации отмечает, что среди подписчиков данного сообщества нашлись сотрудники администрации, которые, увидев пост,

⁴⁰³ Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/rostovnadonu> (дата обращения: 17.10.2017).

⁴⁰⁴ Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-36039_3186896 (дата обращения: 17.10.2017).

отреагировали на представленную ситуацию конкретными действиями в реальном пространстве города⁴⁰⁵.

Следующий пример – это публикация о плачевном состоянии перехода на площади Химиков Ростова-на-Дону⁴⁰⁶. Автор – простой ростовчанин, работающий недалеко от перехода, приложил к публикации фотографии, отражающие его актуальное состояние. В комментариях под публикацией развернулась дискуссия на тему, должны ли городские власти реагировать на подобные публикации в социальных сетях. В ходе обсуждения был озвучен ряд мнений относительно того, что такими публикациями и обсуждением не добиться реальных изменений в городе. В противовес им несколько комментаторов вспомнили вышеописанную ситуацию с реконструкцией улицы Депутатской. Через неделю автор сделал новую публикацию, где представил фотографии, свидетельствующие о том, что власти начали благоустраивать переход. В завершении текста автор публикации пишет следующее: «Так что, люди, если у Вас есть, о чем сообщить – пишите, и как минимум Вы будете услышаны. Под моим предыдущим постом было много комментариев как положительных, так и отрицательных, но если бы все освещали проблемы парой фото и текста, то, думаю, часть из них можно было бы решить, как и ту, о которой написал я»⁴⁰⁷.

Также администраторы группы помогают горожанам-участникам сообщества, их родственникам и друзьям уберечь себя от мошенников. Так, пост на тему помощи «жителям Донбасса», которые на самом деле являются мошенниками, предостерегает жителей города от переводов денег сомнительным личностям⁴⁰⁸. Если посмотреть на ситуацию с данной публикацией шире, то мы увидим, что она не только спасает горожан от обмана. Она предотвращает разжигание межнациональной розни и конфликты в культурном пространстве

⁴⁰⁵Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-36039_3186896 (дата обращения: 17.10.2017).

⁴⁰⁶Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-36039_3212044 (дата обращения: 13.12.2017).

⁴⁰⁷Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/rostovnadonu?w=wall-36039_3235834 (дата обращения: 13.12.2017).

⁴⁰⁸Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/rostovnadonu?w=wall-36039_3240085 (дата обращения: 13.12.2017).

города Ростова-на-Дону. Ведь люди, ставшие жертвами подобной аферы, будут обвинять в нечестности честных жителей Донбасса. Таким образом возникнет конфликт, отголоски которого даже после поимки настоящих преступников будут звучать в городе.

А. И. Всеволодова в статье «Социальные сети как источник информации о жизни областных российских городов» следующим образом описывает пользу социальных сетей: «Также журналисты часто прибегают к исследованию информации из социальных сетей для освещения ДТП и других происшествий в городах России. Интересным примером в этом случае может быть материал «Новой газеты»⁴⁰⁹ о громком деле с виновным в гибели двух ростовчан водителем военного бронированного автомобиля «Тигр», который также повредил множество гражданских машин. Родственники одного из погибших призвали к помощи очевидцев, обратившись к горожанам в социальных сетях. Люди откликнулись на этот призыв, что помогло установить множество деталей и подтвердить эти данные видеосъемками. Журналист исследовал хронологию ДТП вместе с пользователями соцсетей и обеспечил федеральную аудиторию обширной информацией как о происшествии, так и о характерных чертах жителей Ростова-на-Дону, которые оказались очень неравнодушными людьми»⁴¹⁰.

Количество так называемых лайков и комментариев под публикациями позволяет понять, насколько то или иное событие важно для культуры города. Но некоторые авторы замечают, что лайк «...абстрагировался от своего исходного содержания «мне нравится» и стал чисто коммуникативной функцией»⁴¹¹. Инна Кушнарёва в статье «Ко всему приделай лайки» указывает также, что лайк может быть отражением групповой солидарности и искренности от автоматизма. При этом автор высказывает мысль, что «как раз в той сфере, где мы – боты, мы, получается, можем быть наиболее человечными друг по отношению к другу»⁴¹².

⁴⁰⁹ Макаренко, В. Жертвы «Тигра» Новая газета. – 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novaya-gazeta.ru/inquests/65423.html>. (дата обращения: 13.12.2017).

⁴¹⁰ Всеволодова, А. Н. Социальные сети как источник информации о жизни областных российских городов [Текст] / А. Н. Всеволодова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2014. – № 2. – С. 46–51.

⁴¹¹ Кушнарёва, И. Ко всему приделай «лайки» [Текст] / И. Кушнарёва // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

⁴¹² Кушнарёва, И. Ко всему приделай «лайки» [Текст] / И. Кушнарёва // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

В ситуации, когда человек проводит большое количество времени в социальных сетях, качество общения в них становится всё более значимым. Горожане-пользователи социальных сетей стараются окружить себя в этом пространстве людьми, с которыми имеют общие интересы и взгляды и которым доверяют. Сообщество в социальной сети изначально – это доверительное объединение, которое со временем становится крупной платформой для взаимодействия. Именно на доверии между постепенно прибывающими участниками сообщества строится групповая солидарность. По мнению Е. Н. Юдиной и С. А. Захаровой, «солидарная сетевая структура представляет собой особую социальную общность, которая сложилась естественным путем в процессе достижения ее членами своих жизненных целей и действует без формального контроля»⁴¹³.

Согласимся с И. Кушнарёвой в том, что лайки являются следствием групповой солидарности и искренности. Другими словами, несмотря на то что лайк может быть отражением желания приобщиться к общему мнению группы, он является искренним выражением мнения относительно значимости того или иного события культуры города. Лайк выполняет при коммуникации в виртуальных локусах медиации функцию приобщения горожан к значимым происшествиям городской жизни, определения себя как человека, который каким-то образом к этому причастен, пусть как наблюдатель, выражающий своё мнение. Лайк под постом в таком сообществе – это уже действие, которое переводит горожанина-участника сообщества из простого потребителя того или иного события в его наблюдателя, способного делать выводы. А комментарий и публикация поста – это уже активные действия по трансформации культурного пространства города. Выражение согласия или несогласия, своего мнения, обсуждение мнений других людей мы понимаем как вклад в строительство общей культурной реальности города, а также своей собственной. Таким образом в этих мнениях как проявлениях виртуальной коммуникации, изначально противоположных, вызывающих споры, и проявляется медиация. Множество

⁴¹³ Юдина, Е. Н. Социальные сети в свете научных парадигм [Текст] / Е. Н. Юдина, С. А. Захарова // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 3. – С. 26.

различных, не тождественных друг другу мнений непохожих друг на друга людей аккумулируются и выражаются каждый раз в новом результате, отличном от всех предыдущих. Так в виртуальном городском сообществе формируется срединная культура как итог медиации. Эта культура транслируется в реальное культурное пространство современного города. Здесь стоит отметить, что потенциал такой коммуникации в конструировании культуры города довольно высок, так как для того, чтобы вступить в диалог, достаточно иметь цифровое мобильное устройство или компьютер с доступом в Интернет. Эти в современных реалиях общедоступные вещи стирают культурные и социальные рамки и ограничения, навязанные обществом. Любой горожанин, который в реальной жизни считает себя не имеющим права на какое-то изменение своей культурной реальности, здесь может добиться этого изменения путём выражения своего мнения и привлечения к нему внимания. Глобально возможность участия в такой коммуникации, даже её пример, уже запускает трансформации в сознании горожанина, который из бесправного потребителя становится активным участником жизни культурного пространства современного города, знающим свои права. Генри Санофф пишет об этом: «Среда работает лучше, если люди, зависящие от её изменений, деятельно вовлечены в её создание и управление ею, а не воспринимаются как пассивные потребители»⁴¹⁴. Возможность получить помощь от других горожан или властей показывает жителям города, что город является не чужим для них пространством, но средой их обитания, и они ответственны за качество этой среды.

Виртуальные городские сообщества в социальных сетях обладают потенциалом развития «соучастия» как участия горожан в принятии градостроительных решений: «Как показывает мировой опыт, обучение и помощь группам людей вдохновляют их самостоятельно контролировать свое окружение и получать навыки управления и строительства. Люди создают здоровые и

⁴¹⁴ Кияненко, К. В. К архитектуре, озабоченной человеком. О проектировании людей, с людьми и для людей / К. В. Кияненко, Г. Санофф // Архитектурный вестник. – 2010. – № 1. – С. 112–121.

устойчивые сообщества, основанные на взаимопомощи в деле создания безопасной и счастливой среды»⁴¹⁵.

Подобные примеры отражают следующий прецедент: итог коммуникации не остается в пространстве социальных сетей, выходя за их пределы в реальное пространство культуры города Ростова-на-Дону. Исходя из этого, мы делаем вывод о том, что сообщество «Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону» является не только виртуальным отражением культуры города Ростова-на-Дону, но локусом медиации культуры современного города, который включён в процессы конструирования его культурного пространства.

Данное обстоятельство указывает на то, что коммуникация в виртуальном городском сообществе «Ростов Главный. Новости Ростова-на-Дону» может реально менять жизнь горожан, влиять на неё тем или иным образом. Это зарождаёт в жителях города чувство спокойствия и уверенности, основанное на том, что с помощью своих публикаций, например, обращения к другим горожанам или представителям администрации, они могут вносить свой вклад в жизнь города.

Важным для горожан является получение своевременной информации по всем вопросам, связанным с жизнью города. Так, нередко случаи, когда в комментариях под постами с фотографиями города жители пишут о том, что данные фотографии не соответствуют текущему времени года и рассматриваются ими как устаревшие. Это иллюстрация того, настолько для горожан важна актуальная информация. Жителям города, которые являются участниками сообществ-онлайн важно быть в курсе, иметь доступ к новой информации, трансформировать её для получения нового опыта, а также знания о той культурной реальности, в которой они находятся.

Виртуальные сообщества в социальных сетях не только дают возможность обсудить актуальные проблемы, получить помощь, но и способствуют

⁴¹⁵ Репина, М. А. Актуальная роль процесса соучастия в развитии городских территорий [Текст]: сб. статей // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство / Под ред. М. И. Бальзанникова, К. С. Галицкова, Е. А. Ахмедовой. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. – С. 158.

приобщению горожан к культуре города. Данный процесс находит своё отражение в тех публикациях, которые посвящены истории и культуре Ростова-на-Дону. Сообщество даёт возможность выразить своё мнение на темы актуальных тенденций развития городской культуры, к примеру, об установке памятников, реставрации объектов архитектурного наследия, благоустройству публичных пространств города.

Виртуальные сообщества в социальных сетях, которые выполняют функции локуса медиации, позволяют конструировать активное городское сообщество и приобщать горожан к истории и культуре города. Важным аспектом тут является опыт, получаемый горожанами во время коммуникации внутри сообществ-онлайн. Это опыт трансформации позиции потребителей информации в позицию созидательную, предполагающую взятие на себя ответственности за культурное пространство своего города. Реализация виртуального диалога в реальном культурном пространстве города, представленная в конкретных примерах, даёт горожанам опыт соучастия, возможности положительно влиять на город и его культуру. Это формирует в горожанах мотивацию для участия в жизни города, изменения его к лучшему, обогащения его культуры. Также среда, создаваемая в процессе виртуальной коммуникации, привлекает власти к проблемам города и работе с его культурным пространством.

Для культурного пространства города виртуальные городские сообщества в социальных сетях играют большую роль. Они являются полноценными субъектами, которые участвуют в развитии городской культуры наравне административными структурами. Такие сообщества являются способом формирования гражданского общества, а также воспитания индивидов-горожан, вовлечённых в жизнь культурного пространства города. Необходимо развивать такие сообщества и оказывать им всяческую поддержку, давать ресурсную базу, а также предоставлять им возможность решать вопросы культуры, образования и благоустройства городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование было посвящено изучению публичных пространств особого типа – локусов медиации в культуре современного города. Культурное пространство современного, активно развивающегося города, тоже динамично. В такой ситуации горожанин испытывает затруднения при приобщении к постоянно изменяющейся городской культуре. Горожанин дистанцируется от культурного пространства города, что является следствием атомизации горожан, потребительской позиции по отношению к городу. В свою очередь, эти обстоятельства ведут к усугублению одиночества. Культурное пространство гетерогенно, в нём существуют зоны, где коммуникация между горожанами происходит наиболее активно. В ситуации высоких темпов урбанизации, когда современные города стремительно разрастаются, особую роль начинают играть публичные пространства. Это публичные пространства, которые представляются горожанам комфортными, значимыми и приемлемыми для коммуникации. Мы определили такие пространства как локусы медиации.

Мы увидели, что для развития культурного пространства города, успешной коммуникации горожан необходимы локусы медиации. Они, по нашему мнению, являются связующим звеном между горожанами и культурным пространством города. И напрямую участвуют в процессах его конструирования. В пространстве «локусов медиации» происходят процессы вхождения горожанина в актуальную связь между горожанами и культурным пространством города.

Локусы медиации являются самодостаточными и независимыми акторами культурного пространства города, которые напрямую коммуницируют с ним, а также с горожанами. В ходе исследования было выявлено, что локусы медиации могут выступать медиаторами в современных коммуникационных процессах.

Одна из важнейших характеристик локуса медиации – то, что они находятся в постоянном процессе изменения и развития. Трансформируются они посредством коммуникации горожан, в их пределах, которые воздействуют на его пространство непосредственно или опосредованно. Такое, имеющее

двусторонний характер, взаимодействие позволяет изменить культурное пространство города, горожан и сам локус медиации.

Интенсивный характер коммуникации в локусах медиации, связанный со значительным количеством взаимодействий в его границах, является подспорьем для формирования новых элементов и смыслов в культурном пространстве города. Так, парк, имеющий хорошую инфраструктуру, активно развивающийся, привлекает горожан и подспудно способствует развитию прилегающих к нему территорий. Именно в локусах медиации происходят процессы конструирования культурного пространства города.

Постоянно происходящие в локусах медиации взаимодействия нуждаются в модерации, позволяющей регулировать коммуникацию, избавляться от моментов напряжённости, воздействовать на «шум», возникающий в процессе обмена. Для этого необходима медиация. Медиация позволяет модерировать коммуникационные процессы и создавать некий срединный вариант, срединную культуру, приемлемую для всех горожан. Модерация происходит по определённым законам, базирующимся на культурном опыте горожан, историко-культурном наследии города, а также моральным и правовым нормам, принятым в данном социуме. Это позволяет учитывать стремления и опыт большинства горожан и при этом не занимать позицию потребителей городской культуры, оставаясь в стороне от процессов созидания культурного пространства.

Чем более развит локус медиации и чем больше в его пространстве информационных потоков, тем активнее происходят процессы медиации, одновременно способствующие развитию самого локуса. При отсутствии развития территории того или иного локуса интенсивность медиации снижается, модерация перестаёт происходить, и запускаются процессы антимедиации. При антимедиации, происходящей в локусе медиации, начинается разрушение не только самой территории локуса, но и территории, прилегающей к нему, а также культурного пространства города. Добавим, что чем меньше город, тем нагляднее

и быстрее происходят эти процессы и тем более негативно они отражаются на его культурном пространстве.

Локус медиации является отражением актуальных процессов в культурном пространстве города, и именно этим он притягателен для горожан. Локус медиации, не отражающий актуальных процессов, не может обеспечить адекватного культурного взаимодействия, транслируя неактуальные культурные ценности. Такие пространства зачастую становятся зонами транзита и более не идентифицируются горожанами в своём изначальном назначении. Чем менее современно и благоустроено публичное пространство, тем менее оно востребовано и тем менее оно представлено в жизни культурного пространства города.

Пространство локуса медиации конфликтно, оно является метафорой культурного пограничья, где смешаны различные культурные, религиозные, этнические традиции. Конфликтов, возможных при коммуникации позволяет избежать медиация, которая приводит любое взаимодействие к некому среднему варианту, приемлемому для всех сторон. И этот вариант – олицетворение серединной культуры, затем воспроизводящийся в культурном пространстве города как наиболее эффективный.

Характер динамики функционирования и развития локусов медиации (пешеходных улиц, площадей, парков, рынков, центров культуры и досуга, свободных пространств) в культуре современного города может интерпретироваться также с точки зрения их воздействия на культуру потребления. Динамично развивающийся и активно функционирующий локус медиации, который является одним из центров культурного пространства города и точкой притяжения горожан, неизбежно заинтересует инвесторов. Самые дорогие торговые площади, одновременно наиболее перспективные в плане получения прибыли, находятся в центре города. Магазины и кафе, находящиеся на центральных пешеходных улицах города, привлекают не только горожан, но и гостей города, частично выполняя функцию медиаторов. Некоторые из них

могут стать частью культуры города и его истории, попав на фотографии, сувенирную продукцию и воспоминания туристов.

При изучении локусов медиации важно было рассмотреть их генезис, понять, как изменялись их функции в историческом процессе, как они влияли на культурное пространство городов и горожан. Исследование генезиса локусов медиации, развития и изменения их функций привело нас к выводам о том, что на активность коммуникации в локусах медиации напрямую влияет их культурная ценность и актуальность.

Была выявлена закономерность между тем, насколько общество является свободным, насколько сильны в нём демократические ценности, стремление к взаимопомощи, толерантность, культурный и идеологический плюрализм, и уровнем проявленности локусов медиации в культурном пространстве городов. Чем более общество открыто, тем более развиты в нём локусы медиации, и наоборот. Локусы медиации формируют культурное пространство городов, актуальную культуру и даже тело городов и их архитектурные ансамбли. Локусы медиации несут в себе культурно-историческое наследие, информацию о той культуре, к которой они относятся, являются её отражением.

На примере такого локуса медиации, как музей, мы рассмотрели основные функции и роль публичных пространств данного типа. К числу приоритетных функций современного музея как локуса медиации принадлежат акцентирование внимания на пожеланиях горожан-потребителей музейных услуг, понимание изменения целевой аудитории, а также поиск возможностей привлечения иных социальных групп и общностей, поиск новых форм экспозиционной деятельности с привлечением нестандартных, творческих, креативных решений; использование современных информационных и коммуникационных технологий, поиск дополнительного негосударственного финансирования за счёт фондов, участие в конкурсах, предоставление нетрадиционных для музейной деятельности услуг. Современные музеи, работающие в рамках концепции музейной медиации

и культуры участия, имеют возможность предоставить посетителям различные мнения и точки зрения в вопросах культуры и искусства.

Это ставит музей в позицию посредника – медиатора, который трансформирует многочисленные мнения и суждения посетителей в новые экспозиции, новые экспозиционные формы. В роли посредника музей может выполнить свою главную, по нашему мнению, задачу – найти к каждому посетителю индивидуальный подход, не опираясь на свои абстрактные суждения, но хорошо понимая свою аудиторию, её чаяния и потребности. Для этого музею необходимо общаться со своими посетителями не только в залах музея, но и на виртуальных платформах, в социальных сетях, а также в пространстве города с целью увидеть наиболее полную картину.

В ходе культурологического анализа данных исследования «Формирование комфортной среды МУП ГКДЦ им. М. Горького города Ростова-на-Дону» было выявлено значение локуса медиации для культуры современного города. Обращение к данным исследования показало, насколько важно развитие и благоустройство локусов медиации для современного города. Пример парка им. М. Горького показал, насколько важен данный локус медиации для сохранения культурного ландшафта исторического центра города Ростова-на-Дону.

Было выявлено, что утрата парком МУП ГКДЦ им. Горького своего прежнего значения, разрушение парковой инфраструктуры запускают процессы антимедиации в пространстве центра города Ростова-на-Дону. Данные процессы проявляются в том, что в самом центре города между улицами Садовая и Пушкинская находится довольно протяжённая по площади, слабо освящённая территория, которая, в силу отсутствия адекватной охраны, маргинализируется.

Мы сделали вывод о том, что площадка медиативного взаимодействия в центре города может стать подспорьем для активной коммуникации, реализации проектов городского масштаба, а также гармонизации пространства центра города Ростова-на-Дону. Решение поставленных задач благоприятным образом скажется на качестве жизни горожан, обогатит культурную жизнь города. На примере

МУП ГКДЦ им. М. Горького мы проследили снижение значения локуса медиации для культуры современного города, которое происходит по причине разрушения инфраструктуры парка и потери его популярности, что является следствием отсутствия развития данной территории.

Рассмотрев виртуальные городские сообщества, мы сделали вывод об их значимости для культурного пространства города по причине того, что коммуникация в данных локусах медиации остаётся зачастую сохранной полностью на долгое время в виде комментариев, фотографий и видеозаписей. Данные продукты общения становятся достоянием не только участников сообщества, но и других пользователей Интернета и конкретных социальных сетей. Горожане могут использовать сообщества не только для общения и просмотра актуальных записей, но и для выражения своего экспертного мнения по различным вопросам, а также как платформу для «гражданской журналистики».

В виртуальных городских сообществах нередки случаи, когда пост на тему, которая вызывает резонанс в городском сообществе, перерастает в создание петиций и сбор подписей для решения соответствующей проблемы.

Виртуальные городские сообщества становятся площадкой для распространения сведений о городских проблемах, ранее неизвестных широкой общественности. Информация, поданная в таких сообществах, может стать достоянием не только жителей города и локальных СМИ, но и СМИ национальных, переводя возможности для решения конкретных городских проблем на новый уровень.

Они являются полноценными субъектами, которые участвуют в развитии городской культуры наравне с административными структурами. Такие сообщества являются способом формирования гражданского общества, а также воспитания индивидов-горожан, вовлечённых в жизнь культурного пространства города. Локусы медиации виртуального пространства культуры современного города – это сообщества онлайн, так как современные горожане зачастую состоят

в нескольких виртуальных городских сообществах в социальных сетях и являются их активными пользователями. Взаимодействие в пространстве виртуальных локусов медиации балансирует между «соседским» и «гражданским» режимами коммуникации, что позволяет создать платформу устойчивого, долгосрочного и продуктивного взаимодействия.

Итак, в результате предпринятого исследования удалось показать, что перед культурологией открываются новые перспективы исследования коммуникации в публичных пространствах города. В данном диссертационном исследовании публичное пространство – локус медиации – предстаёт полноправным субъектом коммуникации в культурном пространстве города. Данный аспект существования публичного пространства является малоизученным и открывает новое поле для исследования таким наукам, как культурология, социология, культурная антропология, философия, урбанистика, политология, филология, психология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова, Д. Культура участия: музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия [Текст] / Д. Агапова // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия: сб. статей / Отв. ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская. – М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. – С. 8–21.
2. Адорно, Т.В. Проблемы философии морали [Текст] / Т. В. Адорно; пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000. – 238 с.
3. Александрова, Е.Я. Культурное пространство как объект исследования и преобразования [Текст] / Е. Я. Александрова, И. М. Быховская // Ориентиры культурной политики. – 1997. – № 2. – С. 99–113.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
5. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина [Текст] / Н. П. Анциферов. – Л.: Лениздат, 1991. – 265 с.
6. Анциферов, Н. П. Книга о городе [Текст]: в 3 т. / Н. П. Анциферов. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. – Т. 1: Город, как выразитель сменяющихся культур. – 224 с.
7. Арндт, Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни Ханна Арндт [Текст] / Х. Арндт; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
8. Аристотель Сочинения [Текст]: в 4 т. / Аристотель; вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанский. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.
9. Аскарлов, Ш. Д. Регион пространство [Текст] / Ш.Д. Аскарлов – М.: Стройиздат, 1988. – 200 с.

10. Ахиезер, А. С. Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса [Текст] / А. С. Ахиезер // Земство. – 1994. – № 2. – С. 10–21.
11. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) [Текст]: в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.
12. Балдандоржиев, Ж. Б. Город как объект культурологического исследования [Электронный ресурс] / Ж. Б. Балдандоржиев // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – № 126. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-obekt-kulturologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.08.2018).
13. Барсукова, С. Ю. Приватное и публичное: диалектика диспозиции [Текст] / С. Ю. Барсукова // Полис. – 1999. – №1. – С. 137–147.
14. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры [Текст] / Р. Барт; сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.
15. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия [Текст] / В. П. Барышков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 188 с.
16. Бауман, З. От паломника к туристу [Текст] / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133-154.
17. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре [Текст] / Д. Бахманн-Медик / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
18. Беззубова, О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса [Текст] / О. В. Беззубова // Коммуникация и образование: сб. статей / Под ред. С. И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 418–427.

19. Белоусов, В.Н. Использование системного подхода в проектировании и управлении развитием города [Текст] / В.Н. Белоусов. – М.: Стройиздат, 1977. – 158 с.
20. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
21. Бердяев, Н. А. О назначении человека [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ Хранитель, 2006. – 478 с.
22. Бердяев Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.
23. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – 348 с.
24. Берестовская, Д. С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 380 с.
25. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры [Текст] / Э. Берн. – М: Эксмо, 2014. – 1224 с.
26. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) [Текст] / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
27. Библер, В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков [Текст] / В. С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
28. Библер, В. С. Диалектика и диалогика // Архэ: Ежегодник культурологического семинара. – М., 1998. – Вып. 3. – С. 23–41.
29. Богданов, Г. Подготовка картин к экспозиции [Текст] / Г. Богданов // Художник. – 1963. – № 9. – С. 45–48.
30. Бодрийар, Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийар // Философско-литературный журнал: Логос. – 1997. – № 9. – С. 107–116. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

31. Бодрийар, Ж. Прозрачность Зла [Текст] / Ж. Бодрийар. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
32. Бодрийар, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийар. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
33. Бодрийар, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийар; пер. А. Качалова. – М.: Рипол-классик, 2011. – 240 с.
34. Бодрийар, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийар. – М.: Рудомино, 2001. – 220 с.
35. Большаков, В. П. Провинциальность культурных пространств нынешней России [Текст] / В. П. Большаков // Культура русской провинции: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола. – СПб.: Искусство России, 2005. – С. 6–8.
36. Бродель, Ф. М. Грамматика цивилизаций [Текст] / Ф. М. Бродель. – М.: Весь Мир, 2008. – 552 с.
37. Бродель, Ф. М. Структуры повседневности: возможное и невозможное [Текст]: в 2 т. / Ф. М. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 621 с.
38. Бродель Ф. Что такое Франция. В 2 т. / Ф. Бродель. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. – Т. 1: Пространство и история. – 405 с.
39. Броницкая, А. Меняющийся Пекин [Текст] / А. Броницкая // ПРОЕКТiINTERNATIONAL. – 2009. – № 21. – 183 с.
40. Бубер, М. Диалог [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 122–161.
41. Бубер, М. Я и ты [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 16–92.
42. Бурдые, П. Различение: социальная критика суждения [Электронный ресурс] / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2005. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 09.03.2018).

- 43.Бурдые, П. Физическое и социальное пространство. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- 44.Быстрова, А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии [Текст] / А. Н. Быстрова // Философские науки. – 2004. – № 12. – С. 24–40.
- 45.Быстрова, А. Н. Проблема культурного пространства: (опыт филос. анализа) [Текст] / А. Н. Быстрова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 237 с.
- 46.Валерий Максим Достопамятные деяния и изречения [Текст]: в VIII кн. / Максим Валерий. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1772. – Кн. VIII – 308 с.
- 47.Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- 48.Васютина, Н. К. Город будущего в романе Питера Акройда «Повесть о Платоне» [Текст] / Н. К. Васютина // Известия Уральского ун-та. Екатеринбург. – 2004. – № 33. – С. 122–128.
- 49.ВДНХ – официальный сайт Выставки достижений народного хозяйства. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vdnh.ru/> (дата обращения: 15.11.2017).
- 50.Вебер, М. Город. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
- 51.Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст] / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 702 с.
- 52.Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Изд-во «Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. – 240 с.
- 53.Википедия. Узловой аэропорт. [Электронный ресурс].URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Узловой аэропорт](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Узловой_аэропорт) (дата обращения: 11.10.2018).

- 54.Виноградова, О. Сноб. Настоящее и будущее города [Электронный ресурс] / О. Виноградова. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070/page/2> (дата обращения: 15.02.2018.).
- 55.Виноградский, В. Г. Городской образ жизни при социализме [Текст] / В. Г. Виноградский. – Изд-во СГУ, 1977. – 187 с.
- 56.Вирт, Л. Избранные работы по социологии [Текст] / Л. Вирт. – М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.
- 57.Всеволодова, А. Н. Социальные сети как источник информации о жизни областных российских городов [Текст] / А. Н. Всеволодова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2014. – № 2. – С. 46–51.
- 58.Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г. Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
- 59.Ганжа, А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве [Текст] / А. Ганжа // Логос. – 2012. – № 1. – С. 289–310.
- 60.Гафар, Т. Образование в современном музее: типы программ и направления развития [Текст] / Т. Гафар // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия: сб. статей / Отв. ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская. – М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. – С. 29–39.
- 61.Гачев, Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек, картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, Б. А. Кругликов. – М.: Наука, 1987 – С. 198–227.
- 62.Гегель, Георг Вильям Фридрих. Наука логики: в 3-х т. / Г. В. Ф. Гегель. – Т.1. – Москва: Мысль, 1970. – 501 с.
- 63.Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, Пер. с нем. Б. Столпнера, В 3-х т. Т. 1. – М., Мысль, 1974. – 452 с.
- 64.Герострат. Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Герострат> (дата обращения: 21.12.2017).

65. Геростратизация [Электронный ресурс] // CREDO NEW теоретический журнал. – URL: <http://credonew.ru/content/view/1294/68/> (дата обращения: 21.12.2017).
66. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
67. Гидион, З. Пространство, время, архитектура [Текст] / З. Гидион; пер. с нем. М. В. Леонене, Черня И. Л. – М.: Стройиздат, 1984. – 455 с.
68. Гиль, А. Ю. Изменения в деятельности музеев с учетом тенденций развития современного общества [Текст] / А. Ю. Гиль // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – 148 с.
69. Глазычев, В. Л. Малый город: технология выживания и развития [Текст] / В. Л. Глазычев // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 9–18.
70. Глазычев, В. Л. Город без границ [Текст] / В. Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
71. Глазычев, В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды [Текст] / В. Л. Глазычев. – М.: Наука, 1984. – 180 с.
72. Гольдин, П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики [Текст]: в 2-х ч. / П. З. Гольдин. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 11. – Ч. II. – С. 66–69.
73. Гофман, Э. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / Э. Гофман; пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: Кучково поле, 2000. – 304 с.
74. Губанков, А. Н. Сетевые СМИ в культурном пространстве города: коммуникация, интерпретация, диалог [Текст] / А. Н. Губанков: автореф. дис. канд. культ. наук: 24.00.01. – СПб., 2011. – 151 с.
75. Гуляницкий, Н. Ф. Город и время [Текст] / Н. Ф. Гуляницкий, А. В. Иконников, И. Г. Лежава. – М.: Стройиздат, 1973. – 302 с.

76. Гуляницкий, Н.Ф. История архитектуры. Архитектура гражданских и промышленных зданий [Текст]: в 5 т. / Н.Ф. Гуляницкий. – М.: Стройиздат, 1984. – Т. 1. – 336 с.
77. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
78. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
79. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст]: Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
80. Гутнов, А.Э. Эволюция градостроительства [Текст] / А. Э. Гутнов. – М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.
81. Давыдов, А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад - Россия. Статья первая. Представление о богочеловеке как форма медиации и проблема культуры // *Общественные науки и современность*. № 6, 2000. С. 82-93.
82. Давыдов, А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад-Россия. Статья вторая. Гуманизация культуры. Иисус в России // *Общественные науки и современность*. № 2, 2001. С. 101-114.
83. Давыдов, А.П. Инверсия и медиация в культуре как предмет философского осмысления // *Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы Международной научной конференции 12-14 марта 2001*. М.: Научный совет РАН по истории мировой культуры, 2001. С. 694-726.
84. Давидович, В. Е., Сущность культуры / Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Ростов н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1979. – 264 с.
85. Давидович, В. Е. Культура и ее место в жизни общества / Давидович В. Е., Белолипецкий В. К. // *Философские науки*. – 1974. – № 2. – С. 23–30.

86. Даркевич, В. П. Празднества Средневековья Атеистические чтения [Текст] / В. П. Даркевич. – М.: Политиздат, 1990. – Вып. 19. – 112 с.
87. Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов [Текст] / Дж. Джекобс. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
88. Дильтей, В. Категории жизни [Текст] / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 129–143.
89. Долак, Я. Музейная экспозиция музейная коммуникация [Текст] / Я. Долак // ВМ. – 2010. – № 1. – С. 37–46.
90. Долгий, В. М. Архаическая культура и город [Текст] / В. М. Долгий, А. Г. Левинсон // Вопросы философии. – 1971. – № 7. – С. 91–102.
91. Долгий, В. М. Урбанизация как социокультурный процесс [Текст] / В. М. Долгий, Ю. А. Левада, А. Г. Левинсон // Урбанизация мира. Вопросы географии. – М.: Мысль, 1974. – Сб. 96. – С. 19–31.
92. Драч, Г. В. Историческое развитие представлений о культуре / Г. В. Драч; под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Г. В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 23–36.
93. Дридзе, Т. М. Вернуть столицу горожанам. О социальной диагностике в градостроительстве [Текст] / Т. М. Дридзе // ОНС. – 1997. – № 5. – С. 26–34.
94. Дридзе, Т. М. На пороге эоантропоцентрической социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 97–103.
95. Дридзе, Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании [Текст] / Т. М. Дридзе // ОНС. – 1994. – № 1. – С. 131–138.
96. Дридзе, Т. М. Эоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Социс. – 2000. – № 2. – С. 20–28.

97. Желнина, А. «Здесь как музей»: Торговый центр как общественное пространство [Текст] / А. Желнина // *Laboratorium*. – 2011. – № 2. – С. 48–69.
98. Жданов, Ю. А. Встреча труда и культуры / Ю. А. Жданов. – М.: Знание, 1979. – 63 с.
99. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // *Логос*. – 2002. – №3. – С. 1–12.
100. Зиммель, Г. Избранное [Текст]: в 2 т. / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – 607 с.
101. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры: избранное [Текст]: в 2 т. / Г. Зиммель. – М.: 1996. – Т. 1. – 490 с.
102. Зиммель, Г. Философия денег (фрагмент). Теория общества: сборник / пер. с нем., англ. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999 – 416 с.
103. Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. – 607 с.
104. Зиммель, Г. Экскурс о чужаке. Социологическая теория: история, современность, перспективы [Текст] / Г. Зиммель // Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 7–12.
105. Зосимов, Г.И. Пространственная организация города (модуль в планировочной структуре) [Текст] / Г.И. Зосимов. – М.: Стройиздат, 1976. – 120 с.
106. Зукин, Ш. Культуры городов [Текст] / Ш. Зукин; пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
107. Иванов, В. В. Дионис и прадионисийство [Текст] / В. В. Иванов. – СПб.: Алетейя, 1994. – 350 с.
108. Иванов, Д. В. Виртуализация общества. Virtualization of society [Текст] / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 95 с.

109. Иконников, А. В. Искусство, среда, время (эстетическая организация городской среды) [Текст] / А. В. Иконников. – М.: Советский художник, 1984. – 336 с.
110. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре [Текст] / А. В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 286 с.
111. Иконникова, С. Н. История культурологических теорий: культурное пространство как ценность и национальное достояние [Текст] / С. Н. Иконникова. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
112. Иконникова, С. Н. Архитектоника и динамизм культурного пространства России [Текст] / С. Н. Иконникова // Гуманитарные науки. – 1997. – № 2. – С. 93–97.
113. Иконникова, С. Н. Философия культурного пространства города [Текст] / С. Н. Иконникова // Ученые записки факультета культуры СПбГУ. СПб., 2001. – Вып. 2: Культурное пространство Петербурга: история и современность. – С. 4–16.
114. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Иван Ильин. – Москва: АСТ, 2003. – 365 с.
115. История и культура Ростовской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st019.shtml>. (дата обращения: 14.10.2017).
116. Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
117. Каган, М. С. Философская теория ценностей [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
118. Каганов, Г. З. Городская среда: преемство и наследование [Текст] / Г. З. Каганов // Человек. – 2000. – № 4. – С. 49–62.
119. Каганов, Г. З. Горожанин в городе: идентификация с землей и небом [Текст] / Г. З. Каганов // Человек. – 2001. – № 4. – С. 28–38.

120. Каганов, Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства наследование [Текст] / Г. З. Каганов. – М.: Индрик, 1995. – 223 с.
121. Каганский, В. Л. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики [Текст] / В. Л. Каганский, Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 392 с.
122. Кармин, А. С. Культурология [Текст] / А. С. Кармин. – М.: Питер, 2010. – 240 с.
123. Кармин, А. С. Основы культурологии. Историография культуры [Текст] / А. С. Кармин. – СПб.: Лань, 1997. – 928 с.
124. Кассирер, Э. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
125. Касаткина, С. С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства [Текст] / С. С. Касаткина. – Череповец: Череп. гос. ун-т, 2018. – 160 с.
126. Кастельс, М. Галактика Интернет. Цифровая библиотека по философии [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/roO/s01/z0001024/st000.shtml> (дата обращения: 12.01.2018).
127. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
128. КБ «Стрелка» показало, как будут выглядеть городские пространства Ростова после реконструкции. Городской репортёр [Электронный ресурс]. – URL: <http://cityreporter.ru/kb-strelka-pokazalo-kak-budut-vyglyadet-gorodskie-prostranstva-rostova-posle-rekonstruktsii/> (Дата обращения: 14.09.2017).
129. Кияненко, К.В. К архитектуре, озабоченной человеком. О проектировании людей, с людьми и для людей / К. В. Кияненко, Г. СанOFF // Архитектурный вестник. – 2010. – № 1. – С. 112–121.

130. Клакхон, К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию [Текст] / К. К. М. Клакхон. – СПб.: Евразия, 1998. – 351 с.
131. Коган, Л. Б. Быть горожанами [Текст] / Л. Б. Коган. – М.: Мысль, 1990. – 205 с.
132. Коган, Л. Б. Социально-культурные функции города и пространственная среда [Текст] / Л. Б. Коган. – М.: Стройиздат, 1982. – 120 с.
133. Колязин, В. Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья / В.Ф.Колязин: Гос. ин-т. искусствознания Мин-ва культуры РФ. – М.: Наука, 2002. – 208 с.
134. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) [Текст] / И. В. Кондаков. – М.: Наука, 1994. – 360 с.
135. Константинова, С. С. Экзамен по музееведению [Текст] / С. С. Константинова. – М.: Приор-издат, 2005. – 80 с.
136. Костина, А. В. Информационное общество и традиционная культура: Pro & Contra [Текст]: сб. науч. ст / А. В. Костина // Культурные трансформации в информационном обществе / Отв. ред. А.И. Шендрик; ред. колл. А. В. Костина. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 128–155.
137. Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания [Текст] / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 72–76.
138. Котляров, В. М. Центр и периферия проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) [Текст] / В. М. Котляров, А. М. Трофимов, Ю. Г. Селиверстов // Известия АН. Серия географическая. – 1998. – № 1. – С. 36–43.

139. Кубрякова, Е. С. О понятии места, предмета, пространства. Логический анализ языка. Языки пространств [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 2000. – С. 84–92.
140. Куклинова, И.А. Культурная медиация: история и современное понимание термина // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2021. №41. – С. 240-247.
141. Куле, К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия. М. : Новое лит. обозрение, 2004. – 265 с.
142. Культурология [Текст] / Под научн. ред. Г. В. Драча. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 608 с.
143. Культура.РФ. Кисловодский курзал [Электронный ресурс].URL: <https://www.culture.ru/institutes/2352/kislovodskii-kurzal> (дата обращения: 08.11.2018).
144. Кушнарера, И. Ко всему приделать «лайки» [Текст] / И. Кушнарера // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10–18.
145. Ласло, Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира [Текст] / Э. Ласло; предисловие И. Пригожина // Путь. – 1995. – № 7. – С. 3–129.
146. Лебедева, Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и кризис «публичности» [Текст] / Е. В. Лебедева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20. – С. 74–92.
147. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920-1930 гг. [Текст] / Н. Б. Лебина. – СПб.: Журнал «Нева» Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. – 320 с.
148. Лебон, Г. Психология масс [Текст] / Г. Лебон. – М.: АСТ, 2000. – 320 с.
149. Левин, К. Теория поля в социальных науках [Текст] / К. Левин. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.

150. Леви-Строс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1999. – 392 с.
151. Леви-Строс, К. Структура мифов [Текст] / К. Леви-Строс // Вопросы философии. – 1970. – №7.– С. 154–164.
152. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К.Леви-Строс. - М.: «Академический проект», 2008. – 512 с.
153. Лекторский, В. А. Генрих Степанович Батищев и его "Диалектика творчества" / В. А. Лекторский // Философия не кончается.: из истории отечественной философии. XX век. 1960-80-е годы. М., 1998.-Кн. 2. – С. 514-530.
154. Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр / Пер. с франц. И. Стаф. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
155. Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр; пер. с фр. С. А. Эфирова // Социологическое обозрение. – 2002. – № 3. – С. 27–29.
156. Лефевр, А. Социальное пространство [Текст] / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С. 3–14.
157. Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
158. Линч, К. Совершенная форма в градостроительстве [Текст] / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
159. Лихачев, Д. С. Избранное [Текст] / Д. С. Лихачев; ред. Т. Шмакова. – М.: Logos, 1997. – 559 с.
160. Лорд, Б. Менеджмент в музейном деле [Текст] / Б. Лорд, Г. Лорд. – М.: Лотос, 2002. – 256 с.
161. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

162. Лотман, Ю. М. Город и время [Текст] / Ю. М. Лотман // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – 1993. – Вып. 1. – С. 84–92.
163. Лотман Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб., 2000. – 464 с.
164. Лотман, М. Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства [Текст] / М. Ю. Лотман // О метаязыке типологических описаний культуры. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.
165. Лукина, М. М. СМИ в пространстве Интернета [Текст] / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – 87 с.
166. Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
167. Луман, Н. Медиа коммуникации [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2005. – 280 с.
168. Луман, Н. Реальность массмедиа [Текст] / Н. Луман. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
169. Лэндри Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с.
170. Майстровская, М. Т. Музейная экспозиция: тенденции развития. Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции (На пути к музею XXI века) [Текст]: сб. науч. трудов / М. Т. Майстровская. – М.: РИК, 1997. – 216 с.
171. Макаренко, В. Жертвы «Тигра». Новая газета. 25 сентября. 2014 г. [Электронный ресурс] / В. Макаренко. – URL: <http://www.novaya-gazeta.ru/inquests/65423.html> (дата обращения: 14.11.2017).
172. Маккуайр , С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство [Текст] /С. Маккуайр / Пер. с англ. - М.: Strelka-Press, 2014. – 392 с.

173. Мак-Кене, Д. Этика в пост современной перспективе [Текст] / Д. Мак-Кене // Философские науки. – 1996. – № 1–4. – С.165–174.
174. Маклюэн, М. Понимание медиа, внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2003. – 462 с.
175. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 117 с.
176. Маркарян Э. С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 15–23.
177. Маркарян, Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур [Текст] / Э. С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. – Ереван: АН Арм. ССР, 1978. – С. 113–114.
178. Марков, Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры [Текст] / Б. В. Марков. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.
179. Мастеница, Е. Н. Культурное пространство города, пути постижения и интерпретации [Текст] / Е. Н. Мастеница // Труды СПбГИК. – 2015. – Т. 212. – С. 223–227.
180. Межевич, М. Н. Социальное развитие и город [Текст] / М. Н. Межевич. – Л.: Наука, 1979. – 144 с.
181. Межуев, В. М. Диалог между цивилизациями как философская проблема / В. М. Межуев // Вестник Моск. государственного университета культуры и искусства. – 2004.- №1.
182. Межуев, В. М. Культура и история: Проблема культуры в философско-исторической теории марксизма / В. М. Межуев – М.: Мысль, 1977. – 197 с.
183. Меламед, Ю. Перепостили – следовательно, существую [Текст] / Ю. Меламед // Логос. Философско-литературный журнал. – 2012. – № 2. – С. 10–18.

184. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон; пер. с англ. Егоровой Е. Н. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
185. Мещерякова, Н. А. Ф. И. Шаляпин. Забытые страницы творческой биографии: «...для сцены Кавказом рождён» / Н. А. Мещерякова // Южно-Российский музыкальный альманах – 2018. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-i-shalyapin-zabytye-stranitsy-tvorcheskoj-biografii-dlya-stseny-kavkazom-rozhdyon> (дата обращения: 11.10.2018).
186. Мизиано, В. Пять лекций о кураторстве [Текст] / В. Мизиано. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 256 с.
187. Митчел, У.Дж. Я ++: Человек, город, сети [Текст] / У. Дж. Митчел. – М.: Strelka Press, 2012. – 328 с.
188. Михельсон, М. О. Междисциплинарный подход к изучению городской культуры: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Михельсон Мария Олеговна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена] – Санкт-Петербург, 2009. – 129 с.
189. Молчанов, Ю.В. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю.В.Молчанов. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
190. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 405 с.
191. Музей современного искусства Garage [Электронный ресурс]. – URL: <https://garagemca.org/ru> (дата обращения: 15.11.2017).
192. Музей современного искусства Эрарта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.erarta.com> (дата обращения: 15.11.2017).
193. Музейное дело России [Текст] / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – М.: ВК, 2003. – 614 с.
194. Мухин, А. С. Категории «пространство» и «время» в философии античности, средних веков и Возрождения [Электронный ресурс] / А. С. Мухин // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 37. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-prostranstvo-i-vremya-v-filosofii-antichnosti-srednih-vekov-i-vozhrozhdeniya> (дата обращения: 10.08.2018).
195. Нерсесьянц, Н. Н. Проблемы формирования центра г. Ростова-на-Дону. Застройка Ростова-на-Дону. Проблемы и перспективы [Текст] / Н. Н. Нерсесьянц. – Ростов н/Д, 2005. – С. 22–29.
196. Николис, Г. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации [Текст] / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Мир, 1979. – 512 с.
197. О Геростратах [Электронный ресурс] // Журнал «Психология». – URL: psychology.su/2009/06/28/o-gerostratax/ (дата обращения: 21.12.2017).
198. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества [Текст] / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
199. Омельченко, Е. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ [Текст] / Е. Омельченко, С. Поляков // Социологическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 111–132.
200. Организация Объединённых Наций. Экономический и социальный совет. Европейская экономическая комиссия. Комитет по жилищному хозяйству и землепользованию. Показатели умных «устойчивых» городов, разработанные ЕСК-ООН-МСЭ.[Электронный ресурс]. URL:http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2015/ECE_HBP_2015_4.ru.pdf (дата обращения:04.12.2018).
201. Орлова, Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию [Текст] / Э. А. Орлова. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.
202. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – 506 с.

203. Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-gorod.ru/index/news/1/320115/> (дата обращения: 13.09.2017).
204. Павлов, А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией [Текст] / А. В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.
205. Павлова, Л. И. Город: Модели и реальность [Текст] / Л. И. Павлова. – М.: Стройиздат, 1994. – 320 с.
206. Памятники Дона. Сайт защитников культурно-исторического наследия Ростовской области. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vooriik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/3053-2013-05-01-15-29-09> (дата обращения: 12.10.2017).
207. Паринов, С. И. Онлайн-сообщества: методы исследования и практическое конструирование [Текст] / С. И. Паринов: автореф. дис. д-ра технич. наук: 05.13.16. – Новосибирск: Рос. акад. наук., Ин-т экономики и организации промышленного производства, 2000. – 26 с.
208. Парк, Р. Город как социальная лаборатория [Текст] / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – № 3. – С. 3–12.
209. Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок [Текст] / Р. Парк, В. Николаев // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 11–18.
210. Парк, Р. Организация сообщества и романтический характер [Текст] / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – №3. – С.13–18.
211. Парк, Р. Экология человека. Теория общества [Текст] / Р. Парк. – М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. – 416 с.
212. Парсонс, Т. О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

213. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект», 2000. – 880 с.
214. Патаракин, Е.Д. Сетевые сообщества и обучение [Текст] / Е. Д. Патаракин. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 112 с.
215. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь [Текст] / Р. Патнэм // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 4. – С. 77–86.
216. Патнэм, Х. Философия сознания [Текст] / Х. Патнэм. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
217. Перцик, Е. Н. Среда человека, предвидимое будущее [Текст] / Е. Н. Перцик. – М.: Мысль, 1990. – 365 с.
218. Перцик, Е. Н. География городов (геоурбанистика) [Текст] / Е. Н. Перцик. – М.: Высшая школа. 1991. – 319 с.
219. Песоцкая, Е. В. О социальном комплексе городов [Текст] / Е. В. Песоцкая // Вестник СПбГУ. – Вып. 4. – Сер.6. – 1994. – С. 93–97.
220. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров М.: Наука, 1991. – 328 с.
221. Петров, М. К. Античная культура / М. К. Петров. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – с. 352.
222. Пивоваров, Ю. Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика [Текст] / Ю. Л. Пивоваров. – Нальчик: Полиграф сервис, 2007. – 336 с.
223. Пивоваров, Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность [Текст] / Ю. Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101–112.
224. Пигалев, А. И. Культура как целостность: методологические аспекты [Текст] / А. И. Пигалев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. – 468 с.

225. Подорога, В. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию [Текст] / В. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.
226. Позднева, С. П. О междисциплинарном статусе понятия «социальная память». Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века [Текст] / С. П. Позднева. – Саратов: Научная книга, 2004. – 320 с.
227. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги [Текст]: в 2 т. / К. Р. Поппер. – М.: Междунар. фонд «Культ, инициатива» – Soros foundation: Феникс, 1992. – Т. 1. Чары Платона. – 446 с.
228. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
229. Преобразование городской среды [Текст]. – М.: Стройиздат, 1978. – 170 с.
230. Пресняков, С. В. Экономика социокультурной деятельности. [Электронный ресурс] / С. В. Пресняков. – URL: https://abc.vvsu.ru/books/ekonom_soz_dejatel/page0001.asp (дата обращения: 24.11.2017).
231. Пригожин, И. Философия нестабильности [Текст] / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
232. Пригожин, И. От существующего к возникающему [Текст] / И. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 326 с.
233. Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070> (дата обращения 10.05.2016).
234. Прохоров, Б. Б. Жизненная среда горожан [Текст] / Б. Б. Прохоров // Человек. – 1993. – № 4. – С. 43–49.
235. Пятигорский, А. М. Избранные труды [Текст] / А. М. Пятигорский // «Другой» и «свое» как понятия литературной философии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 207 – 210.

236. Раудсепп, М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями [Текст]: сб. статей / М. Раудсепп // Средовые условия групповой деятельности. – Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1988. – С. 93–118.
237. Ребайн, А. Я. Историко-градостроительный анализ территориально-пространственного развития Ростова-на-Дону [Текст]: сб. статей / А. Я. Ребайн // Развитие градостроительных систем Северного Кавказа. – Ростов н/Д.: РИСИ, 1988. – С. 4–12.
238. Репина, М. А. Актуальная роль процесса соучастия в развитии городских территорий [Текст]: сб. статей // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство / Под ред. М. И. Бальзанникова, К. С. Галицкова, Е. А. Ахмедовой. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. – С. 157–159.
239. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ: Религия и вера [Текст] / П. Рикёр. – М.: Искусство, 1996. – 270 с.
240. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
241. Рикёр, П. Человек как предмет философии [Текст] / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С.41-46.
242. Риккерт, Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени [Текст] / Г. Риккерт. – Пб.: Академия, 1922. – 167 с.
243. Ростов – город. Ростов – Дон! Сайт о Ростове и ростовчанах. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ростовгород.рф/13-arkhitektura/824-park-im-m-gorkogo> (дата обращения: 12.10.2017).
244. Сайко, Э. В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития [Текст]: сб. статей / Э. В. Сайко // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 9–21.

245. Салтыков, А. Б. Поведение и неопределенность среды [Текст] / А. Б. Салтыков, А. В. Толочков, Н. К. Хитров. – М.: Медицина, 1996. – 144 с.
246. Сванидзе, А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения [Текст]: сб. статей / Л. Л. Сванидзе // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 29–31.
247. Свенсон, Р. Социальное планирование в градостроительной практике [Текст] / Р. Свенсон. – М.: Стройиздат, 1991. – 112 с.
248. Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет; пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, В. Софронов – М.: Логос, 2002. – 424 с.
249. Сидоров, В. В. Четверть тысячелетия. Городские головы, председатели горсовета, горисполкома, мэры [Текст] / В. В. Сидоров // Южная звезда. Литературно-художественный и публицистический альманах. – Ростов н/Д.: Книга, 1999. – С. 34-35.
250. Словарный запас: Публичное пространство [Электронный ресурс]. - URL: <http://strelka.com/ru/magazine/2015/04/02/vocabulary-public-space> (дата обращения: 27.10.2017.)
251. Слотердаик, П. Сферы. Микросферология [Текст]: в 2 т. / П. Слотердаик. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 1. Пузыри. – 688 с.
252. Сойя, Э. У. Как писать о городе с точки зрения пространства? [Текст] / Э. У. Сойя // Логос. – 2008. – № 3. – С.130–140.
253. Сорокин, П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [Текст] / П. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 1999. – 448 с.
254. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений [Текст] / П. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

255. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
256. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ, отношений. Питирим Сорокин [Текст] / П. Сорокин; пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.
257. Сорокин, П. А. Система социологии / Питирим Александрович Сорокин; вст. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2008. – 1008 с.
258. Спиллейн, М. Создайте свой имидж. Руководство для женщин [Текст] / М. Спиллейн. – М.: Олма-Пресс, 1996. – 149 с.
259. Средневековый мир в терминах, именах и названиях [Текст]: словарь-справочник / Науч. ред. В. А. Федосик, Е. Д. Смирнова; сост. Е. Д. Смирнова. – Минск: Беларусь, 1999. – 383 с.
260. Стил, К. Голодный город [Текст] / К. Стил. – М.: Strelka Press, 2014. – 456 с.
261. Субботина, Т.В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Текст] / Т. В. Субботина // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 24. – С. 111–113.
262. Тайлор, Э. Первобытная культура [Текст] / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
263. Тённис, Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии / Фердинанд Тённис ; Пер. с нем. Д. В. Складнева. - М. : Фонд Университет : СПб. : Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – 451 с.
264. Тишков, В. А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 14–31.
265. Тойнби, А. Постижение истории [Текст]: сб. / А. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

266. Толстой, П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697-1699 [Текст] : [путевые записки] / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; [Российская АН]. - Москва : Наука, 1992. – 380 с.
267. Томск ВКонтакте. Как устроены городские сообщества ВК [Электронный ресурс]. – URL: <https://obzor.westsib.ru/article/506746> (дата обращения: 12.12.2017.).
268. Тоффлер, Э. Третья волна. Элвин Тоффлер [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 795 с.
269. Тоффлер, Э. Шок будущего. Элвин Тоффлер [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2003. – 557 с.
270. Трудности.net. Ваше путешествие по Европе в вопросах и ответах. Хабы Европы: аэропорты Баракс, Схипхол, Хитроу. [Электронный ресурс]. URL: <https://trudnosti.net/articles/78> (Дата обращения: 11.10.2018).
271. Тулиганова, И. В. Город как культурный ландшафт [Текст] / И. В. Тулиганова // Вестник ПАГС. – 2007. – № 13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-kulturnyy-landshaft> (дата обращения: 09.03.2018).
272. Тульчинский, Г. Л. Личность как успешный автопроект. От события к бытию [Текст] / Г. Л. Тульчинский. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 49–63.
273. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры [Текст] / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 284 с.
274. Урри, Дж. Мобильности [Текст] / Дж. Урри. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
275. Устьянцев, В. Б. Культурно-историческое пространство крупного города. Города региона: Культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего [Текст] / В. Б. Устьянцев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 232 с.

276. Филиппов, А. Ф. Социология пространства // Логос. – 2000. – № 2 (23). – С. 113-151.
277. Флоренский, П. А. Время и пространство [Текст] / П. А. Флоренский // Социологические исследования. – 1988. – №1. – С. 100–114.
278. Форрестер, Дж. Динамика развития города [Текст] / Дж. Форрестер. – М.: Прогресс, 1974. – 350 с.
279. Форрестер, Дж. Эта странная социальная система [Текст] / Дж. Форрестер // Мировая экономика и международные отношения. – 1972. – № 6. – С. 94–96.
280. Франк, С. Л. Сочинения [Текст] / С. Л. Франк. – М.: Правда. 1990. – 608 с.
281. Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
282. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
283. Фуко, М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
284. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2002. – 144 с.
285. Хабрахабр. Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://habrahabr.ru/company/palitrumlab/blog/259903/> (дата обращения: 17.10.2017).
286. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Биbihина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
287. Хейзинга, И. Осень средневековья [Текст] / И. Хейзинга. – М.: Наука, 1988. – 539 с.

288. Хорев, Б. С. Проблемы городов [Текст] / Б. С. Хорев. – М.: Мысль, 1971. – 413 с.
289. Хоружий, С. С. О старом и новом [Текст] / С. С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – 480 с.
290. Хоружий, С. С. Постсекуляризм и антропология [Текст] / С. С. Хоружий // Человек.ru. – 2012. – № 8. – С. 15–34.
291. Цицерон, М. Т. Об обязанностях [Текст] / М. Т. Цицерон. – М.: АСТ, 2003. – 300 с.
292. Черников, В. Г. Общественное пространство [Текст] / В. Г. Черников. – Воронеж, 1984. – 165 с.
293. Чэттертон, П. Чем вымощена дорога в креативный город [Текст] / П. Чэттертон // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – 258 с.
294. Штомпель, Л. А. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? [Электронный ресурс] / Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaizatsiya-sovremennoy-kultury-neobhodimost-ili-sluchaynost> (дата обращения: 06.03.2018).
295. Штомпель, Л. А. Культура южно-российского города: путешествие во времени и пространстве (на примере Ростова-на-Дону) [Текст] / Л. А. Штомпель, О. В. Баева. – Ростов-н/Д.: Ин-т архитектуры и искусств ЮФУ, 2012. – 231 с.
296. Штомпель, Л. А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. – № 6 (86). – С.10–16.
297. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

298. Шютц, А. Некоторые структуры жизненного мира [Текст] / А. Шютц // Философия языка и семиотика. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 213–229.
299. Эко, У. От Интернета к Гуттенбергу / У. Эко // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.
300. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 432 с.
301. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии [Электронный ресурс] // Социс. – 2000. – № 2. – С. 20–28. // Официальный сайт Института социологии РАН. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2000/003.DRIDZE.pdf> (дата обращения 26.01.2019).
302. Эрнст, В. Время медиа: понятия, археология, наука. Медиа между магией и технологией [Текст] / В. Эрнст. – М.: Екатеринбург, 2014. – 150 с.
303. Юдина Е. Н. Социальные сети в свете научных парадигм [Текст] / Е. Н. Юдина, С. А. Захарова // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 3. – С. 22–34.
304. Юнг, К.Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
305. Якишин, С. В. Культурно-коммуникационное пространство современного города: идентификация личности [Текст] / С. В. Якишин: автореф. дис. канд. филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. арх. строит. ун-т, 2015. – 25 с.
306. Яковенко, И. Г. Город в пространстве диалога культур и диалог города [Текст]: сб. ст. / И. Г. Яковенко // Социокультурное пространство диалога. – М.: Наука, 1999. – С. 90–101.
307. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

308. Amin, A. Collective culture and urban public space [Text] / A. Amin // City/ – 2008. – vol. 12. – № 1. – P. 5–24.
309. Andrew, M. Isseman. Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science [Text] / M. Andrew // The Review of Regional Studies. – 1993. – vol. 23. – № 1. – P. 3–23.
310. Augé, M. Non-Places: An Introduction to Anthropology of Supermodernity [Text] / M. Augé // London: Verso. – 1995. – P. 77–96.
311. Bolter J.D., Grusin R. Remediation: Understanding New Media. Cambridge [Text] / J. D. Bolter, R. Grusin – MA: MIT Press, 2000. – 260 p.
312. Carr, S. Public Space [Text] / S. Carr. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 344 p.
313. Castells, M. The Net and the Self. Working Notes for a Critical Theory of the Informational Society [Text] / M. Castells // Critique of Anthropology. – vol. 16. – № 1. – P. 9–38.
314. Coleman, E. From Public Management to Open Governance: A New Future or the More Things Stay the Same [Text] / E. Coleman. – Coventry: University of Warwick. – 2011. – April. – P. 24.
315. De Souza e Silva, A. Mobile Interfaces in Public Spaces: Locational Privacy, Control, and Urban Sociability [Text] / A. De Souza e Silva, J. Frith. – New York: Routledge, 2012. – 224 p.
316. Edward, W. Soja, 'Writing the City Spatially [Text] / W. Edward // City. – 2003. – vol. 7. – № 3. – P. 269–281.
317. Falk, J. Learning from Museums: Visitor Experiences and the Making of Meaning [Text] / J. Falk, L. Dierking. – Walnut Creek, 2000. – 91 p.
318. Garcia, C.N. The Imagined Globalization [Text] / C. N. Garcia. – Duke: Duke University Press, 2014. – 242 p.
319. Google Art & Culture [Electronic resource]. – URL: <https://www.google.com/culturalinstitute/beta> (дата обращения: 22.11.2017).

320. Gordon, E. Net Locality: Why Location Matters in a Networked World [Text] / E. Gordon, A. de Souza e Silva. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – 187 c.
321. Habermas L'espace public. Paris: Payot, 1987 [Text] / ed. by C. Calhoun // Frazer. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. Habermas and Public Sphere. – Cambridge. 1992. – P. 109–142.
322. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society [Text] / J. Habermas. – Boston: MIT press, 1989. – 301 p.
323. Harvey, D. «The Right to the City» [Text] / D. Harvey; in: Richard Scholar (ed.) Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 83–103.
324. Hudson, K. Museums for the 1980s – survey of world trends [Text] / K. Hudson. – L., 1977. – 430 p.
325. Ito, M. Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2005; Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002; Duarte F., de Souza e Silva A. Arte.mov, Mobile fest and the emergence of a mobile culture in Brazil [Text] / M. Ito, M. Matsuda, M. Okabe; the Routledge Companion to Mobile Media, ed. G. Goggin, L. Hjorth. – New York: Routledge, 2014. – P. 206–215.
326. Jenkins, H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. 2009 [Electronic resource] / H. Jenkins, R. Purushotma, M. Weigel. – URL:https://www.macfound.org/media/article_pdfs/JENKINS_WHITE_PAPER.PDF (дата обращения: 17.10.2017).
327. Kitchin, R. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge [Text] / R. Kitchin, M. Dodge. – MA: MIT Press, 2011. – 350 p.

328. Lofland, L. H. A World of strangers. Order and action in urban public space [Text] / L. H. Lofland. – N.Y.: BasicBooks, 1973. – 223 p.
329. Low, Setha M. The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear [Text] / M. Setha Low // American Anthropologist, New Series. – 2001. – № 103. – P. 45–58.
330. Lynch, K. The Image of the City. Cambridge [Text] / K. Lynch. – Massachusetts: MIT Press, Harvard University Press. 1960. – 252 p.
331. Manovich, L. Software Takes Command [Text] / L. Manovich. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 307 p.
332. Marshall, T.A. A review of recent developments in European environmental planning [Text] / T.A. Marshall // Environmental Planning & Management. – 1992. – № 35. – P. 49–59.
333. Massey, D. For Space [Text] / D. Massey. – London: Sage Publications, 2005. – 222 p.
334. Mörsch, C. Contradicting Oneself: Gallery Education as Critical Practice within the Educational Turn in Curating. It's all Mediating: Outlining and Incorporating the Roles of Curating and Education in the Exhibition Context [Text] / C. Mörsch. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 24 p.
335. Mumford, L. The culture of cities [Text] / L. Mumford. – N.Y., 1938. – 294 p.
336. Oyen, S.A. Intersubjectivity – an existentialistic, phenomenological and discourse ethical approach [Text] / S. A. Oyen // Tymieniecka, A-T. (ed.) Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. Book III. Heralding the New Enlightenment. – Springer Netherlands, 2010. – 202 p.
337. Rainie, L. Networked: The New Social Operating System [Text] / L. Rainie, B. Wellman. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 357 p.
338. Sandercock, L. Gender agenda [Text] / L. Sandercock, A.A. Forsyth // New urban direction for planning theory's Journal of American Planning Association. – 1992. – № 52. – P. 49–59.

339. Sennett, R. *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization* [Text] / R. Sennett. – New York: W.W. Norton, 1994. – 432 p.
340. Thrift, N. *The automatic production of space* [Text] / N. Thrift, S. French // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2002. – vol. 27. – P. 309–335.
341. *Time for Cultural Mediation* [Electronic resource] / Ed. by C. Mörsch, S. Fürstenberg, A. Chrusciel Online Publication. Institute for Art Education of Zurich University of the Arts (ZHdK), commissioned by Pro Helvetia, 2013. – 329 p. – URL: <http://www.kultur-vermittlung.ch/zeit-fuervermittlung> (дата обращения: 11.11.2017).
342. Urry, J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletia* [Text] / J. Urry. – Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 336 p.
343. Van Dijk, J. *The Network Society*. 2-nd ed. London: Thought hand Oaks [Text] / J. Van Dijk. – New Delhi: Sage Publishing, 2006. – 292 p.
344. Walker, D. M. *Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums* [Text] / D. M. Walker. – Ph.D.:University of Michigan, 2011. – 380 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А**Перечень вопросов глубинного интервью**

Уважаемый респондент!

Просим Вас в беседе с интервьюером ответить на предложенные вопросы, посвящённые качеству благоустройства объектов инфраструктуры парка КИО им.М.Горького.

- 1) Пол М Ж
- 2) Возраст _____
- 3) Сфера деятельности _____
- 4) Как часто Вы посещаете парк КИО им. М.Горького?
- 6) Как вы оцениваете качество объектов инфраструктуры парка КИО им.М.Горького?
- 7) Знаете ли Вы что-либо об истории парка КИО им. М.Горького?
- 8) Как Вы оцениваете к современному состоянию парка КИО им. М.Горького?
- 9) Что, по Вашему мнению, необходимо изменить в парке КИО им. М.Горького?
- 10) По Вашему мнению, какую роль играет парк КИО им.М.Горького в жизни города Ростова-на-Дону?
- 11) Что Вы делаете в парке (например, сижу на скамейке, гуляю с ребёнком, посещаю планетарий, закусываю в баре, встречаюсь с футбольными болельщиками, играю в шахматы и др.)

Спасибо за участие в исследовании!



Рис.3. Вид центральной аллеи парка (фото 50-х гг.)



Рис.4. Вид центральной аллеи парка (фото 2014 г.)



Рис. 5. Воскресная барахолка в парке им. М.Горького (фото 2017 г.)



Рис.6. Концерт в парке им. М.Горького (фото 2017 г.)